

RESPUBLICA LITERARIA

№1 2020

Respublica Literaria

2020. Т. 1. № 1.

Тема выпуска:

«Институализация науки
и научное сообщество»

Учредитель:

Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Issue topic:

"Institutionalization of science
and the scientific community»

Founder:

Institute of Philosophy and Law of the
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Редакция:

Главный редактор - Абрамова М. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Заместитель главного редактора - Хлебалин А. В.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Секретарь – Персидская О. А.
(ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)

Редакционный совет:

Вольф М. Н. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Лазаревич А. А. (Институт философии, Минск,
Республика Беларусь)
Дробизева Л. М. (ФНИСЦ РАН, Москва, Россия)
Аязбекова С. Ш. (МГУ, Нур-Султан, Казахстан)
Синеокая Ю. В. (ИФ РАН, Москва, Россия)
Толстых В. Л. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Целищев В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Шаронова С. А. (РУДН, Москва, Россия)
Liberska H. (Университет г. Быдгощ им. Казимира
Великого, Быдгощ, Польша)
Campbell C. (Техаский университет в Остине, США)

Редакционная коллегия:

Аблажей А.М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Афонасин Е.В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Борисов Е. В. (ТГУ, Томск, Россия)
Григоричев К. В. (ИГУ, Иркутск, Россия)
Зазулина М. Р. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Зыков С. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Костина Е. Ю. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Костюк В. Г. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Куликов С. Б. (ТГПУ, Томск, Россия)
Лбова Е. М. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Мадюкова С. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Петров В. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Попков Ю. В. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Санжениаков А. А. (ИФПР СО РАН, Новосибирск,
Россия)
Сторожук А.Ю. (ИФПР СО РАН, Новосибирск, Россия)
Ярулин И. Ф. (Тихоокеанский университет, Хабаровск,
Россия)
Ячин С. Е. (ДВФУ, Владивосток, Россия)
Dr. David C. Lewis (Yunnan University, China; University
of Cambridge, England)
Farnika M. (Университет Зелена Гура, Зелена Гура,
Польша)

Editorial council:

Chief editor-M. A. Abramova
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Vice chief editor-A.V. Khlebalin
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Editor – Persidskaya O. A.
(IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)

Editorial Board:

Volf M. N. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Lazarevich A. A.
(Institute of philosophy, Minsk, Republic of Belarus)
Drobizheva L. M. (FCTAS RAS, Moscow, Russia)
Ayazbekova S. Sh. (MSU, Nur-Sultan, Kazakhstan)
Sineokaya Yu. V. (IP RAS, Moscow, Russia)
Tolstykh V. L. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Tselishchev V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sharonova S. A. (Peoples' Friendship University
of Russia, Moscow, Russia)
Liberska H. (University of Bydgoszcz.
Casimir The Great, Bydgoszcz, Poland)
Campbell K. (University of Texas at Austin, USA)

Editorial Board:

Ablazhey A. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Afonasin E. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Borisov E. V. (TSU, Tomsk, Russia)
Grigorichev K. V. (ISU, Irkutsk, Russia)
Zazulina M. R. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Zykov S. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kostina E. Yu. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Kostyuk V. G. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Kulikov S. B. (TSPU, Tomsk, Russia)
Lbova E. M. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Madyukova S. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Petrov V. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Popkov Yu. V. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Sanzhenakov A. A. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Storozhuk A. Yu. (IPL SB RAS, Novosibirsk, Russia)
Yarulin I. F. (Pacific National University,
Khabarovsk, Russia)
Yachin S. E. (FEFU, Vladivostok, Russia)
Dr. David C. Lewis (Yunnan University, China;
University of Cambridge, England)
Farnika M. (Zielona góra University,
Zielona góra, Poland)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	5
ФИЛОСОФИЯ	
Афонасин Е. В. Платон и академия («История академических философов» Филодема).....	7
Бровкин В. В. Космополитизм и патриотизм в греческой философии в период раннего эллинизма.....	25
Хлебалин А. В., Целищев В. В. История возникновения символической нотации математики XVII в. и трансформация математической практики.....	40
Бутаков П. А. Новый трюк в старом споре	48
Вольф М. Н., Берестов И. В. Сверхинтерпретация или апроприация?.....	58
Косарев А. В. Трансформация концепции риторической ситуации и понимание роли аудитории в ней.....	69
СОЦИОЛОГИЯ	
Абрамова М. А. Наука + Образование \neq Образование + Наука.....	83
Аблажей А. М. Постсоветская наука: попытка концептуализации.....	94
Попков Ю. В., Костюк В. Г., Персидская О. А. Институционализация Новосибирской научной этносоциологической школы: идеи, подходы, формы деятельности.....	103
К ЮБИЛЕЮ ИФПР СО РАН	
Целищев В. В., Покасова Е. В. ИФПР СО РАН: 30-летний юбилей	118
Для авторов. Требования к оформлению статей.....	124

CONTENTS

Introduction	5
PHILOSOPHY	
Afonasin E. V. Plato and the Academy (Philodemus' "History of the Academic Philosophers").....	7
Brovkin V. V. Cosmopolitanism and patriotism in greek philosophy during the early Hellenistic period.....	25
Khlebalin A. V., Tselishchev V. V. The history of the emergence of symbolic notation in mathematics in the 17th century and transformation of mathematical practice.	40
Butakov П. А. A new trick for the old debate	48
Volf M. N., Berestov I. V. Overinterpretation or appropriation?.....	58
Kosarev A. V. Transformation of the concept of a rhetorical situation due to virtualization of audience.....	69
СОЦИОЛОГИЯ	
Abramova M. A. Science + Education = (≠) Education + Science	83
Ablazhey A. M. Post-soviet science: the attempt of conceptualization.....	94
Popkov Yu. V., Kostyuk B. G., Persidskaya O. A. Institutionalization of the Novosibirsk scientific school of ethnosociology: ideas, approaches, forms of activity.....	103
TO THE ANNIVERSARY OF THE IPL SB RAS	
Tselishchev V. V., Pokasova H. V. IPL SB RAS: 30th anniversary	118
For authors. Submission guidelines.....	124

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В 2020 г. Институт философии и права празднует свой 30-летний Юбилей. Для Сибирского отделения РАН, основанного в 1957 г., это не слишком впечатляющая дата. Однако это тот срок, в течение которого Институт существует в статусе самостоятельной организации, образованной из Института истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР, учрежденного в 1966 г. В этой связи результаты, представляющие научные достижения сотрудников института, конечно же, не ограничиваются скромным 30-летним периодом.

Всю историю своего существования институт старается активно как популяризовать результаты своей научной деятельности, так и создавать условия для привлечения молодежи в науку. Накоплен многолетний опыт совместной работы с центральными и региональными научными центрами и вузами, значительный опыт участия в междисциплинарных научно-образовательных проектах и грантах. С конца 90-х гг. и по настоящее время сотрудниками ИФПР СО РАН осуществляется планомерная работа по проведению летних школ для студентов и аспирантов, где они могут услышать лекции ведущих специалистов в своей области и представить результаты собственных исследовательских проектов. Ежегодно проводится конференция молодых ученых по социологии, философии и правоведению, осуществляется подготовка в аспирантуре.

Часто говорят о том, что философия не является практической дисциплиной, однако интересы ИФПР СО РАН сосредоточены не только на фундаментальной проблематике. В настоящее время, следуя давно сложившейся традиции, коллективом Института уделяется значительное внимание актуальным проектам, ориентированным на конвергенцию естественно-научных и социогуманитарных направлений (в частности, в области, где смыкаются интересы формальной философии и логики, лингвистики и информационных технологий), максимально примыкающие к вопросам разработки цифровых инструментов коммуникации, рефлексивного управления коммуникативными ситуациями, экспертизой проектов, связанных с вопросами цифровизации человеческого пространства и выявления гуманитарных рисков, сопровождающих такие исследования.

Представляемый читателям журнал является новой площадкой для обмена научной информацией, результатами фундаментальных и эмпирических исследований между философами, социологами и представителями юриспруденции. Основное внимание уделяется ознакомлению широкой аудитории с актуальными тенденциями в социально-философском, социологическом и правоведческом осмыслении процессов общественного и государственно-правового развития в России и за рубежом, в том числе, с точки зрения соотнесенности с социальным, культурным и историческим контекстом.

Наш журнал нацелен на развитие активных и эффективных коммуникаций внутри научно-профессионального сообщества, создание междисциплинарной площадки для открытой дискуссии и свободного высказывания мнений, которые способствовали бы повышению качества научных исследований.

Мы готовы к сотрудничеству как с российскими, так и зарубежными учеными, стремимся к продвижению и распространению результатов российских авторов в международном профессиональном сообществе.

Журнал предполагает развитие традиционных разделов «Философия», «Социология», «Юриспруденция», «Рецензии», «Новости», и в тоже время будет включать тематические подборки, проводить на своих страницах актуальные дискуссии. Периодичность издания – 4 номера в год.

Наш первый пилотный номер приурочен к Юбилею Института философии и права СО РАН, в нем размещены статьи, раскрывающие вопросы организации и функционирования сообщества ученых в истории философии и науки, освещающие задачи и проблемы современного его развития, а также представляющие богатую историю исследований научного коллектива института.

Директор ИФПР СО РАН – М. Н. Вольф
Главный редактор журнала – М. А. Абрамова

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (091)

ПЛАТОН И АКАДЕМИЯ («ИСТОРИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ» ФИЛОДЕМА)

Е. В. Афонасин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
afonasin@gmail.com

Аннотация. В статье предлагается русский перевод части «Истории философов» Филодема, доступной в двух Геркуланских папирусах (PHerc. 1021 и PHerc. 164) и посвященной истории основания Афинской Академии и биографии ее основателя. Этот важный источник, представленный и подробно прокомментированный в статье, позволяет выделить наиболее интересные подробности жизни и политической деятельности Платона как в Афинах, так и в Сицилии. Рассмотренные биографические подробности реконструированы на основе самых ранних свидетельств, в том числе Платоновых писем, работ учеников Аристотеля Аристоксена и Дикеарха, платонического философа Гераклида Понтийского и эллинистического историка Неанфа (чьи данные в конечном итоге восходят к Исократу). Это делает биографию Платона и раннюю историю Академии более достоверной.

Ключевые слова: история научно-образовательных институтов, философские биографии, Афины.

Для цитирования: Афонасин, Е. В. (2020). Платон и Академия («История академических философов» Филодема) // *Respublica Literaria*. Т.1. № 1. С. 7-24. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.7-24

PLATO AND THE ACADEMY (PHILODEMUS' "HISTORY OF THE ACADEMIC PHILOSOPHERS")

E. V. Afonasin

Institute of philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
afonasin@gmail.com

Abstract. The paper offers a Russian translation of the portion of the "History of the philosophers" by Philodemus, available in two Herculaneum papyri (PHerc. 1021 and PHerc. 164), which deals with the history of the foundation of the Athenian Academy and the biography of its founder. This important source, introduced and extensively commented in the article, allows highlighting the most interesting details of Plato's life and political pursuits both in Athens and in Sicily. The biographical details discussed are reconstructed on the basis of the earliest evidence, including the Platonic letters, the works of the students of Aristotle Aristoxenus and Dicaearchus, the platonic philosopher Heraclides of Pontus, the Hellenistic historian Neanthes (who's information ultimately comes back to Isocrates), and some others. This gives the biography of Plato and the earliest history of Academy more credence.

Keywords: the history of scientific and educational institutes, philosophical biographies, Athens.

For citation: Afonasin, E. V. (2020). Platon and the Academy (Philodemus "History of the academic philosophers"). *Respublica Literaria*. 2020. Vol. 1. no. 1. pp. 7-24, DOI:10.47850/RL.2020.1.1.7-24.

Дионисий Старший пожалел о том, что не поверил Платону. По крайней мере, так пишет Аристоксен, которому в молодости довелось встретиться с престарелым бывшим сиракузским тираном в Коринфе и спросить его «почему он разозлился на Платона и какова была тому причина». На это Дионисий, как передает Плутарх (*Тимолеонт* 15), ответил, что «из многих зол, связанных с тиранической властью, хуже нет, когда никто из воображаемых друзей не говорит с тираном откровенно», так как «именно эти друзья и лишили его расположения Платона». О неудачных поездках Платона на Сицилию, со ссылкой на Аристоксена, пишет и сатирик Лукиан (*Парасит* 34) [Гараджа, 2019, с. 205-206]. Эти истории, конечно же, отражают детальное повествование о сицилийских контактах Платона, рассказанное автором *Седьмого письма*.

Злоключения философа при дворе иноземного властителя – это вечная история. Исключением выглядит лишь дружба между учениками Платона и Гермием (col. V¹ и *Шестое письмо* Платона). Как правило же мораль и политика несовместимы, и как предок Платона Солон по преданию не угодил лидийцу Крезу, так и далекий интеллектуальный наследник Платона Дамаский не пришелся ко двору персидскому правителю Хосрову. Именно в таком обобщенном ключе Филодем передает причину разногласий между Платоном и Дионисием (col. X). Напротив, если не считать сатирической ремарки Лукиана (наверное, чрезмерной даже для Аристоксена), будто Платон при дворе Дионисия, сначала Старшего, а затем Младшего, проявил «неспособность» и «невежество» (*Парасит* 34), то большинство биографов так или иначе связывают этот конфликт с открытым неприятием философом тиранической власти (Диоген Лаэртий, *Жизни философов* 3.18).

В результате – «Эгинское пленение», которое чуть не стоило философу свободы, а может и жизни. Хронологически первый источник, который рассказывает об этом, – Филодем. Его версия истории крайне лаконична. Сообщается, что Платон впервые прибыл на Сицилию в возрасте 21 года, что противоречит словам Диогена (о чем подробнее см.: примечание к col. X). Там он некоторое время общался с пифагорейцами, а затем при неизвестных обстоятельствах прибыл ко двору Дионисия Старшего, где вызвал недовольство тирана тем, что не считал его счастливейшим из людей и был «передан» неким спартанским моряком (или торговцу), отплывающим в Афины. Дальнейший фрагментированный отрывок показывает, что на Эгине он попал в рабство как афинский гражданин, оказавшийся на территории враждебного полиса, был освобожден, затем, спустя время, еще дважды посещал Сицилию, в целом, «спасшись скорее по воле бога, нежели потому, что Дионисий не посмел нечестиво ...» расправиться с ним. Это сообщение содержит разные несуразности. Например, почему спартанский моряк (или купец) направлялся в Афины, если дело было во время Коринфской войны 395–387 гг., в которой Спарта воевала против Афин? Однако ситуация становится яснее, если это был не торговец или моряк, а спартанский посол Полиад, как сообщает Диоген Лаэртий (3.19), возможно, базируясь на сочинении Фаворина. Ведь посол мог иметь дела и с враждебным государством, а нейтральной территорией могла стать Эгина. Хотя история со временем, как это обычно бывает, могла обрести неправдоподобными деталями,

¹ Здесь и далее колонки «Истории академических философов» Филодема указаны по изданию: Kalligas, Tsouna, 2020. Перевод первой части папируса, касающейся самого Платона, см. ниже.

разумно предположить, что на Эгине Платон оказался не случайно, так как, по сообщению того же Фаворина (Диоген Лаэртий 3.3), он там родился, потому что именно на Эгине жил его отец до того, как (в качестве афинянина) быть изгнанным оттуда спартамцами. Не может ли это означать, что, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, Платон и его семья могли иметь какие-то постоянные интересы на Эгине? В связи с тем же Полиадом другой отголосок истории также мог получить дальнейшее развитие в ранней биографической традиции, связанной с Академией. Тот же Фаворин (Диоген Лаэртий 3.20) пишет, что божество наказало Полиада, погубив его при Гелике, и это катастрофическое событие вызывало большой интерес у ближайшего ученика Платона Гераклида Понтийского, который временно возглавлял Академию в течение его третьей поездки на Сицилию в 360/361 г.²

Если попытаться отвлечься от малопривлекательных деталей, которыми эта история могла обрасти впоследствии, то можно, вместе с Джоном Диллоном [Dillon, 2012, p. 287], предположить, что в действительности Дионисий поручил спартанскому послу сопроводить Платона из Сиракуз в Афины, и их путь по морю пролегал через Саронический залив, однако они по какой-то причине не учли того обстоятельства, что афинянину на Эгине в это время находится было не безопасно. О частностях, касающихся сообщения Филодема о сицилийских поездках Платона, мы скажем в примечаниях к колонкам X и II–III, ниже. Сейчас нам важны последующие события, с ними неразрывно связанные.

Прежде всего, с выкупом Платона из плена связывается история о последующем приобретении им небольшого имения на территории Академии. Средства (двадцать или тридцать мин) Платон получил либо от своего сицилийского друга Диона, либо от своего спасителя Анникерида Керенского (Диоген Лаэртий 3.20). Важно другое – приобретение места для будущей школы носило своего рода публичный характер. Оно изначально предназначалось не лично Платону, но всему кругу его друзей и учеников, что отчетливо

² «Гелику затопило за два года до сражения при Левктрах <...> Гераклид Понтийский пишет, что это несчастье произошло в его время и случилось оно ночью, причем, хотя город находился в двенадцати стадиях от моря, все эта область, включая и сам город, была покрыта [водой]; две тысячи людей, посланные ахейцами, не в силах были отыскать все тела; землю же разделили между жителями пограничных областей. Несчастье связывают с гневом Посейдона. Когда ионийцы были изгнаны из Гелики, их послы очень упрашивали геликийцев отдать им деревянную статую Посейдона, а если нет, то хотя бы позволить основать у себя подобное святилище. Когда же те отказали, они послали представителей в общий совет ахейцев, и хотя последние проголосовали [«за»], геликийцы все равно не подчинились. А следующей зимой случилось несчастье, и ахейцы позже позволили ионийцам основать святилище» (Страбон, *География* 8.7.2). Гелика – город в Ахее на севере Пелопоннеса, на берегу реки Селинус. Здесь находился один из важнейших религиозных центров Греции, посвященный Посейдону. Кроме Страбона и Диодора (ниже), о гибели Гелики упоминает Павсаний (*Описание Эллады* 7.24), посетивший это место в 174 г. С 2001 г. на месте древней Гелики ведутся раскопки. Катастрофическое землетрясение в районе Коринфа, уничтожившее Гелику, по масштабам сопоставляется с извержением вулкана на Санторини: ведь эта область находится на активной вулканической дуге, простирающейся от Коринфии, через Порос и Метану (на Пелопоннесе), острова Мелос и Санторини (в Эгейском море) и до острова Кос в Малой Азии [Bintliff, 2012, p. 14 и plate 1.1]. Как и древнюю катастрофу на Санторине, затопление Гелики считают прообразом Платоновой истории об Атлантиде. При Левктрах в Беотии, южнее Фив, спартамцы в 371 г. до н. э. были разбиты фиванцами. Отсюда следует, что землетрясение случилось в 373 г. до н. э. Несколько иначе эту историю рассказывает и Диодор Сицилийский (*Историческая библиотека* 15.48.4–49.6), также со ссылкой на Гераклида [Афонасин, 2019, с. 41–42].

отражается и в последующей истории этой школы. Традиционной датой основания Академии считается 387 г., однако, если, вместе с Деброй Нэйлз [Nails, 2002, p. 248] за опорное событие принять сообщение автора *Седьмого Письма* (324a) о том, что Платон впервые посетил Сицилию в возрасте сорока лет, то эта дата может сдвинуться лет на пять ранее. Мы еще вернемся к истории основания Академии.

В целом, для большинства знатных афинских граждан было открыто два пути к славе. Можно было отличиться на воинской службе, как, например, это удалось сделать в битве при Мегаре (409 г.) двум старшим братьям Платона, Аденанту и Главкону (*Государство* 368a). Очевидно, Платон в это время был еще слишком юн (ок. 19) [согласно: Nails, 2002, p. 246]. Однако Аристоксен, непостижимым образом, приписывает ему участие и в битве при Танагре, и в двух других – «в походах на Коринф и Делию», причем, в последней ему, по словам биографа, удалось отличиться (Диоген Лаэртий 3.8). При Танагре в 426 г. во время Пелопонесской войны Платон оказаться не мог, но, возможно, Аристоксен имел в виду сражение 377 г. во время Беотийской войны, или какое-нибудь иное, неизвестное нам сражение. Под Коринфом Платон мог оказаться в 394 г. Именно тогда погиб юный Теэтет (*Теэтет* 142a), а самому Платону исполнилось 33 года. Известная нам Делия 424 г. хронологически невозможна, однако, как предполагает Диллон [Dillon, 2012, pp. 284-285], Аристоксен мог иметь в виду какую-то другую военную кампанию в Аттике. Как бы там ни было, в его беспокойное время Платону не только довелось побывать на войне, но и как-то проявить себя.

Другой путь к славе – политика, как внутренняя, так и внешняя. О «провале» его внешнеполитической карьеры, сродни сицилийской катастрофе Никия, как злобно отмечает Лукиан (*Паразит* 34), мы уже говорили, в Афинах же политическая карьера Платона также не сложилась. Основная причина тому – семейные связи, и основной наш источник – *Седьмое письмо*, несомненно, написанное кем-то из ближайшего окружения Платона.

Каждый молодой человек, как говорится в *Письме* (324b сл.), жаждет как можно быстрее повзрослеть и принять участие в публичных делах, и молодой Платон также к этому стремился, тем более что с некоторыми из пришедших в описываемое время к власти «тридцатью» его связывали родственные и дружественные связи. К тому же, в начале ему показалось, что новое правительство поможет Афинам преодолеть кризис, вызванный катастрофическим поражением в войне. Однако, как пишет далее автор письма, пришедшая к власти хунта тут же показала свое истинное лицо, принесла много бедствий честным гражданам и в скором времени была свергнута.

Одной из ключевых фигур этой так называемой Тирании Тридцати 404/3 г. был родственник Платона политический деятель и писатель Критий. Вероятно, именно он имеется в виду в письме. Критий был знаком с Сократом, даже, как сообщается, спас его от гибели во время тирании, однако их отношения, если верить Ксенофону, не были дружественными (*Воспоминания о Сократе* 1.2.12, 1.2.37, 1.2.29–30). Подобно софистам Антифону и Фрасимаху, в сфере права и морали Критий был позитивистом, полагая, что право (как божественное, так и гражданское) – это человеческое творение, поэтому «благородный нрав» превышает любого закона, тогда как «справедливость сама может оказаться тираном» (фр. 25 DK, из сатировой драмы *Сизиф*). Конечно, из письма следует, что Платон достаточно быстро

понял несправедливый характер этого правления и, по молодости лет, не мог принимать в этих событиях сколь-либо активного участия. Тем не менее, сочувствие или даже причастность к про-спартанской олигархии – худшая рекомендация для будущего политика в послевоенных Афинах. И все же, как пишет далее автор письма (325b), после свержения тирании желание принять участие в политической жизни у Платона возникло вновь. Но вскоре, «по какому-то злему року» в 399 г. последовал суд над Сократом, в глазах афинского жителя, безусловно, связанный с тем, что именно он «учил Крития ... свергнувшего демократию» (Эсхин, *Против Тимарха* 173). Сразу же после казни его учителя Платон надолго покинул Афины и более не возвращался к активной политике, зато именно эти события, по словам автора письма, стали началом его подлинного обращения к философии. Что же касается государственных дел, то, по мере взросления, философ начал все лучше осознавать, насколько трудным делом может оказаться политика (325d). Именно эти размышления, но также и желание радикальных политических изменений, и привели его, как мы знаем, ко двору Дионисия Старшего.

Итак, Платон избрал третий путь, пролегающий в стороне от войны и политики, и возвратившись из сицилийской поездки, в качестве места встречи со своими единомышленниками выбрал Академию – публичный парк, расположенный в северо-западном пригороде Афин и так названный в честь мифического героя Гекадема, который помог братьям Диоскурам вернуть свою сестру Елену, украденную Тезеем. Это было очевидное решение: все философы так или иначе выбирали для своих занятий загородные парки и гимназии, популярные места отдыха мужского населения города: Сократ нередко вел свои беседы в Ликее, а Антисфен еще в 400 гг. учил в Киносарге. Важнее другое: в какой-то момент он решил публиковать свои «сократические речи (sōkratikoí logoi)». Этот радикальный шаг, согласно аристотелику Дикеарху (Col. I, ниже), имел ключевое значение для всего последующего развития его школы, так как письменное слово позволило не только отточить изначально изустный «сократический метод», но и положить начало серьезным занятиям философией и наукой, в особенности математикой. Правда, отмечает перипатетик, сократические диалоги нередко сводились к поверхностным риторическим и «эротическим» упражнениям (поэтому он критикует Платонов *Федр*, см. фр. 48 Mirhadi), а изучение математики не вышло за пределы ее «оснований», и прикладные науки, вроде оптики или механики, не получили в стенах Академии сколь-либо значимого развития.

Еще большее значение имела институализация школы [подробнее см.: Нааке, 2020, р. 72 sq.]. Именно это, в конечном итоге, позволило ей сохраниться и успешно развиваться и после смерти ее основателя в 348/7 г. Мы не знаем точно, какой правовой статус имела эта школа, но она точно не была религиозным союзом, как это считалось ранее. Скорее всего, это было частное объединение (*koinonía*), возглавляемое схолархом, который и распоряжался имуществом школы – небольшим садом (κηπίδιον ... τὸ ἐν Ἀκαδημαίᾳ, Диоген Лаэртский 3.7), расположенным там строением и, скорее всего, библиотекой. Кроме того, характерной чертой повседневной жизни школы стали совместные трапезы и жертвоприношения музам и Аполлону. К сакральным объектам должно быть относились статуя Сократа, установленная в саду, и затем могила самого основателя школы.

Была ли школа Платона политическим союзом (*hetaireia*), своего рода клубом заговорщиков, стремящихся, на благо общества, установить олигархическое правление

философов? В конечном итоге, именно так могут быть поняты слова автора *Седьмого письма* (325d–326b), что для того, чтобы исправить человеческие нравы «правильно мыслящими» философами, нужно, прежде всего, найти «друзей». И действительно, хотя сам Платон и целый ряд его последователей были вовлечены в политику и время от времени стремились реализовать платонический общественный идеал, мы не располагаем историческими данными, которые бы указывали на то, что такова была политическая задача платоников. Как и в области математических наук, за теорией вовсе не обязательно следовала практика, но афинский *dēmos* в это не очень верил, регулярно выдвигая обвинения в нечестии (*asebeia*) как против отдельных философов, так и против всех их в совокупности, по крайней мере единожды приняв закон о запрете функционирования философских школ, кроме как по решению городского совета и собрания, так называемый «закон Софокла» 306 г. (Диоген Лаэртий 5.38, Поллукс, *Ономастикон* 9.42 и др.). Народ, вместе с комедиографом Алексидом, радовался: «Это Академия? Проваливай прочь из Аттики!» (τοῦτ' ἔστιν Ἀκαδημία; ... ἐς κόρακας... ἐκ τῆς Ἀττικῆς», фр. 99, Афиней, *Пир мудрецов* 13.610e).

Прежде чем перейти к тексту Филодема, сделаю несколько замечаний о том месте, где после 387 г. располагалась школа Платона³. Сюда вела дорога, должно быть именуемая Дромос, которая выходила из города через Керамик и Дипилонские ворота. В классический период она была очень широкой, ок. 40 м и играла важную роль в формировании Афинской гражданской идеологии [Marchiandi, 2020, p. 12]. Как сообщают античные путешественники и подтверждают современные раскопки, по обе стороны дороги располагался ряд стел, призванных увековечить память павших афинских воинов, так называемые *Dēmosion Sēma*. Вероятно, эта практика получила распространение вскоре после Персидских войн. Именно здесь, раз в году (в четвертый месяц аттического года, *пианепсион*, соответствующий нашим октябрю–ноябрю) совершалась важная публичная церемония захоронения праха павших воинов и произносилась торжественная надгробная речь (*epitaphios logos*), вроде той, которую, согласно Фукидиду (*История* 2.34) в 431 г. произнес Перикл. Эти стелы подробно описывал во втором веке н. э. Павсаний (1.29.2–15), а в 1979 и 1997 гг. было сделано два археологических открытия, которые позволили уточнить топографию места. Именно, была открыта могила Ликурга и обнаружены пять коллективных захоронений (*polyandria*), датированных пятом веком до н. э. По этой дороге афинские граждане шли в Академию, которая была местом отдыха и спортивных занятий, и имена павших героев должны были напоминать им об их гражданском долге.

Миновав это воплощение афинской имперской идеологии, гражданин попадал в сад Академии, где его встречал знаменитый жертвенник Эроту, точная локализация которого, как и, собственно, входа в Академию, к сожалению, не известна. Афиней (*Пир мудрецов* 13.609c) сохранил эпиграмму, из которой следует, что жертвенник был заложен Хармом, любовником Писистрата (Павсаний, *Описание Эллады* 1.30.1). Как сообщается, Гиппарх, сын Писистрата начал строительство длинной и дорогой стены вокруг Академии, которая так никогда и не была закончена, а также соорудил ряд других монументов. В 1966 г. был обнаружен

³ Из недавних работ о физическом устройстве Академии см. прежде всего: Caruso, 2013; Panayiotopoulos, Chatziefthiminou, 2020; Lygori-Tolia, 2020 и Афонасина, 2019.

пограничный столб, обозначающий границы Академии, подобный тому, что был найден на афинской Агоре, датируемый, по всей видимости, концом шестого века, также как и различные фрагменты древнейших построек на территории Академии, такие как вторично использованные блоки, антификсы и герма [Marchiandi, 2020, p. 19; Panayiotopoulos, Chatziefthiminou, 2020, p. 35]. Очевидно, постройки и, особенно, культовые сооружения Академии, такие как жертвенник Прометею, музам, Гермесу, Гераклу (Павсаний 1.30.2–4), а также священные оливы Афины, масло которых давали в качестве награды победителям в Панафинях (Софокл, *Эдип в Колоне* 694, Аристотель, *Афинская политика* 60), могут восходить к архаическому периоду и все так или иначе связаны с гомоэротическим идеалом пайдеи, который затем получит классическое развитие в диалогах Платона. Одним из популярных состязаний в Академии была описываемая Павсанием *lampadēdromia* – бег с зажженными факелами от Академии до города. Павсаний связывает его с жертвенником Прометею, однако Плутарх (*Солон* 1.7) и Гермий (Комментарий к *Федру* Платона, 231e) эксплицитно связывают бег с культом Эрота, что, как полагают некоторые исследователи [Marchiandi, 2020, p. 25, особ. п. 93] может отражать более древнюю традицию, ведь не случайно на таком большом количестве как греческих, так и римских ламп изображен Эрот, нередко сам изображаемый как участник *lampadēdromia*.

Идентифицированные в результате археологических раскопок здания гимназии и так называемого квадратного перистилья идентифицируются исследователями как здания, непосредственно связанные со школой Платона [Lygori-Tolia, 2020, p. 56 сл.]. В частности, отмечается, что раскопанный план «гимназия» в Академии обладает чертами, отличающими его от других зданий такого типа, так как в нем нет раздевалок и бань (которые, впрочем, находятся по соседству), а центральная часть, которая обычно предназначалась для физических упражнений, в этом здании была изготовлена из гидроизолирующего материала, что предполагает наличие в центре бассейна или колодца.

Расположенное примерно в 250 м северо-восточнее гимназии квадратное здание 40 x 40 м, называемое квадратным перистилем (см. рис. 1), представляло собой открытую площадку с колоннадой. Возможно, именно она была тем «перипатом», о котором пишут наши источники, в том числе Филодем. Важно то, что эти здания, для сооружения которых вторично использовались блоки более ранних строений, были, по-видимому, построены одновременно, и на основании материала, типа строения и обнаруженных там стел датируются началом четвертого века. Отсюда следует, что, если они и не были построены специально для школы Платона, то были приспособлены для ее нужд почти сразу после возведения.

Хочется думать, что именно это здание изображено на знаменитой фреске «Академия Платона» из виллы Т. Симмия Стефана в Помпеях (Национальный музей Неаполя, № 124545), ведь группа философов со свитками здесь сидит в некоей экседре [Афонасина, 2019, с. 32-34], у их ног находится сундук, полный рукописей, слева просматривается открытый перистиль, солнечные часы и пейзаж с оливковыми деревьями, а справа видны Афины с Акрополем и Парфеноном, что визуально примерно соответствует действительному расстоянию от Академии до города (см. рис. 2).

Рис. 1. Квадратный перистиль. Платоновская Академия. Афины (фото автора).

Рис. 2. «Академия Платона». Мозаика из виллы Т. Симмия Стефана, Помпеи.
Национальный музей Неаполя.

Филодем. *История академических философов*
(PHerc 1021, Col. I–V)

Эта чудом дошедшая до наших дней история Академии представляет собой, как теперь считается, часть более пространного собрания историй Филодема о философах под названием *Σύνταξις τῶν φιλοσόφων* (так его называет Диоген Лаэртий, *Жизни философов* 10.3). Ранние издатели эту часть общего собрания называли *Academicorum Index*. Содержащие данный текст папирусы PHerc 1021 и PHerc 164, обнаруженные при раскопках в погибшем в результате извержения Везувия городе Геркулануме, сохранились фрагментарно. Точнее, от последнего сохранилось всего несколько обрывков, тогда как первый представляет собой сильно пострадавший, но все же читаемый свиток. Кроме самого папируса существует также Оксфордский список, который был изготовлен вручную незадолго после обнаружения папируса. Папирус исписан с двух сторон, поэтому колонки на лицевой стороне обозначаются издателями римскими цифрами, а несколько восстанавливаемых колонок на оборотной стороне – буквами от Z до M. Имеется несколько реконструкций этого текста, из которых самым точным и удачным считается издание Тициано Доранди [Dorandi, 1991]. Новейшее комментированное издание и перевод Пола Каллигаса и Вулы Цуны [Kalligas, Tsouna, 2020] основаны на нем, с учетом более ранних работ Гайзера [Gaiser, 1988] и др. авторов. В ряде случаев текст восстанавливается очень приблизительно⁴. Перевод сопровождается комментариями, которые помещаются сразу после каждого фрагмента. Ряд общих сюжетов вынесен в вступительную статью.

Col. I*. 27 и I. 1–41

Приняв [философию], [Платон] полностью обновил ее, добавив к тому же ... прекрасную соразмерность в речах. Однако многое он привнес и от себя, благодаря чему – ведь я должен открыто рассказать обо всем произошедшем – ... более других людей развил (εὐξήσεν) философию, но и ослабил (κατέλυσε) ее. Ведь он обратил к философии неопытных людей благодаря записи своих сочинений, способствуя в то же время тому, что некоторые занялись философией поверхностно (ἐπιπολαίως), ступив на проторенный путь ... Кроме того, он¹ говорит, что ... он предоставил им повод для того, чтобы начать заниматься философией, так что не научившиеся ... ничему ... знать [не] только о себе как причисленных к [философам], но и ... быть убежденными, так что некоторые люди полагали, что сам факт их близости к нему является достаточным оправданием их собственного невежества, более того ... что лишь они одни, понимая [философию] своего [благородного] и наимудрейшего [наставника] ...²

1. В начале второй колонки (ниже) Филодем эксплицитно указывает свой источник – ученика Аристотеля перипатетика Дикеарха, который, как известно из других свидетельств,

⁴ Фотографии папируса доступны в составе Oxford drawings of the papyri. Транскрипция Г. Кавалло на основе ряда изданий доступна в базе данных: The Thesaurus Herculansenium Voluminum Project: <http://papyri.info/dclp/62441>.

одним из первых в античной историографии проявляет особое внимание к биографическим деталям [подробнее см.: Mirhadi, 2001; Афонасин, 2017].

2. В данном отрывке Дикеарх (фр. 46А Mirhadi), по-видимому, рассуждает следующим образом. Опубликовав свои философские сочинения, Платон запустил процесс, который привел к важным и необратимым последствиям, как благоприятным, так и не очень. Последние прежде всего связаны с поверхностными риторическими упражнениями платоников, тогда как первые положили начало серьезным занятиям философией и наукой, в особенности математикой.

Нижняя часть колонки (особенно, строки 18–33) содержат несколько лакун и восстанавливаются приблизительно. Смысл высказывания понятен. Выросшая популярность философии, по мнению Дикеарха, привела к тому, что многие ученики, еще не освоив ничего стоящего, начали щеголять своей приверженностью к школе, к тому же сумев убедить других людей в том, что они лучше всех понимают философию своего учителя. В целом, школьный патриотизм был характерен для всех античных философских направлений, но, возможно, в данном случае перипатетику показалось, что члены академии, на пифагорейский манер, слишком подчеркивали свою исключительность.

В свое время Гайзер предпринял попытку восстановить текст особенно испорченных строк 18–43 (в некоторых строках – на основе пары сохранившихся букв!), что привело к следующим результатам: «...Ясно, что людей было легко направить по этому проторенному пути, так как он написал весьма мудроно: “Людям надлежит почитать Эрота, [и различать то, что относится к Эроту, и всем] во всем покориться Эроту” (ср. Пир 212b), так что все, “привлеченные Эротом”, вполне в силах оправдать этим недостаток своего образования, более того, претендовать на обладание хранилищем (κτῆσις) добродетели, при помощи которого лишь они одни в силах постичь учение своего благородного и наимудрейшего наставника».

Должно быть, Гайзера на эту реконструкцию натолкнуло то обстоятельство, что Дикеарх специально критиковал эротические темы в диалогах Платона и считал, что диалог Федр он написал самым первым (Цицерон, *Тускуланские беседы* 4.71 и Диоген Лаэртий 3.38; Дикеарх, фр. 49 и 50 Mirhadi) [соответственно: Петрова, 2017, с. 144]. Учитывая роль святилища Эрота в Академии (о чем подробнее см. предисловие), эта реконструкция выглядит привлекательной, хотя и следует понимать, что, в целом, она и ей подобные являются скорее филологическим упражнением, нежели историческим свидетельством.

Col. Y.1–39

... собрав все вместе, я это записал. «Признано, – как он¹ говорит, – что существенное продвижение было достигнуто в математике того времени, ведь, осуществляя руководство (ἀρχιτεκτονοῦντο[ς]), Платон ставил задачи (προβλήματ[α] δίδόντος), которые математики затем основательно исследовали. Первыми высшей точки достигли теория измерения ([τὰ] περὶ μέτρολογίαν) и проблемы, связанные с определением (τὰ περὶ τοὺς ὀρίσμοὺς προβλήματα), когда Евдокс² и его последователи пересмотрели устаревший метод [Гиппократ].³ Затем существенных успехов добились в геометрии, ведь появился и метод анализа, и лемма, касающаяся определения (τὸ περὶ διορισμοὺς λήμμα) и, в целом, много чего было разработано в области геометрии⁴. Не оставили они без внимания также [оптику] и механику. Они

составили для собственного употребления целое собрание таких [проблем], которое оказалось полезным многочисленным пустословам [σπερμολόγων]. Но был и другой род учеников, которые пожинали собственную жатву. ...ему ... публичных ... занятия ... Даков и [Гетов]... ведь и ... стремясь ... необходимое (для выживания? для образования?) ... лишь о полезном ... ничем не отличаются от домашних слуг ... Платон ... на расстоянии (отсутствующих?) ... человека (мужчины?) ...⁵

1. Этот текст в достаточно произвольной реконструкции Гайзера Мирхади печатает как фр. 46В Дикеарха. Ученик Аристотеля, сам занимающийся географией (фр. 118–123 Mirhady), отмечает здесь недостаточную разработанность оптики и механики, то есть практических приложений теоретического знания. По крайней мере, он не упоминает ни об одном новом результате в этой области. Как мы знаем, прежде всего Дикеарха интересует эволюция образа жизни философа от одиноких размышлений «мудрецов», через социальный морализм Пифагора и Сократа до «академической» жизни ученого [подробнее см.: Афонасин, 2017]. Последующие фрагменты показывают, что, как и ранее, на этом пути Дикеарх одним из первых в античной историографии проявляет особое внимание к биографическим деталям.

2. Обсуждая развитие теории о «регулярных и упорядоченных» планетарных движениях в Академии, Евдем (фр. 148 Wehrli; Симпликий, Комментарий к *О небе* Аристотеля 488.12 сл.) замечает, что Евдокс «дошел до этих гипотез... после того, как Платон поставил такую задачу знатокам в данной области» (ἄψασθαί... τῶν τοιοῦτων ὑποθέσεων Πλάτωνος... πρόβλημα τοῦτο ποιησαμένον τοῖς περὶ ταῦτα ἐσπουδακόσι). Фрагменты Евдокса: Lasserre, 1966.

3. С именем Гиппократы Хиосского, жившего поколением раньше Платона, связывают задачи по удвоению куба и квадратуре круга (Симпликий, Комментарий к *Физике* Аристотеля 60.22–68.32; 488.12 сл.; Прокл, Комментарий к первой книге *Начал* Евклида 66.4–6, 213.3–11).

4. Прокл (Комментарий к первой книге *Начал* Евклида 66.4–68.4, 211.18–23) также отмечал, что Платон поощрял занятия математикой. Ср. Диоген Лаэртский 3.24.

5. Строки 24–30 колонки почти не читаются, строки 30–36 содержат лишь несколько читаемых частей предложения, строки 37–38 и половина 39-й утрачены полностью. Базируясь на сообщении Диогена Лаэртского (3.46), который, со ссылкой на Дикеарха, пишет, что среди учеников Платона были две женщины, Ласфения из Мантинеи и Аксиофея из Флиунта, Гайзер предлагает строки 30–41 этой колонки реконструировать так: «Подлинную общность и совместную жизнь свободных людей они отличали от равноправия Даков и Гетов. Ведь истину и науки, к ней стремящиеся, должно отделять от усилий, направленных на выживание, а помышляющие лишь о пользе ничем не отличаются от домашних слуг. Зная силу письменного слова, Платон вдохновил многих на расстоянии через свои книги. Уникальный случай – я уверен – Аксиотея, покоренная [его сочинениями], и она была действительно мудрой женщиной, не уступающей в доблести мужчинам, так как не только размышляла и разбиралась [в философии], но даже, нисколько не стесняясь, носила потрепанный плащ. И она посещала...». Отметим вновь, что это всего лишь филологический опыт, хотя и интересный. Женщины платоники упомянуты и в шестой колонке папируса в списке учеников Платона.

Col. II. 1–38

... другими (не узанный?). ... человеколюбия ... равным»¹. И хотя Дикеарх написал именно так, Филохор в шестой книге своей 'Истории Аттики' порицает ... Зная, что ... в [пятой] книге пишет: «И они посвятили статую Сократа и ее [постамент], на котором было написано: Это сделал Бутес... написано много имен ... они посвятили ... статую ... из бронзы ... на которой написано ... посвящение ... мусей², [но] Платон был из дема Коллит». Он говорит, что он (Платон) умер в архонтство Теофила в возрасте восьмидесяти двух лет³.

1. В предложении читается лишь три слова. Примерная реконструкция Гайзера: [Платон иногда не брал денег, из общего] человеколюбия [и потому, что предоставлял равное] равным». Следующее за цитатой упоминание имени Дикеарха однозначно доказывает принадлежность этого и предыдущих двух текстов ученику Аристотеля.

2. В данной колонке читаются строки 4–7, 12–18 и 33–38, в остальных различимы лишь отдельные слова и словосочетания. Источник эксплицитно меняется: Филодем переходит к цитированию из Истории Аттики афинского политика III в. Филохора [фрагменты: Costa, 2007]. Речь идет о посвящении статуи (или статуй) Сократу, хотя некоторые авторы полагают – Исократу. Имя скульптора также читается по-разному: [Σ]ώτης или [Β]ούτης, что не так важно, учитывая то обстоятельство, что ни одно из этих имен нигде более не упоминается. Создается общее впечатление, что цитируемый автор настроен критически [Speyer 2001, pp. 84–85]. Само по себе сообщение звучит вполне уместно из уст Филохора, который, как мы знаем, принадлежал к влиятельной жреческой семье.

3. То есть в первый год 108 олимп. (348/7). Согласно Гермиппу, Платон умер в возрасте восьмидесяти одного года, а по сведениям Неанфа – в возрасте восьмидесяти четырех (Диоген Лаэртий 3.2).

Col. V. 1–21

... [звезды] философов [перекочевали] к Гермию. И хотя ранее Гермий весьма благосклонно приглашал их, то теперь тем более настаивал из-за Платона. Как только они прибыли, он передал им все другие вещи в общее пользование и выделил для проживания город Ассос, в котором они занимались философией, живя единым сообществом (εἰς ἓνα [περί]πлатον συνιόντες), а Гермий предоставил им [все необходимое]. Они верили в то, что посредством философии возможно изменить ... в направлении ... монархию ... речение [Платона], чтобы одна земля всех их [навсегда приняла] ...¹

1. К Гермию, Эрасту и Кориску обращено Шестое письмо, входящее в корпус платоновских сочинений, из которого следует, что эти два ученика Платона уже жили во время его написания у Гермия, а сам он, согласно автору письма, с Гермием лично не встречался (323a); Аристотель, по сообщению Аполлодора (Диоген Лаэртий 5.9), удалившись к Гермию после смерти Платона в первый год 108-й олимп., провел у него три года. В папирусном фрагменте Комментария Дидима к Филиппикам Демосфена (col. 5.53–66) [Harding, 2006,

pp. 137–143] говорится, что Гермий «предоставил им место» и что, как результат общения с философами, «тирания изменилась и стала мягче». В колонке почти не сохранились строки с 15 по 19.

Col. X. 1–43

... так как другие это собрали вместе, я кратко пробежусь по всему, написанному о Платоне, записав следующее. Платон, будучи учеником Сократа и потерявши его еще [в молодости], когда ему был двадцать один год, отплыл на Сицилию и в Италию к пифагорейцам и, пробыв с ними некоторое время, присоединился к Дионисию, называемому Старшим.¹ Но так как тот снес его свободные высказывания плохо, ведь когда он (Платон) был спрошен, кто, по его мнению, счастливее всех, то он не назвал таковым его (Дионисия), как это, возможно, делали другие, почувствовав недовольство² ... передан некоему торговцу из Лакедемона, отплывающему в Афины ... на Эгине став рабом, и пока он был на Эгине ... Пелопонесской войны³ ... получил свободу ... Дионисию Младшему ... Платон ... его имя ... снова домой,⁴ где, проведя некоторое время со своими с близкими, по просьбе Диона отправился к Дионисию. Но там, будучи ложно обвинен в соотрудничестве с Дионом, который хотел свергнуть тирана, едва не погиб, спасшись скорее по воле бога, нежели потому, что он (Дионисий) не посмел нечестиво ...⁵

1. Текст Филодема, к сожалению, лишен связности. Он просто переходит от одного эпизода к другому, в частности, объединяя первую «ознакомительную» поездку Платона на Сицилию, о которой, впрочем, ни Диоген Лаэртий (3.18), ни Олимпиодор (*Жизнь Платона*) ничего конкретного также сказать не могут, со второй поездкой ко двору Дионисия Старшего, между которыми должно быть пролегают годы. В самом деле, Диоген Лаэртий (3.6) сообщает, что после смерти Сократа Платон сначала жил в Мегаре у Евклида, затем в Кирене у Теодора и лишь затем отправился к пифагорейцам в Италию (все эти данные происходят из книги Гермогена о котором см. col. VI), а оттуда в Египет и, вернувшись из этого путешествия, основал школу в Академии. Автор *Седьмого письма* (324b) прямо говорит, что впервые Платон посетил Сиракузы в возрасте сорока лет.

2. Диоген Лаэртий (3.19) и Плутарх (Дион 5) отмечают политическую составляющую беседы Платона с Дионисием. Все они в качестве основного разногласия между ними указывают на неприятие Платоном тиранической власти Дионисия – той самой, которую столь подробно осуждает автор *Седьмого письма*. Филодем существенно упрощает картину, сводя беседу философа и тирана к подобию знаменитого диалога между Солонем и Крезом (Плутарх, *Солон* 27), что не подтверждается более ни одним античным источником, кроме неоплатоника Олимпиодора (*Жизнь Платона*), согласно которому Платон будто бы даже назвал самого счастливого человека – Сократа.

3. Очевидно, имеется в виду Коринфская война 395–387 гг., в которой Эгина воевала против Афин, так что любой гражданин враждебного полиса, оказавшийся на Эгине, по местным законам мог быть продан в рабство. О поездках Платона на Сицилию и этом эпизоде писал Аристоксен в своем *Жизнеописании Платона*, хотя упоминание об этом сохранилось лишь в виде небольшой сатирической ремарки у Лукиана (*Парасит* 34, фр. 62 Wehrli) и не

менее загадочном сообщении у Плутарха (*Тимолеон* 15, фр. 32 Wehrli) о том, как сам Аристоксен в молодости спрашивал уже бывшего тирана Дионисия Младшего (тогда жившего в Коринфе) о том, что случилось тогда между ним и Платоном. Судя по всему, Дионисий весьма сожалел, что в свое время послушался своих придворных, а не Платона. Другие наши источники (Диоген Лаэртий 3.19; Плутарх, *Дион* 5.3; Олимпиодор, *Жизнь Платона*) могут так или иначе использовать материал из этого утраченного жизнеописания. Хронологически, Филодем древнейший из них. Как бы там ни было, согласно Диогену и Плутарху, в этом событии был замешан спартанский посол Полид, который и доставил Платона на Эгину, Филодем же с опорой на Неанфа (ниже, Col. III) просто сообщает, что это были некий купец или спартанские моряки.

4. Строки с 22 по 32 в этой колонке сохранились очень плохо. Ясно, что здесь начинается рассказываемая далее знаменитая история о продаже Платона в рабство. Несмотря на состояние текста, контуры истории четко угадываются: Платон был отдан спартанцу [имя Поллида не называется], дабы тот продал его в рабство. Спартанец отвез его на Эгину, где тот был выставлен на продажу как военнопленный. Случайно оказавшийся там философ-киренаик Анникерид (по сообщению того же Диогена) выкупил его за двадцать или тридцать мин и предоставил ему свободу. Олимпиодор со ссылкой на Аристида сообщает, что Анникерид отправлялся в это время на состязания в Олимпию (очевидно, игры 386 г.) и, выкупив Платона, покрыл себя славой большей, нежели победа в конных состязаниях. Исторически важно следующее далее у Диогена сообщение о том, что именно на эти деньги затем был куплен сад в Академии, ставший местом будущей школы Платона.

5. Эти события также хорошо известны из других источников. Согласно Диогену Лаэртию (3.21–22) Платон хотел попросить Дионисия предоставить ему «землю и людей», где он мог бы жить по законам своего Государства, но в результате сам был обвинен как заговорщик. По версии Диогена за него перед Дионисием заступился пифагореец Архит. Первоисточником этой истории, конечно же, было Седьмое письмо Платона (329d сл.), в котором отмечается и роль Архита (338e сл. и 350a сл.). Последнее предложение отрывка также находит параллель в письме, где сперва его автор говорит, что «злой рок» не позволил планам Платона осуществиться (337e), а в другом отмечает, что Дионисий все же испытал чувство стыда и не тронул философа (340a).

Col. Z. 1–22

... определенное отношение по его отбытию. Кроме того, говорят, что [если Платон] ... он сам, как он выступил, записано в соглашении ... речь ... видя, что ... игр ... Диона и друзей [опасную встречу] ... в поддержку олигархии ... других ... противников ... о мудрости ... но также ...¹

1. В данном фрагменте не читается ни одного цельного предложения, однако представляется очевидным, что он касается той же второй и, возможно, третьей поездки Платона на Сицилию, которую философ предпринял некоторое время спустя для того, чтобы (безуспешно) примирить Диона с Дионисием (Диоген Лаэртий 3.23). В Седьмом письме Платон застаёт покинувшего Сицилию Диона на Олимпийских играх (350b сл.), о чем,

возможно, и шла речь у Филодема, хотя его источником, несомненно, был историк Неанф Кизикийский (Диоген Лаэртий 3.25 также передает эту историю со ссылкой на Неанфа). Тогда упоминаемое им «соглашение» может отсылать к обещанию Дионисия не трогать сторонников Диона на Сицилии (349а сл.), а упоминаемой в отрывке «олигархией» могут, например, быть те пятьдесят законодателей, которые могли бы, по мысли автора письма (337b сл.), установить в стране справедливые законы после свержения тирана.

Col. II. 39–44 и col. III. 1–23

Неанф говорит, что он слышал от Филиска Эгинского, что Платона его родители назвали так из-за ширины (π[λάτος]) его лба¹ и что некие спартанские [моряки], прибывшие (на Эгину), выставили афинян на продажу², так что Платон, оставаясь неузнанным, был продан очень [бедному] человеку³, ведь, понимая, что спартанцы, отплывая, постараются забрать с собой и своих пленников, он [скрыл] (свою идентичность), опасаясь оказаться в [Македонии] у Архелая⁴, открывшись лишь своему покупателю и пообещав большое вознаграждение в обмен за освобождение, причем он (покупатель) не удивился ... так как также узнал ... ширину его лба ... Платон ...⁵

1. Сообщая о том, что Платон был так прозван за широкий лоб, Диоген Лаэртий (3.4) также ссылается на историка Неанфа, который, как мы теперь узнаем благодаря Филодему, получил эти сведения от своего учителя Филиска, который, в свою очередь, учился у Исократ (Суда N 114, Ф 360). Согласно Диогену (3.4), другие думали, что Платон, прежде звавшийся Аристоклом, был так прозван за крепкое телосложение или, по мнению других, за широту слога.

2. См. прим. 3 и 4 к Col. X, выше.

3. По традиции, считается, что это был философ киренаик Анникерид (см. прим. 3 к Col. X).

4. Архелай правил Македонией с 413 по 399 гг. и, в целом, был другом Афин и весьма успешным правителем. Он поддерживал искусства. Его, среди прочих, посещали Еврипид, написавший там своих знаменитых Вакханок, и Фукидид. Платон весьма негативно оценивал личные качества Архелая, обвиняя его в кровавом захвате власти (*Горгий* 471a–e).

5. Строки с 23 по 34 колонки III утрачены полностью.

Col. III. 35–43 и col. V. 1–18

Филипп¹, философ и астроном, ставший секретарем Платона и его учеником, сообщил ему, что Платон, будучи стариком, принимал у себя иноземца из Халдеи ... у него (Платона) был жар. Этот же (человек), при помощи фракийского слуги², песню своей страны (ἔγγυε[vès]) исполнил с использованием дактилического ритма. Платон тут же закричал, что он не в своем уме и обратился к нему, тот же ответил: «Понимаешь (теперь), что варвары совершенные неучи, ведь, люди варварских земель, чьи уши невосприимчивы к ритму, не в силах выучить [должное]»³, – весьма его (Платона) порадовав, так что тот, пребывая в хорошем настроении,

похвалил гостя и за те мысли, что пришли ему на ум, и за тот способ, каким он их выразил. Испытывая жар (*διαθερμαυθέντος*), он пробудился как-то ночью в неподходящее время ...⁴

1. Имеется в виду Филипп Опунтский, но источником Филодема, по-видимому, остается тот же Неанф. [Подробнее о Филиппе см.: Dillon, 2003, pp. 179-197; Диллон, 2005, с. 206-225].

2. Гайзер полагает, что слуга сопровождал его на авле.

3. Стихотворная цитата ямбическим триметром, возможно из трагедии. Очевидно, халдей, хотя и безуспешно, музыкой пытался вылечить (или хотя бы развеселить) больного Платона. Музыкальное выступление, по-видимому, не удалось, зато халдей порадовал Платона своей последующей речью [подробнее см.: Kingsley, 1995].

4. Или: «Разогревшись (вином?), он разволновался (возбуждился) как-то ночью в неподходящее время...», так как *διαθερμαυθέντος* может указывать как на то, что Платон испытывал жар в результате воспаления, так и на то, что он был «разогрет» вином, ведь, согласно Гермиппу (Диоген Лаэртий 3.2), Платон умер во время свадебного пира. На это указывает и стоящий далее в тексте *ἔγερσις*, который может означать не только «пробуждение», но и «возбуждение». Так как Филодем постоянно переходит от одного сюжета к другому, то это случилось не обязательно в ту же ночь, когда он принимал халдейского гостя, хотя его пение вполне было бы уместным на свадебном пире. Строки с 19 по 31 в этой колонке не сохранились.

Список литературы / References

Афонасин, Е. В. (2017). Лекарство для припоминания. Перипатетическое конструирование интеллектуальной истории Греции. Дикеарх и философская биография. *ΣΧΟΛΗ (Scholē)*. Т. 11. № 1. С. 271-282.

Afonasin, E. V. (2017). *Remedium memoriae*. The Peripatetic construction of the intellectual history of Greece. Dicaearchus' Biography of philosophy. *ΣΧΟΛΗ (Scholē)*. Vol. 11. no. 1. pp. 271-282. (In Russ.)

Афонасин, Е. В. (2019). *Гераклид Понтийский. Фрагменты и свидетельства*. СПб.: Изд-во РХГА.

Afonasin, E. V. (2019). *Heraclides of Pontus. Fragments and testimonies*. Saint Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Academy for the Humanities. (In Russ.)

Афонасина, А. С. (2019). Место философской школы в античном городе: Академия Платона и Дом Прокла в Афинах. *ΠΡΑΞΗΜΑ (Praxēma)*. № 3 (21). С. 27-42.

Afonasina, A. S. (2019). The place of the philosophical school in the ancient city: the Academy of Plato and the House of Proclus in Athens. *ΠΡΑΞΗΜΑ (Praxēma)*. no. 3(21). pp. 27-42. (In Russ.)

Гараджа, А. (2019). Аристоксен Тарентский о Сократе и Платоне. *Платоновские исследования*. Т. 10. № 1. С. 197-208.

Garadzha, A. (2019). Aristoxenus of Tarentum about Socrates and Plato. *Platonic Investigations*. Vol. 10. no. 1. pp. 197-208. (In Russ.)

- Диллон, Дж. (2005). *Наследники Платона*. Пер. Е. В. Афонасина. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Dillon, J. (2005). *The Heirs of Plato*. Afonasin E. V. (transl.). Saint Petersburg: St Petersburg University Publ. (In Russ.)
- Аристотель. Идеи и интерпретации* (2017). Под ред. Петровой М. С. М.: Аквилон.
- Petrova, M. S. (ed.). (2017). *Aristotle. Ideas and Interpretations*. Moscow: Aquillo. (In Russ.)
- Bintliff, J. (2012). *The Complete Archeology of Greece*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Caruso, A. (2013). *Akademia: Archeologia di una scuola filosofica ad Atene da Platone a Procle (387a.C.- 485 d.C.)*. Athens–Paestum: Pandemos.
- Costa, V. (2007). *Filocoro di Atene*. Vol. I: I frammenti dell'Atthis. Roma: Edizioni TORED.
- Dillon, J. (2003). *The Heirs of Plato: A Study of the Old Academy (347-274 BC)*. Oxford University Press.
- Dillon, J. (2012). Aristoxenus' Life of Plato. In Huffman, C. A. (ed.) *Aristoxenus of Tarentum: Discussion*. New Brunswick–London: Rutgers University Press. pp. 283-296.
- Dorandi, T. (1991). *Filodemo, Storia dei filosofi: Platone e l'Academia*. Naples: Bibliopolis.
- Gaiser, K. (hrsg.) (1988). *Philodems Academica. Die Berichte über Platon und die Alte Akademie in zwei Herculanensischen Papyri*. Supplementum Platonicum 1. Stuttgart: Frommann.
- Haake, M. (2020). The Academy in Athenian politics and society – between disintegration and integration: the first fifty years (387/6 – 306/5). In Kalligas, P., Balla, Ch., et al. (eds.) *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge University Press. pp. 65-88.
- Harding, P. (2006). *Didymos on Demosthenes*. Oxford University Press.
- Kingsley, P. (1995). Meetings with Magi. Iranian Themes among the Greeks, from Xanthus of Lydia to Plato's Academy. *Journal of the Royal Asiatic Society*. no. 5. pp. 173-209.
- Lasserre, F. (1966). *Die Fragmente des Eudoxos von Knidos*. Berlin.
- Lygori-Tolia, E. (2020). The gymnasium of the Academy and the School of Plato. In Kalligas, P., Balla, Ch., et al. (eds.) *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge University Press. pp. 46-64.
- Marchiandi, D. (2020). In the shadow of Athena Polias: the divinities of the Academy, the training of politai and death in service to Athens. In Kalligas, P., Balla, Ch., et al. (eds.) *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge University Press. pp. 11-27.
- Mirhady, D. (2001). Dicaearchus of Messana: The Sources, Text and Translation. In Fortenbaugh, W., Schütrumpf, E. (eds.) *Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion*. New Brunswick, NJ and London: Rutgers University Press. pp. 1-142.

Nails, D. (2002). *The People of Plato: A Prosopography of Plato and other Socratics*. Indianapolis: Hackett.

Panayiotopoulos, M., Chatziefthiminou, T. (2020). Observations on the topography of Ancient Academia. In Kalligas, P., Balla, Ch., et al. (eds.) *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge University Press. pp. 28-45.

Speyer, A. (2001). The earliest bust of Socrates? New observations to Philochorus in PHerc. 1021 col. 2. *CrErc 31*. pp. 81-95.

Сведения об авторе / Information about the author:

Афонасин Евгений Васильевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: afonasin@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 04.08.2020

После доработки 10.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Afonasin Evgeny – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: afonasin@gmail.com. ORCID ID: 0000-0002-0623-0574.

The paper was submitted 04.08.2020

Received after reworking 10.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020

УДК 1 (091)

КОСМОПОЛИТИЗМ И ПАТРИОТИЗМ В ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ПЕРИОД РАННЕГО ЭЛЛИНИЗМА

В. В. Бровкин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
drakar@ngs.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу о соотношении космополитизма и патриотизма в ранней эллинистической философии. Установлено, в данный период в греческой философии усилилось противостояние между двумя противоположными тенденциями – патриотической и космополитической. Патриотические ценности сохранили свое влияние. Выразителями патриотических идей были Аристотель, Ксенократ, Анникерид, Менедем, частично ранние стоики. В то же время усилились и позиции космополитизма, который был представлен в философии киников, ранних стоиков и Феодора. Также установлено, что образование эллинистических монархий оказало влияние на развитие обеих тенденций. Сближение греков с народами Востока способствовало распространению космополитических идей. А основание греческих городов в эллинистических государствах способствовало сохранению полисных ценностей, одной из которых был патриотизм.

Ключевые слова: космополитизм, патриотизм, ранний эллинизм, киники, ранние стоики, Феодор Безбожник, Аристотель, полис, эллинистическая монархия.

Для цитаты: Бровкин, В. В. (2020). Космополитизм и патриотизм в греческой философии в период раннего эллинизма. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 25-39. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.25-39.

COSMOPOLITANISM AND PATRIOTISM IN GREEK PHILOSOPHY DURING THE EARLY HELLENISTIC PERIOD

V. V. Brovkin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
drakar@ngs.ru

Abstract. The article is devoted to the question of the correlation of cosmopolitanism and patriotism in the early Hellenistic philosophy. It is established that during this period in Greek philosophy the opposition between two tendencies – Patriotic and cosmopolitan increased. Patriotic values have retained their influence. The exponents of Patriotic ideas were Aristotle, Xenocrates, Anniceris, Menedemus, and partially the early stoics. At the same time, the positions of cosmopolitanism, which was represented in the philosophy of the cynics, the early Stoics, and Theodorus, also strengthened. It is also established that the formation of Hellenistic monarchies influenced the development of both tendencies. The rapprochement of the Greeks with the peoples of the East contributed to the spread of cosmopolitan ideas. And the Foundation of Greek cities in the Hellenistic States contributed to the preservation of Polis values, one of which was patriotism.

Keywords: cosmopolitanism, patriotism, early Hellenism, cynics, early stoics, Theodorus the Atheist, Aristotle, Polis, Hellenistic monarchy.

For citation: Brovkin, V. V. (2020). Cosmopolitanism and patriotism in Greek philosophy during the early Hellenistic period. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 1. pp. 25-39. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.25-39.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о соотношении космополитизма и патриотизма в ранней эллинистической философии. Космополитизм традиционно считается одной из характерных черт греческой философии в период раннего эллинизма [Целлер, 1996, с. 191; Лосев, 2000, с. 10]. Распространение космополитических идей связывается с социально-историческими изменениями в данный период. Речь идет о кризисе полисной системы и образовании эллинистических монархий. Отмечается, что патриотические ценности в это время теряют свой вес и уступают место космополитическому мировоззрению [Шестова, 2019, с. 115]. Однако сложный и неоднозначный характер общественно-политического и культурного развития в эпоху эллинизма заставляет нас усомниться в данной точке зрения и подталкивает к попытке ее пересмотра. Сразу отметим, что исследование мы ограничим хронологическими рамками раннего эллинизма (334–276 гг. до н. э.). Это тот короткий и переломный период, когда сформировался облик всей исторической эпохи.

Как известно, космополитизм уходит корнями в IV в. до н. э. Первым космополитом был киник Диоген Синопский. Как гласит известная история, «на вопрос, откуда он, Диоген сказал: «Я – гражданин мира»» (Диоген Лаэртский VI, 63). Также сообщается, что «единственным истинным государством он считал весь мир» (Диоген Лаэртский VI, 72). Следует отметить, что космополитизм Диогена проявлялся не только в теории, но и на практике. Тот образ жизни, который вел этот философ, не оставляет сомнения в том, что он был последовательным и бескомпромиссным космополитом. Но, насколько мы знаем, еще раньше космополитические идеи были озвучены другим греческим философом – Демокритом. Гражданином мира Демокрит себя не называл. Более того, у него имеется ряд высказываний, характеризующих его как сторонника полисного патриотизма. Вместе с тем, Демокриту приписываются следующие слова: «Для мудреца открыта вся земля, ибо весь мир – родина для высокого духа» (Демокрит, Фр. 730).

С началом эпохи эллинизма космополитические идеи получают более широкое распространение в греческой философии. При этом было бы ошибкой считать космополитическое учение в это время единым. В ранней эллинистической философии просматриваются как минимум две версии космополитизма. Речь идет о космополитических учениях киников и ранних стоиков. Рассмотрим эти учения и постараемся выявить их отличительные особенности. Начнем с киников. Самыми заметными фигурами в кинизме в период раннего эллинизма были Кратет Фиванский и Бион Борисфенский. Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют говорить о том, что Кратет в целом разделял космополитические взгляды Диогена. Отдельные государства Кратет не признавал. Полисный патриотизм для Кратета ничего не значил. Это хорошо видно из диалога между ним и Александром Македонским, после того как последний в 335 г. до н. э. разрушил родной город философа Фивы. На предложение Александра восстановить город Кратет ответил: «Зачем? Какой-нибудь новый Александр возьмет и разрушит его опять» (Диоген Лаэртский VI, 93). Своей родиной Кратет считал весь мир. Об этом он хорошо сказал в одном из своих стихотворений: «Мне родина – не крепость и не дом, мне вся земля – обитель и приют, в котором – все, что нужно, чтобы жить» (Диоген Лаэртский VI, 98).

В качестве теоретического основания космополитизма у Кратета, также, как и у Диогена, выступало учение о конечной цели и высшем благе. Кратет – верный ученик своего учителя, а это значит, что он полагал конечной целью добродетельную жизнь. Но ее Кратет, как и все киники, понимал весьма своеобразно. Благодаря принятой в этой философской школе переоценке ценностей, Кратет пришел к выводу о том, что добродетельная жизнь заключается в полной свободе от всего, что влечет человека к порокам. Это разнообразные страсти, стремление к удовольствию и связанные с ними материальные блага и общественные установления. От всего этого следует решительно отказаться. В этой связи, нас не должны удивлять следующие слова Кратета: «Родина моя – это Бесчестие и Бедность, неподвластные никакой Удаче, и земляк мой – недоступный для зависти Диоген» (Диоген Лаэртский VI, 93). Государство в этой картине мира занимает место центрального искусственного установления, противоположного природе. Поэтому для Кратета государство – это главный источник социальной несправедливости и рассадник человеческих пороков. Считая себя гражданином мира, Кратет, на наш взгляд, имел в виду именно мир, то есть космос или другими словами природу, а не универсальное человеческое сообщество, как может показаться. Теорию создания всемирного государства Кратет вряд ли мог одобрить, поскольку в ее основе находилась все та же чуждая киникам искусственная общественно-политическая конструкция.

Вся сфера общественно-политических отношений для Кратета теряла всякую значимость. С этим связан и его отказ от участия в общественной жизни и государственных делах. Сфера политики у Кратета полностью растворилась в этике. Именно поэтому понятие свободы философ рассматривает исключительно в морально-этической плоскости. Его нисколько не занимают мысли о политической независимости полиса и социальном статусе гражданина. Свободен ли человек от страстей и пороков, зависит ли он от удовольствий и материальных благ – вот главные вопросы в философии Кратета. Единственное государство, которое признавал Кратет, это государство свободы: «Освободивши себя от мужины страстей недостойных, Бессмертного царства свободы благо ты обретешь» (Климент Александрийский, *Строматы* II, 121, 1). Таким образом, Кратета можно считать вполне ортодоксальным киником в вопросе о космополитизме. Он был радикальным космополитом, который не признавал за отдельными государствами и народами никакой ценности.

Биона сложно отнести к правоверным киникам. В его философии прослеживается влияние как киников, так и киренаиков. Мы не располагаем прямыми свидетельствами, доказывающими наличие у Биона космополитических взглядов. Однако в источниках содержатся сведения, которые можно рассматривать в качестве косвенных свидетельств. Во-первых, судя по всему, Бцион совершенно не был привязан к своей родине или к какому-либо другому государству (Диоген Лаэртский IV, 46, 53). Известно, что он активно посещал разные города и везде его главной целью было зарабатывание денег посредством философских выступлений. Во-вторых, вызывающий образ жизни Биона, его жесткая критика морали, обычаев и религии, на наш взгляд, слабо согласуется с патриотическими чувствами и привязанностью к полису. Так, сообщается, что Бцион «больше всего любил самого себя», «высказывал много безбожных мыслей», презирал людей за предрассудки и отличался бесстыдством (Диоген Лаэртский IV, 48, 53, 54). На наш взгляд, откровенный эгоизм,

индивидуализм и атеизм Биона гораздо лучше согласуются с космополитизмом, чем с полисным патриотизмом. Третьим косвенным аргументом в пользу космополитических взглядов Биона может служить упоминание о том, что он был учеником Кратета и Феодора, известных философов-космополитов (Диоген Лаэртский IV, 51). Мы не знаем, считал ли себя Брон гражданином мира, но полагаем, что по духу его философия была во многом космополитической.

Проведя анализ космополитических взглядов киников в ранний эллинистический период можно отметить их следующие характерные черты. Главное – это радикальный характер космополитизма киников. Как мы смогли убедиться, Кратет, Брон и, вероятно, другие киники раннего эллинизма, продолжали придерживаться той версии космополитического учения, которое сложилось при Диогене. Данная версия космополитизма жестко противостояла патриотизму и всему, что с ним было связано. Любовь к родному полису, служение на благо отечества, неукоснительное исполнение гражданских обязанностей – все это киники раннего эллинизма продолжали отрицать¹. Еще одной важной чертой космополитизма киников можно назвать его практическую направленность. Имеется в виду то, что у киников космополитическая теория в полной мере проявлялась на практике, то есть в том образе жизни, который они вели. Свои космополитические убеждения киники отстаивали не только на словах, но и на деле.

К космополитическому учению киников тесно примыкал космополитизм Феодора. Согласно Диогену Лаэртскому, Феодору принадлежит следующее рассуждение: «Весьма разумно и то, что человек взыскующий не выйдет жертвовать собою за отечество, ибо он не откажется от разума ради пользы неразумных: отечество ему – весь мир» (Диоген Лаэртский II, 99). Феодор также, как и киники, считал большинство людей глупцами, не заслуживающими того, чтобы их защищать и отстаивать их интересы, отрицал ценность патриотизма и полагал, что мудрец – гражданин мира. С киниками его роднила также практическая направленность космополитизма. На основании тех скудных источников, которыми мы располагаем, можно заключить, что Феодор вел космополитический образ жизни. Нам известно о его жизни в разных городах и государствах². Феодор производит впечатление странствующего философа, не питавшего каких-либо чувств к родине. Весьма показательной является реакция Феодора на его изгнание из Кирены: «Славно, славно, граждане киренцы, что вы меня выселяете из Ливии в Элладу!» (Диоген Лаэртский II, 103). Одним из важных моментов, свидетельствующих о возможном наличии космополитических взглядов, является оторванность человека от родины, причем не вынужденная, а добровольная. Человек, живущий вдали от родины и не привязанный к ней, вполне может разделять космополитические убеждения. В этом плане киники и Феодор были очень похожи.

При всем при этом, мы полагаем, что в вопросе о космополитизме Феодор имел некоторые расхождения с киниками. Они касаются в основном теоретического основания

¹ Ученик Диогена Онесикрит принимал активное участие в походах Александра Македонского. Но в этой деятельности он принимал участие, насколько можно судить, в качестве наемника. Еще один известный киник Керкид из Мегалополя активно участвовал в государственных делах, отстаивая интересы родного полиса. Но это уже было в 20-х гг. III в. до н. э., то есть в период среднего эллинизма.

² Известно, что кроме Кирены, Феодор проживал в Афинах, посещал Египет Птолемея I Сотера и государство Лисимаха.

космополитизма. Как мы показали выше, киники не признавали отдельные государства по той причине, что считали их искусственными установлениями, лишаящими человека свободы и способствующими его моральному разложению. Киники прямо выступали против государственного устройства как такового. Космополитизм Феодора проистекает не столько из неприятия к государству, сколько из его глубокого индивидуализма и эгоизма. Выскажем предположение, что в основе космополитических взглядов Феодора лежит крайнее себялюбие и презрение к общественному мнению. У Феодора не обнаруживается жесткого неприятия или отрицания государства. Наоборот, в отличие от Диогена и Кратета, Феодор не отказывался от связей с различными правителями и участвовал в политической деятельности, впрочем, судя по всему, исключительно в своих личных интересах³. Таким образом, мы видим, что космополитические учения киников и Феодора, совпадающие по характеру и направленности, тем не менее имели разные теоретические основания.

Вторая версия космополитизма, которая возникла именно в период раннего эллинизма, была связана с Ранней Стоей. Ее основатель Зенон Китийский одно время был учеником Кратета. Не вызывает сомнения, что Кратет оказал влияние на Зенона и в философию ранних стоиков проникли кинические идеи. Говоря о космополитическом учении Зенона, исследователи традиционно обращают внимание на его кинические корни. Считается, что в «Государстве», сочинении, «написанном на собачьем хвосте» (Фрагменты ранних стоиков. Т. I., Фр. 2)⁴, Зенон выразил общий для киников и стоиков идеал всемирного государства разумных существ. Предоставим слово Плутарху: «Действительно, вызывающая общее удивление государственная система основателя стоической школы Зенона сводится к единственному положению, – чтобы мы жили не особыми городами и общинами, управляемыми различными уставами, а считали бы всех людей своими земляками и согражданами, так чтобы у нас была общая жизнь и единый распорядок, как у стада, пасущегося на общем пастбище» (Плутарх, *О судьбе и доблести Александра* i, 6). Далее Плутарх высказывает мнение, которое в дальнейшем породило известную дискуссию о природе всемирного государства стоиков: «Зенон представил это в своих писаниях как мечту, как образ философского благозакония и государственного устройства, а Александр претворил слова в дело» (Плутарх, *О судьбе и доблести Александра* i, 6). Согласно Плутарху, Зенон выступал за создание всемирного государства наподобие империи Александра. Ряд исследователей полагает, что космополитизм стоиков выступал в качестве теоретического обоснования империалистических устремлений эллинистических царств и Римской империи [Нахов, 1982, с. 112; Шестова, 2019, с. 116]. Мы не можем согласиться с данной точкой зрения. Дело в том, что мнение Плутарха не подкрепляется источниками. Мы не располагаем сведениями, в которых говорилось бы о космополитизме стоиков как всемирном политическом образовании.

Если обратиться к источникам, то мы увидим другое. В трактате «О досуге» Сенека пишет: «Давайте поймем тот факт, что есть две республики: одна обширная и действительно “Общая для всех”, которая включает как богов, так и людей, в которой мы не принимаем во внимание тот или иной уголок Земли, но делаем границы нашего государства такими же

³ Сообщается о связях Феодора с правителем Афин Деметрием Фалерским, а также с диадохами Птолемеем I Сотером и Лисимахом.

⁴ Намек на то, что это сочинение было написано под большим влиянием кинической философии.

широкими, как лучи солнца; и другая, к которой мы были приписаны по случайности рождения. Это может быть город афинян или карфагенян, или любой другой город, который принадлежит не всем людям, а некоторым особенным. Некоторые люди одновременно служат обоим этим государствам, большому и малому; некоторые служат только малому, некоторые только большому» (L. Annaeus Seneca, *Of Leisure* IV). На основании этого фрагмента, Дж. Селларз заключает: «Таким образом, стоический мудрец, живущий здесь и сейчас, будет иметь двойное гражданство, будучи членом как традиционного политического сообщества, так и космического города “богов и людей”» [Sellars, 2006, p. 132]. Представление о двойном гражданстве стоиков, казалось бы, проясняет вопрос об их космополитизме. И действительно, выражаясь словами Сенеки, может показаться, что в отличие от киников, которые ограничились служением только большому государству, то есть космополису, и обычных людей, ограниченных служением малому, то есть обычному, государству, стоики служили обоим государствам. Но, к сожалению, имеется одна проблема. Мы не знаем, является ли мнение Сенеки общестоеческим. Дело в том, что согласно некоторым источникам, ранние стоики считали обычные государства не настоящими. Единственным истинным государством ранние стоики считали то, которое управляется законом, под которым они понимали божественный разум. Это государство, охватывающее весь мир. Все же обычные государства и законы ошибочны (Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Ч. 1. Фр. 324, 327). Однако это не мешало ранним стоикам одобрять участие мудреца в общественно-политической жизни этих государств (Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Фр. 271; Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Ч. 1 Фр. 611, 616). Более того, отдельные ранние стоики сами активно участвовали в государственных делах⁵.

Здесь мы хотим отметить следующее. Для космополита на первом месте находятся моральные обязательства перед миром или человечеством, а не перед отдельным народом или государством. В приоритете космического начала над полисным началом, как мы полагаем, заключается суть греческого космополитизма. Но это не значит, что первое должно полностью вытеснять второе. Если это происходит, то мы имеем дело с радикальным космополитизмом. Таковым можно считать космополитизм киников. Если космополитические принципы уживаются с признанием важности моральных обязательств перед полисом, то мы имеем дело с умеренным космополитизмом. Это своего рода компромиссный вариант космополитизма. В пользу того, что основатель Стои придерживался именно этой версии космополитизма, можно привести следующие аргументы. Во-первых, Зенон прославился своим участием в воспитании афинской молодежи. Власти Афин посмертно почтили философа золотым венком и гробницей за общественный счет (Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Фр. 7–8). Столь высокой оценки заслужила деятельность Зенона на благо афинского общества. Сложно представить, чтобы Кратет или Диоген участвовали в общественной или политической деятельности. Их враждебное отношение к государственным установлениям ставило крест на участии в жизни полиса. В случае с Зеноном мы видим совершенно иную картину. Во-вторых, Зенон гордился своим происхождением и при случае его подчеркивал. Источники сообщают:

⁵ Персей Китийский служил македонскому царю Антигону Гонату и участвовал в обороне Акрокоринфа, а Сфер Боспорский участвовал в политической деятельности на стороне египетских царей и помогал в проведении реформ спартанскому царю Клеомену.

«Зенон никогда не отказывался от китийского гражданства. Например, когда он внес деньги на ремонт бани, и на столбе написали “Зенон, философ”, он попросил добавить “Из Кития”» (Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Фр. 3). Зенон сохранил связь с родным полисом и своими соотечественниками, которые его очень уважали и гордились им (Фрагменты ранних стоиков. Т. I Фр. 3). Данные аргументы говорят о том, что Зенон, несмотря на свои космополитические взгляды, сохранял определенную приверженность полисным ценностям. Он считал для себя важным сохранять моральные обязательства перед городом, откуда он был родом, и перед городом, в котором провел большую часть жизни. Таким образом, мы полагаем, что главная особенность космополитического учения Зенона заключалась в его умеренном и компромиссном характере.

Теперь рассмотрим вопрос о том, какое место в греческой философии в период раннего эллинизма занимал патриотизм. Прежде всего следует сказать, что для Древней Греции был характерен полисный патриотизм. Полисное устройство наложило большой отпечаток на мировоззрение греков. Исследователи уже давно обратили внимание на такой феномен, как полисный партикуляризм греков. Об общенациональном единстве греки вспоминали редко, в основном в годы противостояния с общим врагом, в качестве которого в разное время выступали персы, македоняне, римляне. Гораздо чаще греки противостояли друг другу, яростно отстаивая свои собственные полисные интересы. В этих исторических условиях полисный патриотизм выступал в качестве одной из важнейших политических ценностей и добродетелей. В период раннего эллинизма границы греческой ойкумены значительно расширились. Благодаря завоеваниям Александра и борьбе диадохов за его наследство на свет появился совершенно новый тип государства – эллинистические монархии. Очевидно, что патриотизм как фундаментальная общественно-политическая ценность приобрел важное значение в эллинистических монархиях. В этих государствах патриотизм был связан уже не только с полисной общиной, но и с правящей династией. Данное обстоятельство объясняет рассмотрение нами патриотизма в качестве ценности, присущей как полисам, так и эллинистическим автократиям.

Говоря о патриотизме в греческой философии в период раннего эллинизма, мы не можем пройти мимо фигуры Аристотеля. Традиционно считается, что на Аристотеле закончилась классическая греческая философия. Не оспаривая данную точку зрения, мы считаем важным подчеркнуть принадлежность Аристотеля и к эпохе эллинизма. Если брать за отправную точку в истории эллинизма 334 г. до н. э., год начала походов Александра и образования первого эллинистического государства, то следует признать, что расцвет деятельности Аристотеля пришелся именно на период раннего эллинизма. В это время Аристотель возглавлял Ликей и ему удалось превратить свою школу в крупнейший научно-философский центр античного мира. Для нашего исследования особое значение приобретает тот факт, что его главное политическое произведение было написано в этот период. О том, что «*Политика*» была полностью или частично написана Аристотелем в период с 334 по 323 гг. до н. э. говорит упоминание автором истории об убийстве македонского царя Филиппа, которое произошло в 336 г. до н. э. (Аристотель, *Политика* 1311b). А это, в свою очередь, говорит о том, что взгляды Аристотеля в той или иной степени отражали политическую реальность Греции в ранний эллинистический период.

Аристотель является тем философом, который был максимально далек от космополитических идей. Учение о всемирном государстве и гражданине мира не могло вызвать у Аристотеля ничего кроме резкого осуждения и неприятия. При всей широте своих научных и философских взглядов Аристотель нигде даже не касается этой темы. И это при том, что о космополитических взглядах киников ему должно было быть хорошо известно. Такое отношение было вызвано принципиальной позицией философа в вопросе о государстве. Дело в том, что в глазах Аристотеля государство обладает высочайшим ценностным статусом. Хорошо известно мнение философа о том, что «человек по природе своей есть существо политическое» (Аристотель, *Политика* 1253a). Следствием этого является другое положение, согласно которому, «первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас» (Аристотель, *Политика* 1253a 20). Представление о том, что человек не является существом самодовлеющим и глубоко вторичен по отношению к государству, не вызывает у Аристотеля никакого сомнения. Человек, живущий вне государства – «либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» (Аристотель, *Политика* 1253a 5). При такой позиции патриотизм выступал в качестве естественной и неотъемлемой политической добродетели. Защита своего родного государства и отстаивание его интересов является для Аристотеля той истиной, которая не требует никаких доказательств. Для него очевидно, что «задача граждан заключается в спасении составляемого ими общения, а общением этим является государственный строй» (Аристотель, *Политика* 1276b 30). Также нельзя не упомянуть о том, что Аристотель не мог одобрить космополитизм по причине своего убеждения в превосходстве греков над варварами. В основе космополитизма киников и ранних стоиков лежала идея о равенстве всех людей по природе. Аристотель – апологет противоположной теории о естественном неравенстве между народами. Данная позиция пресекала на корню любое развитие космополитических идей.

В философии ранних стоиков наряду с тенденцией к космополитизму прослеживается и противоположная ей тенденция к патриотизму. Эта тенденция выражена не так ярко, но игнорировать ее было бы ошибкой. Мы полагаем, что политическая философия ранних стоиков не заслуживает того, чтобы ее сводили только к космополитизму. Следует понимать, что достаточно распространенные патриотические и охранительно-консервативные настроения среди представителей Средней и Поздней Стои возникли не на пустом месте. Что свидетельствует о наличии тенденции к патриотизму в учении ранних стоиков? Уже в отдельных фрагментах, посвященных Зенону, можно встретить высказывания в защиту традиционных для полисной Греции общественно-политических ценностей. Мудрец, согласно Зенону, будет заниматься государственными делами, вступит в брак и заведет детей, будет выступать в защиту семейных ценностей с позиций общественного блага (Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Фр. 244, 270, 271). В защиту государства выступает Клеанф, называя его «достойным и благородным установлением для совместной жизни» (Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Фр. 587). Согласно ранним стоикам, мудрец будет почитать богов, родителей, братьев (Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Ч. 1. Фр. 731). В вопросе о дружбе ранние стоики практически ничем не отличаются от Аристотеля, ставя на первое место дружбу, основанную на добродетели (Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Ч. 1. Фр. 723). Одобрятся три образа жизни – царский, политический и учительский (Фрагменты ранних стоиков. Т. III. Ч. 1.

Фр. 686). Из них первые два образа жизни имеют непосредственное отношение к политической деятельности, а последний – к общественной.

Как мы видим, ранние стоики выступали в поддержку тех ценностей, которые вполне согласуются с патриотизмом и дополняются им. Но главное свидетельство в пользу существования тенденции к патриотизму у ранних стоиков принадлежит Цицерону. В сочинении «О пределах блага и зла» Цицерон пишет о том, что, согласно ранним стоикам, добродетельный и законопослушный человек, исполняющий свои гражданские обязанности, будет больше заботиться об общей пользе, а не о своей собственной. И далее продолжает: «И не большего порицания заслуживает предатель родины, чем тот, кто ради собственной пользы и благополучия забывает об общей пользе и общем благе. Отсюда следует, что достоин хвалы тот, кто идет на смерть за республику, потому что родина должна быть нам дороже нас самих» (Цицерон, *О пределах блага и зла* III, 64). Для нас остается открытым вопрос о том, как в учении ранних стоиков согласовывались космополитические и даже откровенно анархистские идеи с традиционными полисными ценностями. Данный вопрос выходит за рамки нашего исследования. Сейчас же важно зафиксировать существование в философии ранних стоиков двух противоположных тенденций – космополитической и патриотической. При этом тенденция к патриотизму, на наш взгляд, является частью более крупной тенденции в философии ранних стоиков, которую можно назвать охранительно-консервативной, и которая включает в себя приверженность всем традиционным полисным ценностям.

Какое отношение к патриотизму было у других греческих философов, расцвет деятельности которых пришелся на период раннего эллинизма? В условиях почти полного отсутствия сочинений, мы можем обрисовать лишь общую картину. Эпикур, Пиррон Элидский и Гегесий судя по всему, были далеки от патриотизма. Эти философы старались держаться в стороне от политической деятельности и все, что нам известно о их жизни и учениях, говорит о том, что патриотизм не являлся для них значимой ценностью. Впрочем, к сторонникам космополитизма их также нельзя отнести. Аполитичность Эпикура, Гегесия и политический конформизм Пиррона, можно сказать, исключали их из противостояния по линии космополитизм/патриотизм.

К числу тех философов, кто придавал патриотизму важное значение, можно отнести Ксенократа, Анникерида, Менедема из Эретрии. Ксенократ был верным учеником Платона и, должно быть, разделял взгляды учителя о важности полисных ценностей, особенно таких как полисный коллективизм и патриотизм. Но более весомым аргументом в пользу приверженности Ксенократа патриотическим ценностям является один известный эпизод из его жизни. В 322 г. до н. э., после поражения греков в Ламийской войне, Ксенократ в составе афинского посольства принял участие в переговорах с наместником Македонии Антипатром. На этих переговорах решалась судьба Афин и Ксенократ с честью и достоинством отстаивал интересы города. Сам Ксенократ не был родом из Афин, но мы полагаем, что именно патриотические чувства подтолкнули его принять участие в этом политическом мероприятии. В случае с Анникеридом мы имеем дело с представителем школы киренаиков, который попытался соединить в одном учении гедонистическую этику с традиционными полисными ценностями. С одной стороны, Анникерид «полагал конечной целью наслаждение» (Диоген Лаэртский II, 97). С другой стороны, он допускал «в жизни и дружбу, и благодарность,

и почтение к родителям, и служение отечеству» (Диоген Лаэртский II, 96). Как видно, учение Анникерида носило компромиссный характер, в рамках которого патриотизму отводилось довольно важное место. Что касается Менедема, то из источников нам известно о том, что он был большим патриотом своего родного полиса и принимал активное участие в государственных делах. Сообщается, что он участвовал в управлении городом и в переговорах с различными эллинистическими правителями.

Какое место патриотизм занимал в философии перипатетиков и академиков после Аристотеля и Ксенократа сказать сложно. Выскажем предположение, что независимо от своих политических предпочтений перипатетики и академики вряд ли могли быть сторонниками космополитизма. Во-первых, в период раннего эллинизма в Ликее и Академии сохранялся авторитет Аристотеля и Платона, а они, как мы помним, являлись главными сторонниками полисных ценностей в греческой философии. Во-вторых, обе школы в это время пользовались заслуженной славой и большим авторитетом. Это были те философские школы, в которых были сильны традиции и консервативные настроения. Соответственно, эти условия никак не могли способствовать распространению космополитических идей. И конечно, в нашем распоряжении нет источников, доказывающих наличие хотя бы слабой тенденции к космополитизму в философии перипатетиков и академиков в данный период. В то же время в источниках упоминается о существовании большого количества политических работ, принадлежащих видным перипатетикам и академикам. Многие из этих работ, судя по их названиям, были посвящены монархическому государственному устройству. Не стоит забывать и о той дискуссии, которая велась в Ликее и касалась вопроса о том, какой образ жизни следует считать предпочтительным – созерцательный или деятельный. Примечательно, что Дикеарх и Деметрий Фалерский ставили участие в общественно-политической деятельности выше жизни, посвященной науке и философии. На наш взгляд, данные сведения характеризуют перипатетиков и академиков как представителей традиционного политического мышления, чуждого веяниям нового времени вроде политической отчужденности и космополитизма. А это значит, что патриотизм для этих философов не должен был утратить своей ценности.

Итак, как мы установили, космополитические идеи получили дальнейшее развитие в греческой философии в период раннего эллинизма. Радикальной версии космополитизма придерживались киники и Феодор. Космополитизм киников не оставлял шанса на компромисс с социальной и политической реальностью. На новый уровень космополитизм вывели ранние стоики, которым удалось придать этому учению умеренный характер. Космополитическая теория ранних стоиков как учение о двойном гражданстве открыла возможность одновременно служить двум государствам – всемирному и обычному. Но, как мы выяснили, космополитизму не удалось стать преобладающей тенденцией в ранней эллинистической философии. Вытеснить патриотические ценности космополитизм не смог. Приверженность патриотизму осталась влиятельной тенденцией в греческой философии в данный период. Она хорошо просматривается у Аристотеля, Ксенократа, Анникерида, Менедема. Влияние патриотических ценностей прослеживается также у перипатетиков и академиков. Нельзя не отметить и ранних стоиков, у которых во всю силу проявилась

двойственность в виде сосуществования двух тенденций – космополитической и охранительно-консервативной.

Последнюю часть работы мы посвятим рассмотрению вопроса о том, какие факторы социально-исторического развития обусловили установленное нами соотношение между космополитизмом и патриотизмом в ранней эллинистической философии. Традиционно принято считать, что ослабление полисных ценностей и усиление космополитических настроений в периоды поздней классики и раннего эллинизма было связано с кризисом полисной системы. Этот кризис был вызван нескончаемыми войнами за гегемонию в Греции и обострением социально-политической борьбы. Эти процессы ослабляли и разрушали Грецию изнутри. Кризис полисной системы характеризовался разложением моральных и религиозных норм, упадком общественных и политических ценностей. Все это сопровождалось атомизацией общества, ростом индивидуализма и как следствие – усилением тенденции к отчуждению индивида от общества. Мы разделяем данную точку зрения, но лишь частично. Мы согласны с тем, что в период раннего эллинизма Греция испытывала серьезные проблемы. Но мы не согласны с мнением о том, что этот кризис привел греческие полисы в состояние полного политического бессилия. Мы полагаем, что, не смотря на все разрушительные процессы, полисная система устояла. В условиях господства эллинистических царств, греческие полисы также продемонстрировали жизнеспособность. Можно согласиться с Э. Брауном, который пишет: «Широко распространенное предположение, что полис рухнул при имперских правительствах преемников Александра, в лучшем случае спорно, а в худшем – совершенно ошибочно» [Brown, 2006, p. 549]. Как отмечает Э. Браун, в эллинистическую эпоху полисы продолжали предоставлять возможность для участия в политической жизни и многие философы выступали сторонниками активного участия в политической деятельности [Brown, 2006, p. 549]. Даже будучи ослабленными, патриотические ценности продолжали играть важную роль в жизни полисов и тем самым оказывать влияние на философию.

Распространение космополитизма в греческой философии как правило связывают с образованием эллинистических монархий. Завоевания Александра и появление государств, основанных его преемниками, способствовало сближению между греками и различными народами Востока. Значительные изменения произошли в политической сфере. На свет появились огромные многонациональные государства, во главе которых стояли монархи с неограниченной властью. На Востоке были основаны новые греческие полисы. При этом процесс сближения был двусторонним. Греческие колонисты заселяли Ближний Восток и Египет, выходцы из Азии усиливали свое присутствие в Греции. Оживились торгово-экономические и культурные связи. Религиозная жизнь греков обогатилась восточными элементами. Причем настолько, что это привело к появлению такого феномена как религиозный синкретизм. С образованием эллинистических монархий греки вышли далеко за пределы своей прежней цивилизации. Интеллектуальная элита Греции столкнулась с новыми вызовами, на которые должна была ответить. Одним из этих ответов как раз и стало распространение космополитических идей в греческой философии.

Но как мы установили, было бы большим преувеличением считать, что космополитизм имел оглушительный успех в ранней эллинистической философии. Во-первых,

космополитические идеи были представлены только в философии киников, ранних стоиков и Феодора. Во-вторых, космополитизму не удалось вытеснить патриотизм, который и в период раннего эллинизма оставался важной ценностью для многих греческих философов. Следует ли из этого, что образование эллинистических монархий оказало слабое влияние на распространение космополитизма? Мы полагаем, что нет. Мы разделяем точку зрения о большом влиянии этого исторического процесса на развитие греческой философии. Но мы полагаем, что образование эллинистических монархий оказало влияние не только на распространение космополитизма, но и на сохранение патриотизма. Дело в том, что основание новых государств на Востоке сопровождалось появлением на их территории греческих полисов. Самыми крупными и известными из них стали Александрия, Антиохия, Селевкия, Апамея. Известно, что изначально гражданами этих городов были представители греко-македонского населения. Новые города обладали основными чертами полисного устройства. В заключении исследования, посвященного вопросу о полисном устройстве Александрии, М. Ю. Серова пишет: «Для нее было характерно наличие института гражданства и гражданской общины, которая выбирала некоторых городских магистратов и решала дела города посредством таких демократических органов, как Совет и Народное собрание. Однако, несмотря на такие демократические элементы, александрийская гражданская община строго контролировалась царской администрацией. И, следовательно, Александрия представляла собой типичный восточно-эллинистический полис, где сочетались как греческие полисные установления, так и монархические черты» [Серова, 2005, с. 49]. Сохранение основных черт полисного устройства в городах, основанных на Востоке в период раннего эллинизма, является очень важным моментом. На наш взгляд, это доказывает важную роль, которую играли традиционные полисные ценности в этих городах. Несмотря на снижение политической активности граждан в эллинистических полисах, патриотические ценности в них должны были сохраниться. И не стоит забывать, что для многих греков эллинистические царства стали новой родиной и домом, что также не могло не способствовать развитию патриотических чувств.

Еще одним доказательством важной роли патриотизма в основанных на Востоке полисах является отношение их жителей к правителю государства. Если говорить кратко, то отношения между эллинистическими монархами и их подданными из числа греко-македонского населения носили добрый характер. Монархи защищали интересы жителей греко-македонского происхождения, а те, в свою очередь, преданно им служили. Такая форма взаимовыгодных отношений явилась следствием того, что греко-македонские завоеватели оказались на новой территории в окружении местного населения. Как пишет Г. Кестер, «новые поселенцы работали и сражались не только за царя, но и за свою безопасность и процветание» [Koester, 1995, p. 44]. Таким образом, можно сказать, что образование эллинистических монархий оказало влияние на развитие противоположных тенденций в греческой философии. Сближение греков с многочисленными народами Востока способствовало распространению космополитических идей. А основание греческих городов в эллинистических государствах имело следствием сохранение полисных ценностей, одной из которых был патриотизм.

Подведем итоги. В ходе проведенного исследования мы установили, что в ранней эллинистической философии усилилось противостояние между двумя тенденциями –

космополитической и патриотической. Усиление первой тенденции было связано с развитием космополитических идей у киников, ранних стоиков и Феодора. Распространению космополитических идей способствовал кризис полисной системы и образование эллинистических монархий, которое привело к культурному сближению между греками и народами Востока. Но вытеснить патриотические ценности космополитизму не удалось. К приверженцам патриотизма из числа греческих философов можно отнести Аристотеля, Ксенократа, Анникерида, Менедема. Влияние патриотических ценностей прослеживается в философии перипатетиков и академиков. У ранних стоиков патриотизм как часть охранительно-консервативной тенденции уживался с тенденцией к космополитизму. Как мы установили, образование эллинистических царств способствовало не только распространению космополитизма, но и сохранению патриотических ценностей. Это было связано с основанием на Востоке греческих полисов и развитием патриотических чувств у греческих переселенцев к новой родине. Высокий ценностный статус патриотизма в греческой философии был также связан с сохранением полисной системы в период раннего эллинизма.

Список литературы / References

Аристотель. (1983). Политика. Пер. С. А. Жебелева. *Аристотель: Сочинения в четырех томах*. Т. 4. М. С. 375-644.

Aristotle. (1983). Politics. Translated by S. A. Zhebeleva. *Aristotle. Essays in four volumes*. Vol. 4. pp. 375-644. (In Russ.)

Демокрит. (1970). *Тексты. Перевод. Исследования*. Пер. С. Я. Лурье. Л.

Demokrit. (1970). Texts. Translation. Research. Lurie S. Ya. (transl.). Leningrad. (In Russ.)

Диоген Лаэртский. (1986). *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Пер. М. Л. Гаспарова. 2-е изд. М.

Diogenes Laertius. (1986). *About the life, teachings and sayings of famous philosophers*. Gasparov M. L. (transl.). 2nd ed. Moscow. (In Russ.)

Климент Александрийский. *Строматы*. (2003). *Книги 1–3*. Пер. и комм. Е. В. Афонасина. СПб.

Kliment Aleksandriiskii. (2003). *The Stromata*. Books 1-3. Afonasin E. V. (transl.). SPb. Т. 1. (In Russ.)

Лосев, А. Ф. (2000). *История античной эстетики. Ранний эллинизм*. М.

Losev, A. F. (2000). *History of ancient aesthetics. Early Hellenism*. Moscow. (In Russ.)

Нахов, И. М. (1982). *Философия киников*. М.

Nakhov, I. M. (1982). *Philosophy of Cynics*. Moscow. (In Russ.)

Плутарх. (1999). *О судьбе и доблести Александра. Речь первая*. Пер. Я. М. Боровского. Плутарх. Моралии. М. С. 582-592.

Plutarch. (1999). *About the fate and valor of Alexander. Speech one*. Plutarch. The Moralia. Borovsky Ya. M. (transl.). Moscow. pp. 582-592. (In Russ.).

Серова, М. Ю. (2005). К вопросу о полисном устройстве Александрии Египетской. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История*. №. 2. С. 44-49.

Serova, M. (2005). To the Question of Alexandria Egyption's Polis. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. no. 2. pp. 44-49. (In Russ.)

Фрагменты ранних стоиков. (1998). Т. I: Зенон и его ученики. Пер. и комм. А. А. Стоярова. М.

Excerpts of Early Stoics. (1998). vol. 1: Zeno and His Apprentices. Moscow. (In Russ.)

Фрагменты ранних стоиков. (2007). Т. III. Ч. 1. Хрисипп из Сол. Этические фрагменты. Пер. и комм. А. А. Стоярова. М.

Excerpts of Early Stoics. (2007). vol. III: Chrysippus of Soli. Ethical fragments. Stolyarov A. A. (transl.). Moscow. (In Russ.)

Целлер, Э. (1996). *Очерк истории греческой философии*. СПб.

Zeller, E. (1996). *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*. St. Petersburg. (In Russ.)

Цицерон. (1985). *О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков*. Пер. Н. А. Федорова. М. С. 41-242.

Cicero. (1985). *On the ends of good and evil. Stoic Paradoxes*. Fedorov N. A. (transl.). Moscow. pp. 41-242. (In Russ.)

Шестова, Т. Л. (2019). Античные истоки современного космополитизма. *Век глобализации*. № 3 (31). С. 108-122. DOI: 10.30884/vglob/2019.03.10.

Shestova, T. L. (2019). Modern Cosmopolitanism and its Ancient Origins. *Age of Globalization*. no. 3. pp. 108-122. (In Russ.) DOI: 10.30884/vglob/2019.03.10.

Brown, E. (2006). Hellenistic Cosmopolitanism. In Mary Louise Gill and Pierre Pellegrin (eds.). *A Companion to Ancient Philosophy*. Oxford: Basil Blackwell. pp. 549-558.

Koester, H. (1995). *History, Culture, and Religion of the Hellenistic Age*. Second Edition. New York/Berlin: Walter de Gruyter.

Sellars, J. (2006). *Stoicism*. Acumen Publishing. DOI: 10.1017/UPO9781844653720

Seneca, L. (1889). *Annaeus. Of leisure*. Translated by Aubrey Stewart. L. Annaeus Seneca. *Minor Dialogs: Together with the Dialog "On Clemency"*. London. pp. 240-249.

Сведения об авторе / Information about the author

Бровкин Владимир Викторович – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: drakar@ngs.ru. ORCID: 0000-0002-0344-3304

Статья поступила в редакцию 15.08.2020

После доработки 10.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Brovkin Vladimir – Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: drakar@ngs.ru. ORCID: 0000-0002-0344-3304

The paper was submitted 15.08.2020

Received after reworking 10.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020

УДК 165.1

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СИМВОЛЬНОЙ НОТАЦИИ МАТЕМАТИКИ XVII В. И ТРАНСФОРМАЦИЯ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

А. В. Хлебалин

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
sasha_khl@mail.ru

В. В. Целищев

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
leitval@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются интеллектуально-культурные предпосылки, сделавшие возможным создание символической нотации в математике XVII в. Показано, что переиздания *Начал* Евклида в XVI в. сформировало интеллектуальный и культурный фон, позволивший Виету и Стивену трансформировать классическую концепцию *arithmos* в символическую концепцию числа, что сделало возможным создание символической нотации. Утверждается, что разработка символической нотации является не простым изменением способа обозначения, а существенно изменило математическую практику, сделав возможным введение новых объектов и посредством символических преобразований.

Ключевые слова: нотация, символическая концепция числа, математическая практика, математический объект.

Для цитаты: Хлебалин, А. В., Целищев, В. В. (2020). История возникновения символической нотации математики XVII в. и трансформация математической практики. *Respublica Literaria*. 2020. Т. 1. № 1. С. 40-47. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.40-47.

THE HISTORY OF THE EMERGENCE OF SYMBOLIC NOTATION IN MATHEMATICS IN THE 17th CENTURY AND TRANSFORMATION OF MATHEMATICAL PRACTICE

A. V. Khlebalin

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
sasha_khl@mail.ru

V. V. Tselishchev

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
leitval@gmail.com

Abstract. The article analyzes the intellectual and cultural preconditions that made it possible to create symbolic notation in mathematics of the 17th century. It is shown that the reprints of Euclid's *Elements* in the XVI century formed an intellectual and cultural background that allowed Viet and Stevens to transform the classical concept of *arithmos* into a symbolic concept of number, which made the creation of symbolic notation possible. It is argued that

the development of symbolic notation is not a simple change in the way of notation, but significantly changed the mathematical practice, making it possible to introduce new objects and through symbolic transformations.

Keywords: notation, symbolic conception of number, mathematical practice, mathematical object.

For citation: Khlebalin, A. V., Tselishchev, V. V. (2020). The history of the emergence of symbolic notation in mathematics in the 17th century and transformation of mathematical practice. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 1. pp. 40-47. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.40-47.

Развитие математики и становление математической физики стало возможным в результате глобальной трансформации греческого *arithmos* в концепцию числа в ее современной символической интерпретации. Эта трансформация связана с возникновением символической концепции числа. Классическая историография связывает это с деятельностью Виета, Стевина, Декарта и Лейбница. Но зачастую остаются в тени те концептуальные изменения в математической практике, которые сделали возможной «символическую революцию» в математике XVII в.

Масштаб произошедших в результате этой революции изменений вызвал значительное преобразование математической практики. *Начала* Евклида на протяжении веков являлись каноническим текстом, конституирующим математическую практику. Сами *Начала* посвящены, прежде всего, геометрии и лишь последние книги посвящены математике и содержат существенное отличное от современного понимание числа и величин. Центральное для греческой математики понятия *arithmos* не должно пониматься как «общая величина»: «Оно никогда не обозначало чего-либо иного, кроме “число определенных объектов” или “собрание” пересчитанных вещей» [Klein, 1992, p. 7]. Аналогично, прямые, соотношения, соизмеримые и несоизмеримые величины имели свою собственную онтологию, конституирующую математическую практику и определяющую математическое исследование и его методы. В отличие от греческой концепции, «общая величина» – вполне современное понятие. Произошедшая трансформация заключалась в том, что «Что характерно для этой “общей величины”, так это неопределенность, из которой это понятие может быть сформировано только посредством символических процедур. Но евклидово представление *не* символическое. Оно всегда предполагает определенное количество единиц измерения и делает это безо всякого обращения к “общему понятию” или концепции “общей величины”. Иллюстрируя каждое определенное количество результатов измерения длины, он не допускает двух операций, которые составляют сердцевину символической процедуры: он *не* отождествляет представленные объекты со способом представления, и он *не* заменяет действительную определенность объекта *возможностью* сделать его определенным посредством символического представления, которое вместо того чтобы иллюстрировать определенный объект, будет *обозначать* возможную определенность» [Ibid, p. 123].

Согласно Клейну, Декарт первым полностью артикулировал главное значение современной символической концептуализации числа: «С этого момента фундаментальная онтологическая наука древних была заменена символической дисциплиной, чьи онтологические допущения оставались непроясненными. Эта наука, которая с самого начала стремится к постижению целостности мира, постоянно расширяется в системы современной математики» [Klein, 1992, p. 184]. Достижения Декарта им резюмируется следующим образом:

«1) концепция алгебры как “общей” теории пропорций, чей объект, только символически доступный, приобретает свои специфические характеристики из *числовой/нумерической* области; и 2) и отождествление этого “символического” математического объекта с объектом “*подлинной физики*”» [Ibid, p. 198].

Понятие «общей величины» и разработка его символической интерпретации Виетом, Стевином, Декартом и др., приводит к исчезновению различия между дискретными числами и континуальной величиной. В тоже время это сделало возможным непроблематичную символизацию физического объекта математическими терминами. Следовательно, фундаментально перестраиваются границы внутри математики – между арифметикой и геометрией и между математикой и физикой, или натуральной философией. Фундаментальная трансформация концепции числа, произошедшая в XVI–XVII вв., свидетельствует об историчности объекта математики. Такие концептуальные изменения объекта математики не могут быть поняты вне контекста тех изменений, которые претерпел математический дискурс; прежде всего, вне специфических дискурсивных практик и культурно-исторически обусловленных средств представления знания. Анализ историчности объектов научного дискурса, практик, вызывающих их трансформацию и легитимацию произошедших изменений, а также восстановление границ своеобразной «карты знания», которое влечет за собой такая практика, позволяет более динамично реконструировать взаимоотношения между конституирующими элементами научной практики. Разработка объяснения, которое не трактует объекты и границы научных дискурсов как естественно заданные, представляется необходимой для экспликации тех способов, которыми наука исторически связана с конкретными элементами культуры и того способа, которым научная практика становится частью истории культуры.

Произошедшие в XVI–XVII вв. трансформации концепции числа были столь фундаментальным преобразованием объекта математики и математической практики, что простого перечисления основных «агентов» этого преобразования не вполне достаточно для прояснения источников и деталей произошедших изменений. Выдающаяся роль в интересующей нас трансформации объекта математической практики таких математиков, как Виет, Декарт или Стевин, прекрасно известна, и новаторство их работ давно является хрестоматийной темой. Более пристальное внимание к истории математики позволяет нам обнаружить их предшественников, которые, в классической историографии, являлись инициаторами изменений математической практики, сделавшими возможными последующие преобразования концепции числа.

Несмотря на основополагающую роль, которую играют понятия числа и величины, мало известно о том, как они трансформировались из классических греческих форм, довольно точно сохранившихся в средневековых переводах *Начал* Евклида, в современное понятие числа. Общеизвестным является то, что числа и величины претерпели основные преобразования в течение XVI–XVII вв. [Bos, 2001, pp. 135-143]. Очевидным проявлением этой трансформации стало символическое представление числа и величины и последовавшее радикальное изменение математической нотации. Фактически, в этот период времени совершается переход к современной системе репрезентации, радикально отделившей предшествующую традицию математического знания. Так, например, классическая нотация

Ars Magna Кардано очень сильно отличается от вполне современной нотации *Геометрии* Декарта.

uenies ex prima regula operatiōis, Probatio est, ut in exemplo, cubus & quadrata 3, æquentur 21, æstimatio ex his regulis est, R: v: cubica 9 $\frac{1}{2}$ p: R: 89 $\frac{1}{4}$ p: R: v: cubica 9 $\frac{1}{2}$ m: R: 89 $\frac{1}{4}$ m: 1, cubus igitur est hic constans ex septem partibus.
 12 m: R: v: cubica, 4846 $\frac{1}{2}$ p: R: 23487833 $\frac{1}{4}$ m: R: v: cubica 4846 $\frac{1}{2}$ m:
 R: 23487833 $\frac{1}{4}$ p: R: v: cub. 46041 $\frac{3}{4}$ p: R: 2119776950 $\frac{7}{8}$ m:
 R: 2096289117 $\frac{9}{16}$ m: R: 2096354180 $\frac{1}{16}$ $\frac{3}{4}$
 p: R: v: cub. 46041 $\frac{3}{4}$ p: R: 2096354180 $\frac{1}{16}$ m: R: 2096289117 $\frac{9}{16}$ m:
 R: 2119776950 $\frac{7}{8}$ p: R: v: cub. 256 $\frac{1}{2}$ p: R: 65063 $\frac{1}{4}$ p: R: v: cub.
 256 $\frac{1}{2}$ m: R: 65063 $\frac{1}{4}$

Рис 1. Кардано *Ars Magna*, Глава XV. (1545 г.)

Система представления числе в *Ars Magna* Кардано фактически не читабельна для современного читателя, тогда как принятая в *Геометрии* Декарта (1637 г.) кажется вполне знакомой.

Or si on a $x^3 - px + q$, la reigle dont Cardan attribue l'inuention: vn nommé Scipio Ferreus, nous apprend que la racine est,
 $\sqrt[3]{C. + \frac{1}{2}q + \sqrt{\frac{1}{4}qq + \frac{1}{27}p^3}} + \sqrt[3]{C. + \frac{1}{2}q - \sqrt{\frac{1}{4}qq + \frac{1}{27}p^3}}$
 Comme aussy lo: siqu'on a $x^3 + px + q$, & que le quarré de la moitié du dernier terme est plus grand que le cube du tiers de la quantité connue du penultiesme, vne pareille reigle nous apprend que la racine est,
 $\sqrt[3]{C. + \frac{1}{2}q + \sqrt{\frac{1}{4}qq - \frac{1}{27}p^3}} + \sqrt[3]{C. + \frac{1}{2}q - \sqrt{\frac{1}{4}qq - \frac{1}{27}p^3}}$

Рис.2. Декарт *Géometrie*, (Adam and Tannery, 1637. VI, p. 473)

Произошедшая трансформация не ограничилась изменением исключительно системы нотации. Более того, мы попытаемся показать, что сама смена системы нотации стала возможной благодаря фундаментальным изменениям центральных для математики концепций числа и величины, которые явились условием возможности введения символьской нотации, коренным образом трансформировавшей метаматематическую

практику и оказавшейся, по своей сути процессом введения в эту практику нового типа математического объекта.

Начала Евклида наглядно показывают различия современной и греческой концепций математических объектов. Например, в случае величин: величины *Начал* нельзя ни умножать, ни делить; тоже самое справедливо и для корней: как таковых их не существует для евклидовых величин. С другой стороны, евклидово число всегда есть то, что мы называем «натуральным» или положительным целым числом, и числовые операции с ними были строго ограничены тем, чтобы получаемые результаты были положительными целыми числами [Ibid, pp.120-127]. Четкое и последовательное разделение между евклидовыми понятиями чисел и величин не только сохранилось в латинских средневековых переводах, но использовалось в преподавании в Западной Европе во второй половине XV в. Однако, ко второй половине XVII в. различия между классическими понятиями (натуральных) чисел и непрерывных геометрических величин в значительной степени исчезли, как и сами эти понятия. Весьма мало известно об этом концептуальном сдвиге, во многом потому, что он произошел практически незаметно и не был связан с провозглашением каких-либо теоретических проектов. Если в XVI и XVII вв. велись дискуссии об отношениях между арифметикой и геометрией, то нам неизвестно о существовании концепций о природе числа или величины, противостоящих классической евклидовой системе, вплоть до *Arithmétique* Саймона Стевина (1585 г). Известно, что двумя ключевыми фигурами в генезисе символической репрезентации объекта в математической практике были Виет и Стивен.

В своем классическом и влиятельном исследовании Дж. Клейн указал на новое определение алгебры Франсуа Виета как «аналитического искусства», в качестве решающего фактора трансформации греческой концепции *arithmos* [Klein, 1992]. С точки зрения Клейна, Виет был родоначальником «современного способа концептуализации», определившего математику эпохи Возрождения. Переосмысляя в рамках «современного» ему интеллектуального пейзажа эпохи Возрождения концепцию *эйдоса*, которую он усмотрел в сочинениях Паппа Александрийского и Диофанта, Виет осуществил трансформацию греческой концепции *arithmos* в современную концепцию видов (*species*), которая, являясь символической концепцией, заложила условия возможности появления символической нотации. В этом контексте такая концепция является предварительным условием для символического понимания количества, в котором *arithmos* и *megethos* «схлопываются» в новое численное понимание величин. Огромную роль в генезисе современной концепции числа, помимо Виета, Клейн приписывает Саймону Стевину, который первым опубликовал убедительную критику классической концепции числа и разработал новое понятие величины, которое было всецело символическим.

Согласно Клейну, концепция Стевина существенно зависит от введенной Виетом символической концепции видов. [Ibid, pp.186-197]. Это утверждение кажется проблематичным в связи с тем, что подвергается сомнению знакомство Стевина с работами Виета [Dijksterhuis, 1970, pp.21-35; Malet, 1990]. Классическая интерпретация Клейном произошедших преобразований концепций числа и величины рисует этот процесс как индивидуальные достижения конкретных математиков. Такую историографическую парадигму часто именуют «платоновской», ведь, согласно ей, новаторские концепции как бы

существуют в некоей интеллектуальной реальности и снисходят на отдельных ученых. Так и в случае интерпретации Клейна: символическое понимание числа «снизошло» на Виета и Стевина. Безусловно, такая интерпретация слишком поверхностна; мы отлично понимаем, что интерес Клейна был связан прежде всего не с попыткой объяснить источники революционных преобразований, а с прослеживанием тех глобальных изменений математического знания, которые были инициированы этими преобразованиями. Вместе с тем, вопрос об источниках и предпосылках, сделавших возможными революцию в математике эпохи Возрождения, остается открытым.

Одним из таких источников, согласно Э. Малету [Malet, 1990], могут быть переводы классических греческих текстов в эпоху Возрождения, имевшие место накануне этих преобразований в концепции математического объекта: «Что касается предшественников новаторского представления Стевина о численных величинах, мы обратимся к влиятельным изданиям *Начал* Евклида в XVI в.: итальянское издание Тартальи (впервые напечатано в 1543 г., за которым последовало множество других изданий), английское издание Биллингсли с известным предисловием Джона Ди (1570 г.). Эти издания *Начал* XVI в. оказали основополагающее влияние на формирование математической практики XVI–XVII в. и были конститутивными для интеллектуального фона, окружающего эту практику. Именно эти переиздания сформировали «идеологическую» предпосылку возникновения символической концепции числа. Несмотря на то, что во всех изданиях *Начал* сохранено исходное разделение классических понятий дискретных целых чисел и непрерывных величин, переводы эпохи Возрождения придерживаются числового понимания непрерывной величины и на практике «переводят» большинство геометрических результатов на язык того, что в скором времени оформится в «геометрическую алгебру» [Ibid, p. 195].

Издания *Начал* XVI в. содержат явные ссылки на философию и идеальные формы Платона, но они также провозглашают применимость математики для всех видов технических практик. В этих текстах нет противопоставления Платоновской философии математики, сосредоточенной на абстрагировании и созерцании чистых форм и утилитарного понимания математики. Их авторы охотно отвлекаются на рассуждения об истории математики и вопросы философии математики и явно демонстрируют типично гуманистический интерес к улучшению искаженных версий классических текстов. Переиздания *Начал* в XVI в. подогревали интерес к постоянно растущему числу практических приложений математики и способствовали проникновению нового понимания числа и величины в математическую практику и практику преподавания математики. В частности, перечисленные выше издания *Начал* трактуют Книгу II как содержащую «геометрическую алгебру». Эти издания сформировали интеллектуальный ландшафт, сделавший возможным осуществленное Виетом и Стевином преобразование классических концепций величины и числа в современную символическую концепцию.

Значительную роль по формированию культурных и интеллектуальных условий, сделавших возможной трансформаций концепций числа и величины, создает культурно-исторический фон эпохи Возрождения. Подчеркивание полезности математики в решении технических, инженерных, коммерческих задач, содержащееся в переизданиях *Начал* XVI в.,

способствовало внедрению как можно большего количества видов числа для решения практических задач. Лейтмотивом переизданий *Начал* была типичная для эпохи Возрождения идеология очищения классических текстов от допущенных непосредственными предшественниками искажений и ошибок и ожидание новых перспектив от «возрожденного знания». «Математический гуманизм», присущий переизданиям *Начал*, требовал, помимо очищения текстов от схоластических ошибок, еще и использования их для решения новых потребностей математики эпохи Возрождения. Таким образом, переиздания оказались мотивированы не соображениями исторического пуризма, требующего воссоздания классических текстов в первоначальной форме, а, скорее, демонстрацией того, что неоспоримые классические достижения греческой математики могут быть использованы для решения принципиально новых, как математических, так и практических задач. Непременным условием реализации этой идеологии оказался переход от классической концепции числа к символьной.

Разработанные Виетом и Стевином на волне этих преобразований символьные концепции числа и величины позволили перейти к символьной нотации, предавшей математике ее современный вид. Всеобъемлющее исследование формирования символьного языка математики не может ограничиться исключительно историческим подходом. Формирующаяся символьная нотация имела явное эпистемологическое значение. Ф. Каджори [Cajori, 1993] дал, видимо, исчерпывающую историческую интерпретацию формирования символьной нотации. Он невероятно подробно исследует появление и эволюцию обозначений математических концепций, отмечая мельчайшие изменения. Но в связи с тем, что его интересует исключительно историческая последовательность смены обозначений, философская значимость процесса оставлена им за пределами исследования.

Разработка символьной концепции числа в XVII в., среди прочего, центральными для математики сделала символьные концепции переменной, неизвестного, подстановки и схемы. Создание такого языка предполагает возможным трактовать манипуляции с символами как операции с объектами, существенно конституированными принятой нотацией. Таким образом, создание символьной нотации позволило получить средство конструирования новых объектов математического знания, существенно расширив и преобразовав математическую практику. Но это преобразование основных концепций математики, математической нотации и объектов математической практики оказалось возможным в результате совершенно незаметных изменений классических математических концепций при переизданиях *Начал* Евклида в XVI в.

Список литературы / References

Bos, H. J. M. (2001). *Redefining Geometrical Exactness*. New York, Springer. DOI: 10.1007/978-1-4613-0087-8

Cajori, F. (1993). *A History of Mathematical Notations*. Vol.1-2. Dover Publication's, INC. Mineola. New York.

Dijksterhuis, E. J. (1970). *Simon Stevin. Science in the Netherlands around 1600*. Martinus Nijhoff, The Hague. Netherlands. DOI: 10.1007/978-94-010-3207-0

Klein, J. (1992). *Greek Mathematical Thought and the Origin of Algebra*. New York, Dover Publications.

Malet, A. (1990). Changing notions of proportionality in pre-modern mathematics. *Asclepio*. Vol. 42. pp. 183-211.

Сведения об авторе / Information about the author

Хлебалин Александр Валерьевич – кандидат философских наук, зам. директора по научной работе Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: sasha_khl@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-3536-3974.

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: leitval@gmail.com.

Статья поступила в редакцию 10.09.2020

После доработки 18.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Khlebalin Aleksandr – Candidate of Philosophy, Deputy Director for Research, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: sasha_khl@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-3536-3974.

Tselishchev Vitaly – Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: leitval@gmail.com.

The paper was submitted 10.09.2020

Received after reworking 18.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020

УДК 1 (091)

НОВЫЙ ТРЮК В СТАРОМ СПОРЕ

П. А. Бутаков

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
pavelbutakov@academ.org

Аннотация. В конце XX века в аналитической философии религии возникло новое направление, в котором спор о существовании Бога ведется с точки зрения проблемы сокрытости Бога. В статье раскрывается исторический контекст возникновения этого направления. Показано, каким образом современные достижения в эпистемологии позволили Джону Шелленбергу сформулировать свой атеистический Аргумент от сокрытости. Выявлена методологическая новизна обоснования Шелленбергом правдоподобности посылок Аргумента. Намечены перспективы дальнейшего развития философских дискуссий в данном направлении.

Ключевые слова: аналитическая философия религии, Шелленберг, проблема сокрытости Бога, Аргумент от сокрытости, эпистемология религиозной веры.

Для цитаты: Бутаков, П. А. (2020). Новый трюк в старом споре. *Respublica Literaria*. 2020. Т. 1. № 1. С. 48-57. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.48-57.

A NEW TRICK FOR THE OLD DEBATE

P. A. Butakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
pavelbutakov@academ.org

Abstract. In the end of the 20th century analytic philosophy of religion has formed a new course for the debate about the existence of God, which is concerned with the problem of the divine hiddenness. The paper addresses the historical context of the origin of the new course. It shows how its originator John Schellenberg was able to formulate his Hiddenness Argument using the contemporary achievements in epistemology. In addition, the paper brings out Schellenberg's novel approach to defense of plausibility of the Argument's premises. Finally, it suggests promising directions for debating the Hiddenness Argument.

Keywords: analytic philosophy of religion, Schellenberg, problem of divine hiddenness, Hiddenness Argument, epistemology of religious belief.

For citation: Butakov, P. A. (2020). A New Trick for the Old Debate. *Respublica Literaria*, 2020. Vol. 1. no. 1, pp. 48-57. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.48-57.

Редко кому удается стать классиком и попасть в учебники еще при жизни. Еще реже это удается молодым, и уж тем более – с первой попытки. В 1990 г. новоиспеченный оксфордский доктор философии тридцатилетний Джон Шелленберг решил написать свою первую книгу. И менее чем за десять лет после выхода эта книга – «Сокрытость Бога и разум человека» [Schellenberg, 1993] – стала предметом непрекращающихся дискуссий, конференций и публикаций. Сегодня она повсеместно входит в списки обязательной литературы по курсу философии религии, а представленный в ней атеистический «Аргумент от сокрытости»

считается одним из самых успешных философских опровержений существования Бога. Фактически, сформулированная Шелленбергом «проблема сокрытости» теперь является самостоятельным направлением исследований в аналитической философии религии, в рамках которого защищаются диссертации, издаются коллективные монографии и тематические выпуски научных журналов. Чем же так примечательна работа Шелленберга? Что нового он ухитрился привнести в вековечный спор о том, существует ли Бог?

Чтобы ответить на этот вопрос, для начала обратимся к истории. Успех книги Шелленберга во многом обусловлен тем, что она появилась в весьма удачное время. Шелленберг начал работу над ней во время учебы в Оксфорде в конце 1980-х – в эпоху бурного расцвета философской теологии и теистической аналитической философии. Окажись он в Оксфорде лет на десять раньше, этой книги бы, скорее всего, не было. До начала 1980-х в англо-американской академической философии безраздельно господствовал атеизм. Те философы, которые частным образом исповедовали теистические взгляды, не имели возможности хоть как-то проявлять это в своей профессиональной деятельности. Определяемый атеистическим истеблишментом список легитимных философских направлений и дискуссий не включал в себя ничего, связанного с религией и теологией, за исключением исследования религии и религиозного языка как социальных феноменов.

И вот, в начале 1980-х ситуация резко изменилась благодаря усилиям, в первую очередь, Алвина Плантинги¹, а также Ричарда Суинберна, Уильяма Олстона, Николаса Уолтерсторфа и др. Они фактически учредили новое полноправное направление аналитической философии – философскую теологию. На смену практике игнорирования теистических убеждений пришли десятки монографий и сотни статей, содержащих качественную и убедительную философскую защиту теизма, от которой уже нельзя было просто отмахнуться. В результате к концу 1980-х среди атеистов возник явный запрос на то, чтобы противопоставить философским аргументам теистов хоть какие-то обоснованные возражения. Изобретенный Шелленбергом Аргумент от сокрытости наряду с предложенными другими авторами уточненными формулировками проблемы зла и проблемы религиозного многообразия стали первыми успешными возражениями против защищаемого философскими теологами основного постулата традиционного теизма.

К тому времени, когда Шелленберг начал свое обучение в Оксфорде под руководством Ричарда Суинберна, в среде христианских философских теологов шла внутренняя полемика о том, обязан ли философ оправдывать свои теистические взгляды при помощи общезначимых аргументов и какую роль при этом может играть личный религиозный опыт. Ключевыми оппонентами в данном споре стали англичанин Суинберн и американец Плантинга. В отличие от Суинберна, Плантинга отстаивал кальвинистскую идею о том, что для каждого человека вера в существование Бога является базовой, т. е. не нуждающейся в обосновании посредством независимых аргументов. Вдобавок, эта вера неизменно подтверждается личным религиозным опытом (посредством *sensus divinitatis*), и этих оснований вполне достаточно, чтобы считать ее рациональной и оправданной. Суинберн же полагал, что вопрос об оправданности веры человека в существование Бога должен решаться

¹ Подробнее об истории возникновения философской теологии и об особой роли А. Плантинги см. в статье автора [Бутаков, 2018].

с помощью независимых общезначимых аргументов (естественной теологии) и что личный религиозный опыт следует расценивать лишь как один из множества факторов, причем приоритет всегда должен оставаться за объективными, а не субъективными подтверждениями. В каком-то смысле, Плантинга отстаивал позицию идейной независимости сообщества христианских философов и его неподотчетности внешним требованиям атеистического большинства. Суинберн же, напротив, был уверен в том, что христианские философы должны оставаться в первую очередь философами, и должны опираться лишь на те аргументы, убедительность которых не зависит от частных теологических допущений.

Шелленберг, будучи учеником Суинберна, последовал методологическим принципам своего учителя. Однако, будучи атеистом, он использовал и сам метод Суинберна, и некоторые его аргументы и наработки для опровержения теизма. Надо заметить, что Суинберн приветствовал достижения Шелленберга и оказывал ему всяческую поддержку в оттачивании аргументов и поиске новых оригинальных доводов против теистического тезиса, защите которого он посвятил значительную часть своей жизни. Несмотря на принципиальное мировоззренческое разногласие в вопросе о существовании Бога, оба философа были солидарны в том, каким критериям должна удовлетворять работа философа². Помимо Суинберна, на формирование идей Шелленберга оказали влияние другие философы-теисты: Джон Хик и Теренс Пенелхам, у которого Шелленберг прежде обучался в университете Калгари. Их рассуждения о «религиозной неоднозначности»³ [Schellenberg, 1993, pp. 70-71, 97, 107-108] впервые подтолкнули Шелленберга к мысли о том, что недостаточность существующих подтверждений существования Бога может сама по себе быть расценена как опровержение его существования. Эта мысль оказалась весьма оригинальным и актуальным вкладом в спор Суинберна и Плантинги о статусе аргументов в защиту теизма – с одной стороны, Шелленберг встал на сторону Суинберна в том, что теистическая вера может быть оправдана лишь общезначимыми аргументами, но, с другой стороны, он продемонстрировал, как эти самые аргументы опровергают истинность теизма.

После выхода книги в 1993 г. Шелленберг продолжил работать над своим Аргументом от сокрытости. Его изначальная форма спровоцировала непрекращающийся поток возражений и дополнений со стороны как философов, так и теологов⁴. В результате этот Аргумент претерпел серию уточнений, и его нынешняя форма выглядит проще, убедительнее, но при этом учитывает некоторые возражения критиков⁵. Тем не менее, основное содержание Аргумента по-прежнему остается неизменным.

² Интересно, что, по мнению Шелленберга, философия Плантинги не соответствует этим критериям и, по сути, является теологией, поскольку она изначально основывается на теологических постулатах. В частности, Шелленберг защищает эту точку зрения в своей недавней статье: [Schellenberg, 2019].

³ «Религиозная неоднозначность» (religious ambiguity) – это тезис о том, что существующие общедоступные объективные доводы за и против существования Бога уравнивают друг друга, т. е. не дают возможности сделать оправданный выбор в пользу какой-либо одной из двух точек зрения.

⁴ Обширный библиографический список всевозможных философских и теологических обсуждений идей Шелленберга содержится в его *curriculum vitae*, с которым можно ознакомиться, например, на сайте автора <http://www.jlschellenberg.com>.

⁵ Последняя версия Аргумента от сокрытости представлена в работах: [Schellenberg, 2015a; Schellenberg, 2015b].

В качестве отправной точки для понимания содержания Аргумента от сокрытости может послужить следующая цитата: «Фраза “спор о существовании Бога не может быть разрешен с помощью доступных подтверждений” описывает невозможное положение дел» [Schellenberg, 1993, p. 212]. Шелленберг пытается доказать, что в любом из возможных миров имеет место лишь одна из двух ситуаций: либо существуют такие подтверждения существования Бога, которых вполне достаточно для оправдания теистической веры, либо теистическая вера неоправданна. Другими словами, если «Бог сокрыт», т. е., если подтверждений существования Бога недостаточно, то этот факт уже сам по себе служит убедительным подтверждением того, что Бога нет. Для того чтобы обосновать этот тезис и придать своему доказательству строгую форму, Шелленберг вводит весьма специфическое понятие «непредосудительного неверия», которое он чаще называет просто «разумным неверием» (а в последних версиях своего Аргумента он предпочитает использовать термин «несопротивляющееся неверие»). Под «разумным неверием» он понимает состояние человека, который приложил достаточные усилия для изучения вопроса о существовании Бога, и который при этом не совершил никаких намеренных действий, препятствующих возникновению веры, но который так и не достиг хоть какой-то степени уверенности в том, что Бог есть. Шелленберг утверждает, что существование разумного неверия и существование Бога несовместимы.

Здесь нужно сразу же сделать одно важное уточнение относительно того, что имеется в виду под «верой» и «неверием». Шелленберг использует слово «вера» (англ.: *belief*) как стандартный технический термин аналитической эпистемологии в рамках господствующей в ней инволютаристской точки зрения. При этом в обыденном языке слово «вера» имеет много разных значений, а эпистемологический термин «вера» соответствует лишь одному из них, причем не самому распространенному. Та вера, о которой пишет Шелленберг, – это, во-первых, не религиозная, и даже не какая-то духовная, а вполне естественная, обыденная вера, как, например, в предложении «свежо предание, а верится с трудом». Во-вторых, эта вера – пропозициональная, т. е., это вера в истинность некоего утверждения. Поэтому здесь неприменимы те значения «веры», которые употребляются в выражениях типа «верить друзьям», «верить в любовь» или «верить в Бога». Фраза «вера в существование Бога» обозначает веру в то, что утверждение «Бог существует» истинно. В-третьих, эта вера произвольна, т. е. она напрямую не подвластна воле человека. Такая вера формируется в человеке автоматически в результате происходящих вокруг него событий, и человек не может заставить себя верить в то, что противоречит его опыту и накопленным знаниям. Поэтому фраза «Джон должен верить в существование Бога» обозначает то, что обстоятельства вынуждают Джона поверить в то, что Бог существует, а вовсе не то, что Джон обязан усилием воли достичь состояния веры. Таким образом, вера, о которой идет речь в Аргументе от сокрытости, – естественная, пропозициональная и произвольная. То определение веры, которое дает Шелленберг, учитывает все эти три пункта: он говорит, что вера в существование Бога – это «склонность “ощущать истинность” того, что Бог существует» [Schellenberg, 1993, p. 30]⁶. В таком случае, неверие – это отсутствие у человека естественной

⁶ Определение веры как «склонности ощущать истинность пропозиции» Шелленберг заимствует у Джонатана Коэна [Cohen, 1989, p. 368].

и непроизвольной склонности ощущать, что пропозиция «Бог существует» истинна. А разумное неверие, как уже было сказано, – это такое неверие, которое человек испытывает после того, как приложил достаточные усилия для изучения вопроса о существовании Бога и при этом не совершал никаких намеренных действий, препятствующих возникновению веры.

Формально Аргумент от сокрытости выглядит следующим образом. Он состоит из трех посылок: (1) если Бог есть, то он является идеально любящим; (2) если существует идеально любящий Бог, то разумного неверия не бывает; и (3) иногда бывают случаи разумного неверия. Из этих посылок с логической необходимостью следует вывод о том, что Бога нет. Шелленберг приводит защиту всех трех посылок и отмечает, что посылки (1) и (3) кажутся ему неоспоримыми, и, следовательно, единственным слабым местом всего Аргумента является посылка (2). Что если все-таки возможна такая ситуация, при которой одновременно существуют и любящий Бог, и разумные неверующие? Что если у Бога есть какие-то особые причины не демонстрировать людям факт своего существования достаточно очевидным образом и тем самым допустить, чтобы некоторые люди пребывали в состоянии искреннего неверия? Зачем вообще Богу может понадобиться скрываться от людей? Шелленберг находит в философской и теологической литературе множество вариантов ответа на эти вопросы – в частности, у таких авторов, как Паскаль, Кьеркегор, Джон Хик и Ричард Суинберн, – и, подробно разбирая каждый из них, приходит к выводу о том, что все они неудовлетворительны. В итоге он заключает, что на данный момент нет ни одного успешного возражения против посылки (2) и, следовательно, его Аргумент от сокрытости пока что остается непровергнутым. За прошедшие четверть века с момента публикации было предложено немало оригинальных попыток опровержения этого Аргумента, но, кажется, что ни одно из них пока что не может претендовать на статус окончательного или достаточно убедительного.

При этом следует обратить внимание на то, что некоторые используемые в данной книге способы аргументации выходят за рамки привычных форм философских рассуждений. Дело в том, что помимо традиционных строгих силлогизмов, Шелленберг, следуя своему учителю Ричарду Суинберну, активно применяет метод подсчета вероятностей и оценки правдоподобности. Суть этого метода заключается в том, что когда у философа нет возможности строго доказать истинность или ложность одной из конкурирующих точек зрения, тогда вместо этого производится оценка вероятности их истинности на основании всех доступных фактов и доводов. В итоге философ выбирает ту точку зрения, которая оказывается наиболее вероятной или правдоподобной. При этом остается полное осознание того, что впоследствии какие-то новые факты или доводы могут склонить чашу весов в другую сторону. Такой метод, скорее, ассоциируется с областью естественных наук или криминалистики, где принято принимать решение о приемлемости некой гипотезы на основании того, насколько вероятной она выглядит в свете имеющихся фактов. Но как можно использовать этот метод в философии? Казалось бы, применение такого метода должно быть оправдано лишь при работе с эмпирическими данными, а философам чаще всего приходится иметь дело с умозрительными построениями. Тем не менее, Шелленберг применяет именно этот метод для обоснования посылки (2), которая является чисто умозрительной. Посылку (1)

он доказывает строго дедуктивно, исходя из смысла понятия Бога, посылку (3) – индуктивно, на основании эмпирических данных, и, как уже было сказано, он считает истинность этих двух посылок неоспоримой. Однако истинность посылки (2) не может быть показана ни дедуктивными, ни индуктивными методами, и тогда Шелленбергу приходится прибегнуть к указанному оценочному методу.

Как же Шелленберг оценивает правдоподобность посылки (2), т. е., тезиса о том, что «если существует идеально любящий Бог, то разумного неверия не бывает»? Для этого он предлагает следующее: представим себе возможный мир, в котором «Бог сокрыт», т. е. в этом мире есть Бог, но при этом у людей нет достаточных разумных оснований верить в его существование. Согласно априорным представлениям о Божьей любви, существование разумного неверия является злом, которого Бог предпочел бы избежать. Вдобавок можно также утверждать, что коль скоро этот мир сотворен Богом, то он – наилучший из возможных миров. Получается, что раз уж Бог допустил в этом мире зло – разумное неверие – то это сделано ради достижения некоего блага, которое было бы невозможно без этого зла и ценность которого уравнивает размер вреда от этого зла. Что же это за благо, ради которого Бог стал бы скрывать от людей признаки своего существования? Шелленберг поочередно рассматривает предложенные в философской литературе варианты причин «сокрытости Бога». В частности, по мнению Паскаля, Бог скрывается ради преодоления человеческой гордыни, а согласно Кьеркегору – ради раскрытия в людях подлинной внутренней субъективности. Джон Хик полагает, что без сокрытости Бога невозможна моральная свобода человека, а Ричард Суинберн – что сокрытость Бога необходима для того, чтобы люди были ответственными и сами выбирали свою судьбу. В противовес мирам Паскаля, Кьеркегора, Хика и др., где «Бог сокрыт», Шелленберг предлагает рассмотреть такой возможный мир, где «Бог открыт». В гипотетическом мире Шелленберга каждый человек еще в раннем детстве начинает каким-то образом ощущать присутствие любящего Бога, и на основании этого ощущения у всех людей, которые явным образом не противятся получению этого опыта, формируется вера в существование Бога. Далее Шелленберг поочередно сравнивает ценность своего мира, где «Бог открыт», с ценностью каждого из перечисленных миров, где «Бог сокрыт». В этом и заключается необычность философского метода Шелленберга – не имея возможности ни строго логически доказать, что мир, где «Бог открыт», лучше, чем мир, где «Бог сокрыт», ни подтвердить это эмпирически, он решает этот вопрос оценочным путем. Для сравнения ценностей миров ему нужно, с одной стороны, учесть ценность того блага, ради которого Бог скрывается от людей и тем самым допускает их разумное неверие, а, с другой стороны, ценность веры и вытекающих из нее благ, которые будут иметь место в том мире, где Бог открыт. В результате кропотливого взвешивания всех за и против Шелленберг приходит к выводу, что ни одна из перечисленных причин сокрытости Бога не представляет из себя такой большой ценности, ради которой было бы целесообразно лишать людей веры. Другими словами, мы не знаем ни одной действительно стоящей причины, по которой Бог стал бы намеренно скрывать от людей подтверждение своего существования.

Как уже было сказано, Шелленберг вполне осознает ненадежность результатов своего оценочного метода. Поэтому он и не претендует на то, что привел нерушимое доказательство, и охотно допускает, что могут найтись какие-то другие, более весомые причины сокрытости

Бога, в свете которых посылка (2) окажется неправдоподобной, и, следовательно, весь его Аргумент рухнет. Он представляет всю свою затею как аналог юридической практики предварительного рассмотрения материалов для принятия решения о возбуждении дела (*prima facie case*). Шелленберг утверждает, что его Аргумент является достаточно веским основанием для возбуждения дела против теизма, и с этим трудно не согласиться. Ведь даже если в конце концов дело окажется проигранным, это не значит, что его вовсе не стоило начинать. С другой стороны, как справедливо замечает Шелленберг, «если предъявлены достаточные основания для возбуждения дела, то отсутствие убедительных контраргументов уже само по себе будет веским основанием для признания правоты истца» [Schellenberg, 1993, p. 12]. Если отвлечься от юридической аналогии, то мысль Шелленберга проста: предложен корректный аргумент против теизма и некоторые предварительные соображения в защиту его посылок; следовательно, этот аргумент считается убедительным до тех пор, пока не будут предъявлены опровержения этих соображений. Таким образом, автор претендует не на то, что якобы опроверг существование Бога, а на то, что создал новое, актуальное направление философских дискуссий⁷.

Несмотря на то, что Аргумент от сокрытости является философским, а не теологическим, и ориентирован на философов, большинство полемических откликов работа Шелленберга получила со стороны теологов. И это неудивительно, ведь убедительный атеистический аргумент и должен был в первую очередь «задеть за живое» ту дисциплину, само существование которой во многом зависит от успешности этого аргумента. Однако вне зависимости от их качества, предложенные теологические контраргументы не являются убедительными за пределами своих узкоконфессиональных кругов, так как они сформулированы в контексте специфических теологических допущений. Корректное философское возражение аргументу, доказывающему несуществование Бога, не может исходить из предположения о том, что Бог существует, поскольку в противном случае такое возражение будет содержать ошибку *petitio principii* (предвосхищение основания). При этом значительная часть предпринятых попыток опровержения Аргумента от сокрытости по умолчанию подразумевает истинность каких-то христианских, исламских или иудейских догматов и, следовательно, все эти возражения должны быть отнесены к области теологии. Но это не значит, что философских возражений нет – их немало, причем многие из них весьма оригинальны⁸, просто их удельный вес в общем потоке полемических публикаций явно уступает количеству теологических опровержений.

То, что книга Шелленберга не теологическая, становится очевидным с самой первой главы, где автор размышляет о понятии Бога и о логических и эпистемологических следствиях этого понятия. Шелленберг рассуждает исключительно в рамках «естественной теологии»

⁷ Стоит обратить внимание на еще одну юридическую аналогию, которой пользуется Шелленберг. Суд присяжных должен убедиться в том, что вина подсудимого доказана «за пределами разумного сомнения». Это значит, что имеющихся улик должно быть достаточно, чтобы считать сомнение в виновности подсудимого неразумным. Так же и у Шелленберга ситуация «открытости Бога» названа ситуацией, в которой «существование Бога находится за пределами разумного неверия», что означает, что имеющихся подтверждений достаточно, чтобы считать неверие в существование Бога неразумным.

⁸ По мнению самого Шелленберга, высказанному в частной переписке, наиболее философски значимыми возражениями являются представленные в этих работах: [Swinburne, 1998, Ch. 11; Draper, 2002; Cullison, 2010; Howard-Snyder, 2015; Bozzo, 2019].

и старательно обходит стороной какие-либо описания Бога, мира и человека, взятые из существующих религиозных доктрин. Используемые им словосочетания – «Бог должен», «Бог не может», «Бог предпочел бы», «Бог не стал бы» – могут покоробить теолога, однако они вполне естественны для философа. По сути, подобные фразы обозначают не претензию на альтернативный источник сверхъестественного откровения, а всего лишь сокращенную форму умозаключения типа: «если вышеперечисленные утверждения о Боге верны, то из них логически следует, что...». При этом Шелленберг вполне отдает себе отчет в том, что предложенная им концепция любящего Бога не совпадает с христианскими представлениями: «Та точка зрения, которую излагаю я, представляется мне правильной линией поведения идеально любящего Бога, и если это противоречит традиционному христианскому учению, то так тому и быть» [Schellenberg, 1993, p. 195]. Как же, в таком случае, теологам следует реагировать на Аргумент Шелленберга? Самый простой ответ – просто проигнорировать. В конце концов, его книга рассчитана на философов, причем, аналитической традиции. В теологическом арсенале есть немало способов объяснения теоретических затруднений, в частности, апелляция к принципиальной непостижимости природы Бога и мотивов его действий, либо к неприменимости законов классической логики и принципов человеческой рациональности для объяснения божественной истины, либо к греховной поврежденности разума человека, особенно, разума атеиста. Если же какие-то теологи сочтут подобную стратегию неприемлемой, то, в таком случае, им следует принять вызов Шелленберга и попробовать отыскать в своей религиозной традиции такие объяснения причин сокрытости Бога, при учете которых посылка (2) окажется неправдоподобной.

В заключение стоит еще раз обратить внимание на то, что Аргумент от сокрытости оказался, с одной стороны, весьма провокационным, но, с другой стороны, весьма упорным. Споры о нем не затихают уже более четверти века, и кажется, что они лишь разрастаются и расширяются. В этом году выходит в свет русский перевод книги Шелленберга [Шелленберг, 2020]. Хочется надеяться, что благодаря этому переводу отечественные философы также смогут включиться в разработку этой новой и актуальной проблемы в аналитической философии религии.

Список литературы / References

Бутаков, П. А. (2018). Философская теология до и после Плантинги. *Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* № 46. С. 183-192. DOI: 10.17223/1998863X/46/21

Butakov, P. A. (2018). Philosophical Theology before and after Plantinga. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* no. 46. pp. 183-192. (In Russ.) DOI: 10.17223/1998863X/46/21

Шелленберг, Дж. Л. (2020). *Сокрытость Бога и разум человека.* Пер. с англ. и вступ. ст. П. А. Бутаков. М., Академический проект. [В печати]. (In Russ.).

Schellenberg, J. L. (2020). *The hiddenness of God and the mind of man.* Moscow. Academic project. [In Print]. (In Russ.).

Bozzo, A. (2019). The Pre-eminent Good Argument. *Religious Studies*. pp. 1-15. [In Print]. DOI: 10.1017/S0034412518000914

Cohen, L. J. (1989). Belief and Acceptance. *Mind*, no. 98(391). pp. 367-389. DOI: 10.1093/mind/XCVIII.391.367

Cullison, A. (2010). Two Solutions to the Problem of Divine Hiddenness. *American Philosophical Quarterly*. no. 47. pp. 119-134. DOI: 10.2307/40606890

Draper, P. (2002). Seeking but Not Believing: Confessions of a Practicing Agnostic. In Howard-Snyder, D. and Moser, P. (eds.) *Divine Hiddenness: New Essays*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 197-214.

Howard-Snyder, D. (2015). Divine Openness and Creaturely Nonresistant Nonbelief. In Green, A., Stump, E. (eds.) *Hidden Divinity and Religious Belief: New Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 126-138.

Schellenberg, J. L. (1993). *Divine Hiddenness and Human Reason*. Ithaca: Cornell University Press.

Schellenberg, J. L. (2015a). Divine Hiddenness and Human Philosophy. In Green, A. and Stump, E. (eds.) *Hidden Divinity and Religious Belief: New Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 13-32.

Schellenberg, J. L. (2015b). *The Hiddenness Argument: Philosophy's New Challenge to Belief in God*. Oxford: Oxford University Press.

Schellenberg, J. L. (2019). Is Plantinga-Style Christian Philosophy Really Philosophy? In Simmons, J.A. (ed.) *Christian Philosophy: Conceptions, Continuations, and Challenges*. Oxford: Oxford University Press. pp. 229-243.

Swinburne, R. (1998). *Providence and the Problem of Evil*. N.Y., Oxford University Press.

Сведения об авторе / Information about the author

Бутаков Павел Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: pavelbutakov@academ.org. ORCID ID: 0000-0001-8133-1626.

Статья поступила в редакцию 09.09.2020

После доработки 15.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Butakov Pavel – Candidate of Philosophy, Senior Research fellow of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: pavelbutakov@academ.org. ORCID ID: 0000-0001-8133-1626.

The paper was submitted 09.09.2020

Received after reworking 15.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020

УДК 1(091)

СВЕРХИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЛИ АПРОПРИАЦИЯ?

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
rina.volf@gmail.com

И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
berestoviv@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются разные трактовки интерпретации, которые толкуют ее как универсальный метод гуманитарных наук. Особое внимание уделено трактовкам У. Эко и Э. Бэтти, которые хотя и не согласны между собой, однако противопоставляются философскому или аналитическому пониманию интерпретации, которое мы называем в статье апроприационистским. Присущий апроприационизму способ интерпретировать прошлое нередко грозит сверхинтерпретацией, за что он критикуется сторонниками контекстуализма. Мы анализируем интерпретацию через призму трех предложенных нами скептических аргументов, «концептуальный релятивизм», «горгианские умы», «часть и целое». Скептические аргументы часто используются в философии как дополнительный фильтр для проверки состоятельности тех или иных концепций, и хорошо видно, что контекстуалистская концепция интерпретации этот фильтр не проходит. Тезисом, что апроприация действительно является сверхинтерпретацией, можно принять лишь с той оговоркой, что для строго философского способа рассуждения и изнутри апроприационизма другой вариант интерпретации будет несостоятелен.

Ключевые слова: интерпретация, сверхинтерпретация, скептические аргументы, апроприационизм.

Для цитаты: Вольф, М. Н., Берестов, И. В. (2020). Сверхинтерпретация или апроприация? *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 58-68. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.58-68.

OVERINTERPRETATION OR APPROPRIATION?

M. N. Volf

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
rina.volf@gmail.com

I. V. Berestov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
berestoviv@yandex.ru

Abstract. The article discusses various approaches to interpretation, which understand it as a universal method of the humanities. Particular attention we paid to the interpretations in U. Eco and E. Batti, who, although do not agree with each other, however, are opposed both to the philosophic or analytic understanding of interpretation, which we call the appropriationist approach. The way of interpreting the past inherent in appropriationism often threatens with overinterpretation, for which it is criticized by adepts of contextualism. We analyze the interpretation through the prism of three skeptical arguments we offered, “conceptual relativism”, “Gorgians’ minds”, “the part and the whole”. Skeptical

arguments are often used in philosophy as an additional filter for testing the consistency of the concepts, and it is clearly seen that the contextualist concept of interpretation does not pass this filter. The thesis that appropriation is indeed an overinterpretation can be accepted under reserve that for a strictly philosophical way of reasoning and from within appropriationism, another version of interpretation is inconsistent.

Keywords: interpretation, overinterpretation, skeptical arguments, appropriationism.

For citation: Volf, M. N., Berestov, I. V. (2020). Overinterpretation or appropriation? *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 1. pp. 58-68. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.58-68.

В предыдущих работах, обсуждая контекстуалистский и апроприационистский подходы к изучению прошлого философии, а также отношение внутри этих подходов к интерпретации текста и контекста, мы прежде всего говорили о них как о методах философской интерпретации прошлого, какую роль они играют для формирования отношения философии к ее истории в рамках самого же философского сообщества [Берестов и др., 2019]. Нам представлялось важным обратить внимание на особенности интерпретирования прошлого философии, поскольку можно встретить такие точки зрения, согласно которым историко-философские методы сводятся или к сугубо историческим, или – к филологическим, и при этом нивелируются особенности, которые сопутствуют знанию о прошлом философии, придают ему свой особенный, уникальный колорит. Однако, особенно в тех случаях, когда гуманитарное знание противопоставляется точному или естественно-научному, о методах гуманитарных наук говорят в обобщенном значении, как об универсальных для этой категории дисциплин методах. Интерпретация, как правило, фигурирует в качестве образца такого универсального метода. На деле же методы каждой гуманитарной науки обладают достаточно узкой спецификой, которая зачастую не дает возможности один и тот же метод в равной мере применять в разных гуманитарных и общественных науках, что справедливо для философии и ее истории.

Одним из условий состоятельности интерпретации представляется необходимость для интерпретатора погружаться в текст и в исторический контекст его написания. Это вполне соответствует требованиям контекстуализма, но делает несостоятельным апроприационизм («присваивающий» подход), поскольку его сторонники преследуют не столько поиск истинных намерений какого-либо философа прошлого, сколько обнаружение в его мысли некоторых готовых решений для актуальных проблем философии. Сторонники «присваивающего» подхода отнюдь не всегда заинтересованы в полной и достоверной картине прошлого или в адекватном их историческим реалиям понимании философских доктрин. Разумеется, не занимаясь при этом намеренным искажением взглядов философов, они полагают историю философии источником идей и аргументов для современной философии. Нередко доктрины прошлого переносятся на современную почву в таком виде, что почти полностью утрачивают собственный контекст и содержание, в лучшем случае сохраняя только некоторые из когда-то присущих им черт. Такая оценка чужих бы то ни было взглядов, которую позволяют себе апроприационисты, для сторонника исторической науки скорее всего покажется слишком вольной и недопустимой, а для сторонников буквального прочтения текстов преимущественно на языке оригинала и в контексте биографических реалий и социального окружения автора – и вовсе самым настоящим преступлением против

прошлого. Видно, что даже в рамках одной дисциплинарной области говорить о единстве методов затруднительно.

В действительности, к интерпретации возникает масса вопросов. На каких основаниях будет приемлема та или иная интерпретация, что позволяет нам вставать на позиции одной и критически оценивать другую, одну интерпретацию принимать в качестве стандартной, а другую отвергать как нелегитимную? Контекстуалисты предпочитают критерии, которые характерны для понимания интерпретации в области литературной критики, принимая во внимание треугольник «текст–автор–читатель», и будут стремиться учесть любой возможный контекст, создаваемый каждым элементом этой триады, как то: биографические подробности жизни автора, время написания текста, социальные реалии, аудитория, для которой этот текст предназначался и т. д. Апроприационисты без труда элиминируют из этой триады автора и читателя, принимая во внимание только текст, читая его как *трактат*. Такое чтение исключает жизненную драму автора, проникновение в его намерения, понимание того, что автор хотел или не хотел сказать своим текстом, с кем находился в конфронтации, служил ли этот текст инструментом, оружием или игрой. Апроприационистская интерпретация служит исключительно прочтению текста из самого себя, и тем самым приобретает аналитический характер, т.е. стремится эксплицировать логическую структуру текста, ясность изложения, строгость аргументации и т. д. Иными словами, это – подход в духе радикальной интерпретации Д. Дэвидсона, которая признает только самый минимальный набор ключей, необходимых интерпретатору, чтобы каким-то минимальным образом понять текст. Уже на этих основаниях становится понятно, что философская интерпретация несколько выбивается из ряда принятых в гуманитарных науках.

Двадцатый век знал двух, среди прочих, мощных защитников интерпретации – Э. Бетти и У. Эко, чьи позиции, хотя и занимают разные полюсы в отношении друг друга, тем не менее, противостоят тому, что мы назвали бы философской (равно аналитической, или радикальной) интерпретацией. Работы Бетти, посвященные интерпретации, отмечают разные грани этого метода. «Общая теория интерпретации» (1955) [о концепциях и подходах Бетти в этой книге см.: Россиус, 2015, с. 130-144] ставит задачей уравнивать статус теории интерпретации с научными теориями, и этой задаче созвучно желание придать интерпретации объективный характер, и согласовать, с одной стороны, эпистемический статус точных и естественных дисциплин, с другой стороны – гуманитарных; а кроме того, герменевтика, истолкованная таким образом, смогла бы «служить лекарством от того вреда, который наносит современная специализация в сфере гуманитарного знания» [Цит. по: Россиус, 2015, с. 131].

Другая его работа, «Герменевтика как общая методология наук о духе» (1962), призвана восстановить статус герменевтики в Германии, где она стала «старомодной», а «богатое наследие герменевтической мысли напрочь забыто», фактически бросая вызов той традиции философской герменевтики, которая утвердилась вместе с учением Гадамера [Бетти, 2011]. С другой стороны, как это явствует из названия, Бетти и здесь стремится придать интерпретации статус общегуманитарного метода: «Сегодня мои усилия направлены не на то, чтобы оправдать метод истолкования для сомневающихся специалистов, но только на разработку идеи герменевтики как общей методологии наук о духе; при этом я хочу различить истолкование и наделение смыслом, чтобы защитить объективность результатов

истолкования от новейших возражений» [Бетти, 2011, с. 12]. При этом, когда в более ранней работе Бетти оговаривает, что герменевтика «должна иметь характер науки, но не философии, и, следовательно, не должна быть причислена ни к какой философской системе» [Цит. по: Россиус, 2015, с. 131], он, разумеется, не отказывает философии в возможности использовать интерпретацию в качестве собственного метода, но лишь подчеркивает, что нет нужды обсуждать какой-то частный подход, в том числе, философский, когда перед гуманитарным сообществом стоит более важная задача обосновать необходимость общегуманитарного метода.

У. Эко включается в общеевропейскую дискуссию о природе значения, его продуцировании и границах интерпретации и развивает дискурс не только о самой интерпретации, но и о ее негативной версии, той, которая эти границы нарушила – сверхинтерпретации (*overinterpretation*) [Есо, 1992]. Главной задачей для Эко видится то, как заставить интерпретатора уважать культурные и лингвистические основания того текста, с которым он работает [Ibid, p. 69]. Такая установка делает Эко явным сторонником контекстуализма, а высказанные им опасения в отношении сверхинтерпретации и уход от философской проблематики при обсуждении вопросов интерпретации усиливают это впечатление. При этом, если Бетти сознательно отворачивается от философского понимания интерпретации, то Эко остро привержен литературе и не делает попыток выйти на какую-либо философскую дискуссию; и в том, и в другом случае философская проблематика, сопровождающая дискуссии о границах интерпретации, остается в стороне.

Кстати говоря, на то, что Эко в его лекциях об интерпретации недостает философского содержания, обращает внимание Р. Рорти, который свой отзыв на эти лекции пишет так, словно он ждал более философского подхода, а ему, вопреки ожиданиям, приходится иметь дело с литературой. Рорти в своем отзыве, цитируя статью Эко «*Intentio lectoris*», протестует против предложенного в ней различия интерпретации текста и его использования (Рорти, 93). Именно *использование* у Эко чревато сверхинтерпретацией [Есо, 1992, p. 93]. Рорти замечает, что если интерпретация предполагает проникновение внутрь самого текста, то использование соотносит текст с чем-то еще, внешним по отношению к изучаемому тексту и его контексту. Такое деление на внутреннее к тексту и внешнее по отношению к нему дает возможность разграничить корректное и некорректное чтение текста и настаивать на преимуществе внешнего, которое наиболее адекватно отражает не только содержание текста, но и авторскую интенцию при его написании. Рорти отмечает, что Эко «не слишком задумывается о не-интерпретационном использовании текста» [Ibid, p. 93]. Тем самым, как кажется, Эко попадает в лагерь апроприационистов, согласно нашему описанию, поскольку его интересует только сам текст и не интересует внешнее, контекст. Однако в этом случае несколько «плывет» понимание контекста и содержания текста при их сопоставлении с присваивающим подходом. Здесь стоит отметить, что у Эко иное понимание контекста, и к этому моменту мы вернемся ниже.

Далее Рорти настаивает, что по крайней мере для него как для прагматиста и анти-эссенциалиста, это различие использования и интерпретации не имеет смысла – любой текст всегда используется, и настаивать на том, что в одном случае происходит углубление в сам текст, а в другом он соотносится с чем-то еще, что отдаляет текст от его внутреннего

содержания, неправильно. Любое прочтение текста – и философское и нефилософское – это всегда его сопоставление с чем-то внешним, поскольку читая текст, читатель так или иначе будет преломлять его содержание через свой личный опыт или через опыт эпохи, поколения и т.д. Любая попытка это опровергнуть ведет к отказу от апроприационизма, который не просто стремится использовать тексты, но и делает такое использование одной из добродетелей философа: смысл присваивающей интерпретации заключается в вовлечении философа прошлого в актуальные дискуссии, при этом те рассуждения, которые в концепциях прошлого представляются ошибочными или тупиковыми с современных позиций, хотя и явно не коррелируют с интенциями автора – автор не считал, что заблуждался, – тем не менее позволяют сохранять и актуализировать прошлое, и посредством диалога поддерживать связь прошлого и будущего. Итак, мы видим, что фокус интереса Рорти смещен на читателя, его бэкграунд и его цели, тогда как Эко смещает акценты в данном треугольнике на автора и текст, проясняя посредством понятий «интенция текста» и «интенция автора», где лежат границы присвоения и сверхинтерпретации. Отсюда и иное понимание контекста.

Текст в таком аспекте может жить автономно, независимо от автора, и сам в себе содержит такие триггеры, которые могут запустить фантазию читателя, или последовательность некоторых ассоциативных рядов, о которых автор даже не предполагал. Эко считает такой способ прочтения законным, поскольку ассоциации вызываются текстом, а не собственным произволом читателя [Есо, 1992, р. 62]. Однако, как проверить, насколько такого рода интерпретации согласуются с интенцией автора? Есть два способа: контекст и когерентность текста. Мы помним, что интерпретатор должен уважать культурные и лингвистические основания текста и не выходить за их пределы, даже если его фантазии и ассоциации позволяют покинуть определенный контекст, в противном случае это приведет к сверхинтерпретации. Что касается когерентности, то предполагается, что интерпретация любой части текста не должна противоречить какой-либо другой его части, и тем более всему тексту в целом. «Только приняв второй вариант дилеммы, можно задаться вопросом, является ли найденное тем, что говорит текст в силу его текстуальной связности и изначальной системы значений, лежащей в его основе, или тем, что адресаты нашли в нем в силу своих собственных систем ожиданий», пишет Эко [Ibid, p. 64].

Большой части этих проблем можно избежать, если автор текста жив, и в ответ на наши интерпретации в духе «автор имел в виду» или «автор хотел сказать», отзывается возражением «Я вовсе не это имел в виду!». Такой вариант является прекрасным способом проверки истинности¹ интерпретации: если интерпретация читателя не совпала с видением автора, то мы имеем дело со сверхинтерпретацией. Однако даже «живой», эмпирический автор может согласиться с такой интерпретацией читателя, которая хотя и не совпала с изначальной интенцией автора, но привнесла в текст яркости и интриги, дополнительные коннотации. В случае, если автор текста уже не сможет заступиться за свой текст, и читатель не сможет отследить ни реакцию автора на его интерпретацию, ни принять его возможные возражения, то за текст сможет вступить только его целостность [Ibid, p. 65]. При этом именно на автора

¹ Здесь и далее мы будем использовать сочетание «истинная интерпретация» в значении «адекватно отражающая содержание текста и интенции его автора».

ложится ответственность за предельную ясность и логическую связность текста, в противном случае, в отсутствие целостности, за текст некому будет вступить, и с этого момента начинается вполне легитимный произвол интерпретатора. Это в свою очередь дает нам дополнительные основания для законности апроприационистского подхода, поскольку именно он озабочен установлением аналитичности текста, его внятности и когерентности вне зависимости от контекста и интенции автора.

В целом мы видим, что интерпретация, как она понимается у Эко и Бетти, тяготеет к объективному прочтению текста. Однако сами понятия объективного и субъективного трактуются ими совершенно по-разному. Для Эко субъективное – это внешнее по отношению к тексту, то, что вносится, вчитывается в текст самим читателем, и подчеркнем еще раз, контекст в таком понимании не является чем-то внешним по отношению к тексту, он существует вместе с самим текстом, и также должен быть отнесен к внутреннему. И именно здесь пролегает грань между интерпретацией и сверхинтерпретацией. Для Бетти ту субъективность, которую вносит читатель, независимо от степени аккуратности работы с текстом, устранить можно только на уровне общего подхода, выработки общего согласованного взгляда наук о духе, и только таким образом можно приблизиться к объективным трактовкам. Фактически, и у Бетти, и у Эко мы способны найти апроприационистскую позицию. В частности, у Бетти мы обнаруживаем замечание, вполне сочувствующее апроприационизму, который вводится посредством понятия субъективности: «Именно поэтому совершенно бессмысленно стремление многих историков избавиться от собственной субъективности. И именно в рамках исторического истолкования наивно думать, что задача историка исчерпывается голым сообщением о том, что засвидетельствовано источниками, и видеть в этих свидетельствах единственно истинную историю. Кто думает так, тот забывает, что все, чем овладевает наш дух, тем самым вовлекается в уже существующий мир наших представлений и понятий. На этом пути всякий новый опыт посредством своего рода присвоения (*Anverwandlung*) становится частью нашего живого духовного космоса; и по мере вовлечения в этот космос новых переживаний они попадают в зависимость от его трансформаций» [Бетти, 2011, с. 41]. Таким образом, Бетти также смотрит на текст сквозь треугольник «текст—автор—читатель», но расширяет границы читательской аудитории до пределов объективного духа и всей совокупности гуманитарных наук. И мы хорошо видим, что даже обнаруженные тенденции к апроприационизму у обоих авторов отнюдь не являются тем апроприационизмом, который приветствует свободный диалог текста и его читателя.

На основании всего сказанного возникают вопросы: следует ли считать апроприацию сверхинтерпретацией, если апроприационисты не учитывают контекст в смысле интенции автора, явно не избегают субъективистских трактовок и постоянно принуждают автора текста вступать с ними анахроничный диалог, является ли такая интерпретация насилием над текстом и насколько она легитимна. Ниже мы остановимся на своем отношении к этим вопросам, переведя дискуссию в философский контекст.

Защищая тезис о сохранении специфики методов, мы теперь хотим показать, что хотя аргументы сторон (Э. Бетти и У. Эко) преследуют разные цели, в числе которых создание общей методологии наук о духе, различение истолкования и наделения смыслом, наконец, сохранение уважения к культурному и лингвистическому бэкграунду в процессе

интерпретации, тем не менее, они все оказываются чувствительны к ряду скептических, сугубо философских аргументов. На наш взгляд, эти аргументы касаются в целом слабых мест герменевтики, независимо от их конечных целей. Другие гуманитарные науки могут или игнорировать эти скептические аргументы, или, чувствуя проблему, считать ее тем не менее решаемой. Но это будут достаточно слабые позиции, поскольку в первом случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда незнание проблемы хотя и освобождает от ее решения, однако проблема сохраняется, а во втором случае нужно помнить, что предлагаемые решения будут даны отнюдь не с философских позиций, что также не ведет к решению проблемы. Для самих философов, следствием из непреодолимости этих аргументов будет невозможность дать *истинную* интерпретацию, и в таком случае – принятие сверхинтерпретации как метода, равнозначного по степени достоверности результатов с интерпретацией, то есть допустимость работы вне текста и выход за пределы его контекста, что фактически совпадает с требованиями апроприационизма и дает еще один довод в его защиту.

Аргумент первый. Концептуальный релятивизм

Итак, интерпретация – это работа с текстом как он есть, с объективным его прочтением, которое гарантирует доступ к истинному содержанию, и в случае, когда любое субъективное прочтение, в том числе апроприационистское прочтение, или использование, или точка зрения частной науки (по Бетти) оказываются субъективной внешней трактовкой, это приводит к сверхинтерпретации. Тем не менее, чтобы понять другого в полной мере, необходим полный набор словарей, знание языка, на котором говорит автор (всех его идиом, особенностей стиля и пр.), и самое трудное – мыслей, которые он держал в голове и *истинных* значений его слов, то есть той самой *интенции автора*. Все это, в свою очередь, означает, что подход к тексту должен быть или крайне формализованным, либо любая предложенная интерпретация в духе «автор хотел сказать, что...», «автор хотел показать, что...», если только сам автор в самом этом тексте не написал «я хотел сказать этим текстом», «на самом деле, я думал, когда писал этот текст, о», окажется крайне сомнительной.

Любой текст создается определенной эпохой, культурой и на определенном языке, иными словами, он возникает в пределах какой-либо конкретной концептуальной схемы. Даже если, следуя требованию Эко, уважать культурные и лингвистические основания, на которых базируется текст, но читать его при других условиях, текст будет перенесен в другую концептуальную схему и будет наделен совершенно иным смыслом, поневоле обретая другие коннотации, не специфические для эпохи. Может ли текст противостоять концептуальной схеме, с точки зрения которой он читается? Не может и не должен, и как правило не пытается этого делать. Когда текст погружается в иную, чем создавшая его, концептуальную схему, происходит апроприирование текста, и он начинает удовлетворять пониманию и проблематике той эпохи, культуры, языка, в которых он тем самым оказался.

Д. Дэвидсон, возражая против идеи концептуальной схемы, обращает внимание на то, что в самом концептуальном релятивизме, признающем множественность и несоизмеримость концептуальных схем (языков, культур, религий и пр.) содержится один парадокс: «различие точек зрения имеет смысл, если есть общая координирующая система, которую они должны разделять, но существование этой системы противоречит самой идее их драматической

несоизмеримости...» [Дэвидсон, 1993, с. 146]. Однако в случае апроприационистского подхода этот парадокс не выполняется. Предположим, что существуют некоторые тексты, созданные в разных концептуальных схемах, т.е. написанные в разное время, разными авторами и на разных языках, содержащие, соответственно, точки зрения TZ_1 , TZ_2 и TZ_3 , и разумеется, согласно концептуальному релятивизму, эти точки зрения несоизмеримы. Существует также интерпретатор, стоящий на TZ_0 изнутри его собственной концептуальной схемы и она, с точки зрения Дэвидсона, несоизмерима трем остальным, хотя и претендует на то, чтобы служить координирующей для них системой. Однако несоизмеримость сохраняется только в том случае, если и до тех пор, пока TZ_1 , прочитанная изнутри TZ_0 , сопротивляется включению ее в новый контекст. Как только эта операция будет выполнена, TZ_1 будет утрачена и возникнет TZ_1' , адаптированная к новым условиям, переведенная на другой язык и включенная в новый контекст. Она сохранит кое-что от себя прежней, но тем не менее, будучи апроприрована, изменится таким образом, что концептуальные схемы для TZ_0 и TZ_1' могут считаться идентичными, причем TZ_0 действительно выступает в качестве координирующей схемы. Тем самым апроприация позволяет устранить несоизмеримость, но и устраняет возможность объективной интерпретации. Можем ли мы считать прочтение TZ_1' изнутри TZ_0 сверхинтерпретацией? Отнюдь, поскольку никакой другой интерпретации, отличной от той, которая основывается на ее собственной концептуальной схеме, TZ_0 предложить не может. Иначе говоря, любые попытки прочесть TZ_1 будут блокироваться несоизмеримостью, а любые попытки работы с TZ_1' выполнимы и означают легитимный перенос искомого текста с его культурных и лингвистических оснований в совершенно иные.

Аргумент второй. Горгианские умы

Несоизмеримость возникает в случае попытки передать разные концептуальные схемы посредством разных языков (L_k и L_q). Однако, если мы будем иметь дело с горгианскими умами, то несоизмеримость будет возникать уже в пределах одной концептуальной схемы и в рамках одного языка, скажем, L_q . Горгианскими умами мы называем такие умы, на которые распространяются скептические аргументы Горгия, и для которых характерно, что слушающий мыслит не тоже самое, что произносит говорящий. Происходит это в силу следующих оснований. Во-первых, если бы слышимое и произносимое было бы тождественно, то, по закону тождества, тождественными бы стали и умы. Во-вторых, в коммуникации передаются слова, но не сами вещи; слово не способно объяснить предмет, поскольку отлично по природе от видимого и слышимого, которые, в отличие от слова, имеют непосредственный доступ к вещам. Слово служит только знаком вещи, но не обладает необходимым значением, и тем самым в коммуникации передается знак, а не значение [Берестов, Вольф, 2020].

Поскольку в коммуникации передаются только знаки, а не их значения, то все сказанное может быть интерпретировано совершенно не тем способом и не в тех значениях, которые изначально замысливал говорящий или автор текста. В самом тяжелом случае, произносимое для слушателя вообще будет лишено искомого значения, поскольку он изначально не знает всех исходных значений внутри всей системы описания вер говорящего. Это усложняется еще и тем, что в системе вер любого человека все ее части определенным образом взаимосвязаны, и если упускается хотя бы одна часть, то строго говоря, без этой части невозможно будет

реконструировать целое. Тем более, что передаваемые знаки не несут никакого значения, и будут наделяться таким значением, которое припишет им слушатель исходя из собственной системы вер, и это тем более не сможет помочь ситуации. Тем самым, из сказанного следует, что мы вообще никогда не сможем получить истинной и универсальной интерпретации, каждый раз это будет субъективная сверхинтерпретация содержания соседнего ума другим умом.

Единственная альтернатива для преодоления несоизмеримости в горгианских умах и сохранения возможности интерпретации (хотя сам Горгий ее отверг в *MXG 980b10* [Вольф, 2014]) заключается в отождествлении умов, обладающих единой концептуальной схемой. Только в том случае, если вы переписываете личность, заставив ее с этой минуты оперировать вашим и только вашим описанием системы ваших же представлений, или каким-то образом наделите знаки из разных систем описания тождественным значением, вы будете иметь дело с интерпретацией. Данная альтернатива также неприемлема, поскольку подразумевает, что для того, чтобы процедура интерпретации состоялась, следует лишить концептуальную схему интерпретатора ее специфического содержания, иначе говоря, вместо предложений вида $P(a)$ в этой системе придется использовать предложения вида $X(x)$.

Аргумент третий. Проблема части и целого

Далее, если все-таки допустить, что в процессе коммуникации горгианских умов были переданы не только знаки, но и значения, то что считать маркером того, что коммуникация прошла успешно, интерпретация состоялась, и в ходе ее значения были каким-то образом сконструированы и усвоены интерпретатором? Любая внешняя оценка окажется субъективной и должна быть отброшена. Кроме того, сама такая возможность блокируется проблемой части и целого. Указанное выше требование когерентности текста в случае претензии на его понимание распространяется совместно на текст и на интерпретирующий его горгианский ум. Иными словами, интерпретированный тем или иным образом текст должен войти в качестве некоторой части в систему вер интерпретатора. Но сделать он это сможет только в том случае, если эта часть совпадет с целым – целым текста, включая изначальную интенцию автора, и целым системы вер интерпретатора. В таком случае, как кажется, интерпретатор и интерпретирующий должны обменяться своими системами убеждений, чтобы интерпретация как часть была когерентна обоим целым. Возможно это сработало бы в том случае, если бы смогли обойти аргумент горгианских умов, но даже в том случае легитимной считалась бы только та интерпретация текста, автор которой мог бы вступить в коммуникацию с интерпретатором. Обмен системами вер между автором прошлого и нашим современником очевидно невозможен в рамках контекстуализма, а в рамках апроприационизма предпринимаются попытки наладить диалог с автором, но только в рамках части его системы вер – искомого текста. Если же строго следовать горгианству, то в любом случае какой-либо части системы вер будет недостаточно для интерпретации, она состоится только в том случае, если личность или интерпретатора, или автора будет стерта и подменится личностью автора или интерпретатора, а это слишком большая цена для истинной интерпретации. Поэтому кажется, что в качестве легитимной сверхинтерпретация будет вполне пригодной.

Таким образом, можно говорить о том, что интерпретация является общегуманитарным методом, однако не стоит списывать со счетов специфику какой-либо отдельной дисциплины, поскольку от этого существенно зависят трактовки и применение самой интерпретации. Это хорошо видно на примере философии и ее истории. От других дисциплин и сторонников их способа понимания интерпретации часто звучат упреки в сторону философского способа интерпретировать прошлое, который нередко носит апроприативный характер и тем самым грозит сверхинтерпретацией. Однако если последовательно применять скептические аргументы, которые часто используются в философии как дополнительный фильтр для проверки состоятельности тех или иных концепций, то хорошо видно, что контекстуалистская концепция интерпретации этот фильтр не проходит. В более слабой, апроприационистской версии (сверх)интерпретация, пусть не как совпадающая с интенциями автора и адекватно понимающая текст, но по крайней мере приемлемая и легитимная, может состояться. В целом можно согласиться с тем тезисом, что апроприация действительно является сверхинтерпретацией, но лишь с той оговоркой, что для строго философского способа рассуждения и изнутри апроприационистского подхода другой вариант интерпретации текстов и доктрин будет несостоятелен.

Список литературы / References

- Берестов, И. В., Вольф, М. Н., Доманов, О. А. (2019). *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Новосибирск.
- Berestov, I., Volf, M., Domanov, O. (2019). *Analytic History of Philosophy: Methods and Inquiries*. Novosibirsk. (In Russ.)
- Берестов, И. В., Вольф, М. Н. (2020). Проблема в теории аргументации: можно ли убедить собеседника? Коммуникативно-прагматическое решение. *ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики*. Т. 4 (26). [В печати].
- Berestov, I. and Volf, M. (2020). The Problem in the Theory of Argumentation: Is It Possible to Convince the Interlocutor? Communicative-Pragmatic Solution. *ПРАЕНМА. Journal of Visual Semiotics*. Vol. 4 (26). [In Print]. (In Russ.)
- Бетти, Э. (2011). *Герменевтика как общая методология наук о духе*. Пер. Е. В. Борисов. М.
- Betti, E. (2011). *Hermeneutics as a General Methodology of the Spiritual Sciences*. Borisov E. V. (transl.). Moscow. (In Russ.)
- Вольф, М. Н. (2014). Трактат «О не-сущем, или О природе» Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: условно-формальная структура и перевод. *ΣΗΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 8. Вып. 2. С. 198-216.
- Volf, M. (2014). Gorgias' "On Not-being or On Nature" in De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI: Its Formal Structure and a Translation from the Greek into Russian. *ΣΗΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. Vol. 8. no. 2. pp. 198-216. (In Russ.)

Дэвидсон, Д. (1993). Об идее концептуальной схемы. Сост., вступ. ст., прим. А. Ф. Грязнов. *Аналитическая философия. Избранные тексты*. М.: Изд-во МГУ. С. 144-159.

Davidson, D. (1993). On the Very Idea of a Conceptual Scheme. In Davidson, D. In *Analytic philosophy. Selected texts*. Moscow. pp. 144-159. (In Russ.)

Россиус, Ю. Г. (2015). Учение о ценностях в теории интерпретации Э. Бетти. *История философии*. Т. 20. С. 130-144.

Rossius, J. (2015). The doctrine of values in Emilio Betti's theory of interpretation. *History of Philosophy*. Vol. 20. pp. 130-144. (In Russ.)

Interpretation and overinterpretation. (1992). Umberto Eco with Richard Rorty, Jonathan Culler, Christine Brooke-Rose; edited by Stefan Collini. Cambridge.

Сведения об авторах / Information about the authors

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, доцент, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: rina.volf@gmail.com. ORCID ID: 0000-0003-1458-0440

Берестов Игорь Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: berestoviv@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0003-0782-761X

Статья поступила в редакцию 10.09.2020

После доработки 20.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Wolf Marina – Doctor of Philosophy, associate Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str., e-mail: rina.volf@gmail.com, ORCID ID: 0000-0003-1458-0440.

Berestov Igor – Candidate of Philosophy, Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str., e-mail: berestoviv@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0003-0782-761X.

The paper was submitted 10.09.2020

Received after reworking 20.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020

УДК 1(091)

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ РИТОРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И ПОНИМАНИЕ РОЛИ АУДИТОРИИ В НЕЙ¹

А. В. Косарев

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
andrkw@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль аудитории и ратора в концепции риторической ситуации. Проанализированы подходы к вышеуказанным проблемам Л. Битцера, Р. Ватца, С. Консиньи. Важное место в статье отведено анализу позиции С. Краузе об особенностях коммуникативного процесса и формировании новой коммуникативной реальности в информационном пространстве, а также Ф. Пашаи, предложившей рассматривать риторическую ситуацию через призму понятия «экология» с атомарной моделью риторического цифрового дискурса вместо линейной. Делается вывод, что нивелирование границ между ратором и аудиторией в цифровом дискурсе затрудняет как моделирование аудитории, так и выполнение риторической ситуацией своей непосредственной функции, заключающейся в снятии социальных напряжений.

Ключевые слова: риторическая ситуация, Л. Битцер, ритор, аудитория, цифровой дискурс, конфликт.

Для цитаты: Косарев, А. В. (2020). Трансформация концепции риторической ситуации и понимание роли аудитории в ней. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 69-82. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.69-82.

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF A RHETORICAL SITUATION DUE TO VIRTUALIZATION OF AUDIENCE

A. V. Kosarev

Institute of philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
andrkw@rambler.ru

Abstract. The paper discusses the role of the audience and the rhetor in the concept of the rhetorical situation. We analyze the approaches of L. Bitzer, R. Watts, S. Consigny. An important place in the paper takes the analysis of the position of S. Krause on the features of the communicative process and the formation of a new communicative reality in the digital space, as well as F. Pashaei, who examines the rhetorical situation through the prism of the “ecology” concept with an atomic model of rhetorical digital discourse instead of linear. We make a conclusion that smoothing the boundaries between the rhetor and the audience in digital discourse makes it difficult both to model the audience and performing the rhetorical situation of its function of relieving social tensions.

Key words: the rhetorical situation, L. Bitzer, rhetor, audience, digital discourse, conflict.

For citation: Kosarev, A. V. (2020). Transformation of the concept of a rhetorical situation due to virtualization of audience. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 1. pp. 69-82. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.69-82.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках междисциплинарного проекта фундаментальных исследований «Конвергенция» № 18-00-01376 (18-00-00760).

Дискуссии о том, какова роль аудитории в процессе убеждения не затихают. Если классическая риторика уделяла львиную долю внимания оратору, то современные риторические исследования отводят важное место самой аудитории. Впервые детально разработанную концепцию аудитории предложил Х. Перельман в рамках риторического направления исследования аргументации [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971]², а затем и в других неформальных подходах аудитория становится одним из главных объектов внимания как ключевой элемент риторической практики.

Среди современных дискуссий особое место занимает обсуждение так называемой «риторической ситуации». Согласно теории риторической ситуации (ТРС), риторика призвана не просто убеждать аудиторию в чем-то, но она может и должна решать критические ситуации. Если перевести это положение в прагматическую область постановки проблем, которая значительно укоренена в эволюционной теории, то риторическая практика должна пониматься как моральный акт, являющийся ответом на критическое напряжение, возникающее в процессе взаимодействия между организмом и его средой, и призванный это напряжение снять [Maskin, 1990, p. 286]. ТРС подчеркивает, что имеется достаточно большой класс проблем, критических ситуаций, которые снимаются не посредством какого-либо физического (механического) воздействия на среду или организм, а посредством дискурса, речевого воздействия. Это ключевой момент в ее содержании, поскольку он обнаруживает значительную область применения вышеупомянутой теории, в частности для урегулирования межнациональных, религиозных и политических конфликтов. Впервые сформулированная Л. Битцером, она претерпевала ряд трансформаций, в которых иначе интерпретировались не только механизмы и принципы ответа на вызовы, но и ее ключевые элементы.

В данной статье нашей целью является не предложить новое прочтение концепции риторической ситуации, а с историко-философских позиций рассмотреть этапы ее трансформации, которые в первую очередь касаются вопроса о том, какова роль аудитории в процессе ее убеждения. Нам могут возразить, что история философии изучает прошлое философии, а ТРС отнюдь не стала достоянием прошлого. Но мы здесь занимаем принципиальную позицию, разделяя положения, изложенные в [Берестов, Вольф, Доманов, 2019], согласно которым, не включаясь в анализ актуальных философских проблем, историк философии вряд ли способен наладить актуальный диалог с прошлым, равно как и транслировать удачные образцы решения ряда проблем из прошлого в контекст настоящих дискуссий.

Та проблема, на которую мы обращаем внимание, напрямую связана с утратой привычных авторитетов в связи с новым укладом информационного пространства в современном мире. Наиболее остро это проявляет себя в научном дискурсе, когда сообщество ученых становится все более и более закрытым для внешней аудитории, далеким от нее, а научно-популярный дискурс этот разрыв компенсировать не всегда может, поскольку, с одной стороны, знание становится все более сложным и специфичным,

² В частности, он предлагает концепцию универсальной аудитории, которая сама служит критерием успешной аргументации [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1971, pp. 37-40].

а с другой стороны, сами представители науки, равно как и ее популяризаторы постепенно утрачивают свой авторитет носителей истины «по умолчанию». Постепенно намечается тенденция, особенно ярко проявляющая себя на разных Интернет-площадках, когда представители науки превращаются для широкой публики в тех, кто эту истину скрывает, взамен нее предлагая некий суррогат, ложь, которая позволяет им манипулировать массами, а авторитет набирают обладатели многотысячных «лайков», которые, во-первых, способны объяснить (разумеется, в кавычках, т.е. на понятном аудитории языке и исключительно в рамках самых «продаваемых» тем, ср. феномен «хайпа» в современном медиа- и коммуникационном пространстве), что на самом деле происходит в науке, как на самом деле устроен мир и т.д., а во-вторых, тем самым еще более дискредитируют научное знание. Соответственно, возникает вопрос, может ли официальная наука вернуть себе авторитет в широких (и недостаточно образованных) массах, и какие условия для этого должны быть выполнены. На наш взгляд, ТРС может содержать в себе ответ на этот вопрос, а пошаговый разбор процесса ее трансформации не только содержит в себе рецепт дальнейшего действия для выхода из этой ситуации, но и показывает, каким образом она вообще могла возникнуть, т.е. на каком этапе научный дискурс мог утратить связь с широкой аудиторией.

* * *

В концепции риторической ситуации Л. Битцера [Bitzer, 1968] аудитория рассматривается не сама по себе, как объект воздействия ратора, а как элемент взаимосвязанной системы «затруднение/критическое положение (*exigency*) – ограничения (*constraints*) – аудитория (*audience*)», которая, с одной стороны, испытывает воздействие ратора, способного сместить равновесие этой системы в пользу какого-то разрешения критической ситуации, а с другой стороны, эта система находится как в отношениях взаимовлияния, так и сама влияет на ратора и его действия [Bitzer, 1968]³. Именно эта вовлеченность аудитории в процесс решения конфликтов и ее активная, влияющая позиция делают концепцию риторической ситуации интересной, особенно если рассматривать ее в исторической динамике в зависимости от того, как меняется оценка характера самих аудиторий в XX в.

Критическое положение в концепции Л. Битцера – это один из трех ключевых элементов, который как правило связан с каким-то нарушением в происходящих событиях, со сбоем обычной или ожидаемой последовательности вещей, одним словом, со всем тем, что может быть обозначено как неотложная проблема, затруднение или вызов, требующие часто незамедлительного решения. Однако изменения в риторическом дискурсе зависят не только от точки сингулярности в социальном пространстве, описываемой понятием критического положения. Для Л. Битцера они существенно зависят от воздействия субъектов, чья функция – быть медиаторами изменений в таком дискурсе. Соответственно риторическая ситуация невозможна без аудитории, причем можно брать в расчет даже такие случаи, в которых под аудиторией понимаются субъект, взаимодействующий сам с собой или некие идеальные умы [Ibid, p. 8]. Также понятно, что в техническом смысле «аудиторию» в концепции риторической ситуации следует отличать от просто слушателей или читателей,

³ Мы подробно охарактеризовали концепцию риторической ситуации Л. Битцера в [Косарев, 2017].

принципиально не вовлеченных в дискурс, не испытывающих его влияния и не являющихся медиаторами изменений в нем. Иными словами, в обычных трактовках аудитория играет пассивную роль, т.е. обладает некоторым набором пассивных характеристик: она или может, или не может подвергнуться чарам ратора, и ритор воздействует на «тела» с целью их «оживить», чтобы проявился некоторый эффект, реакция аудитории на его действия. В риторической ситуации аудитория всегда «живая», всегда находится в активной, изменяющей позиции в отношении дискурса, в который она сама вовлечена. Соответственно, особенность риторической ситуации по отношению к обычному риторическому дискурсу заключается в том, что ситуацию формирует не ритор. Он только предлагает решение в уже сложившихся обстоятельствах, и действия ратора сами оказываются детерминированы ситуацией, объективными условиями, в которые он оказывается вовлечен, и в том числе – аудиторией, и она определяет не столько характер действий ратора, сколько исход ситуации, который в классических моделях зависел только от ратора и его умения производить на аудиторию эффект.

Аудитория у Л. Битцера является посредником между совокупностью понятий, идей и последующими изменениями. Первые описывают, оформляют аргументацию, влияют на нее и указывают на то, что любые взгляды, точки зрения, практики, действия значимы, поэтому исключить эти переменные из рассуждения не представляется возможным. Последующие изменения – это основное условие, которое выдвигает Л. Битцер в своей концепции. Траектория следования этих изменений показывает, изменяется ли критическая ситуация в позитивную сторону, устраняется как таковая, или усилия ратора и аудитории не принесли желаемого результата [Ibid, pp. 7-8].

Третий компонент триады – ограничения, которые выступают в роли регулятора направления, которое примет аудитория для решения возникшей критической ситуации, ее практических действий, направленных на требуемое изменение. К ограничениям Л. Битцер относит различные элементы концептуальных каркасов, такие как вероисповедание, установки, свидетельства, факты, традиции, образы, мотивы и т. п. Снова нужно обратить внимание, что такие ограничения всегда обоюдные, они относятся как к ратору, так и к представленной аудитории [Ibid, p. 8]. Однако, согласно Л. Битцеру, первичными в риторической ситуации являются именно обстоятельства, ограничивающие дискурс, – они определяют ответ на них оратора, равно как и реакцию аудитории.

ТРС получила значительный резонанс после публикации статьи Л. Битцера, вызвав как позитивные, так и критические отклики [Vatz, 1973; Consigny, 1974; Biesecker, 1989; Garret, Xiao, 1993; Vatz, 2009]. В большинстве обсуждений разногласия касались понимания тех или иных пунктов теории Л. Битцера, однако никто не выдвигал принципиальных возражений против ее полезности. Основной интерес критиков был сосредоточен на концепции ограничений. Первый отклик на теорию Л. Битцера был сделан Р. Ватцом [Vatz, 1973, p. 157], который, настаивая на том, что риторика определяет ситуацию, а не, наоборот, подстраивается под ситуацию, тем самым фактически осуществил откат риторической концепции на один шаг назад, от Битцера к Перельману⁴.

⁴ О концепции Перельмана мы писали в [Косарев, 2019].

Выбор ритором определенных событий, встраивание их в определенный контекст, подбор специфических событию средств аргументации делает событие актуальным, а не наоборот. С точки зрения Р. Ватца определяющим элементом риторики остается борьба за аудиторию с целью представить ей выбранное событие таким образом, чтобы оно воспринималось аудиторией как обладающее значимостью. Р. Ватц прав, утверждая, что «смысл открывается не в ситуации, но творится риториками» [Ibid, p. 157]. Однако сам Л. Битцер в своей оценке роли риторики еще более категоричен: «Риторика – это способ изменения реальности, но не прямым приложением энергии к объектам, а созданием дискурса, который изменяет реальность, опосредуя мысли и действия» [Bitzer, 1968, p. 4].

Принципиальная новизна теории Л. Битцера заключалась в возвращении риторики к принципам объективизма (постепенно сходящим на нет в XX в. в пользу субъективистских или релятивистских трактовок), поскольку в его концепции ситуацию формирует не ритор, а объективные вызовы, распознаваемые ритором, и его задача заключается только в нахождении решения в уже сложившихся обстоятельствах с учетом предложенного аудиторией направления действия. Иначе говоря, вызовы объективны и распознаются ритором, позиция которых детерминируется этими объективными обстоятельствами. Р. Ватц в свою очередь показывает, что за исключением тех ситуаций, с которыми мы «сталкиваемся в нашей собственной эмпирической реальности, мы узнаем о фактах и событиях посредством сообщения их нам третьими лицами», а это означает, что аудитория обязательно полагается на субъективные коммуникативные механизмы, что, по мнению Ватца, вызывает очевидные вопросы о том, в какой степени составляющие риторической ситуации действительно «объективны» и «публично наблюдаемы» [Vatz, 1973, p. 156].

Тем не менее, в статье 2009 года Р. Ватц признает, что его поправки к концепции оказались не столь существенны и не вызвали значительного интереса со стороны аудитории. Теория Л. Битцера оказалась более интересной для аудитории, если судить по уровню цитируемости их работ, и для Р. Ватца, как представителя риторической дисциплины, реакция аудитории оказывается решающим фактором в признании значимости одной из этих двух концепций [Vatz, 2009]⁵.

Другое значимое возражение на теорию Л. Битцера высказано С. Консиньи, которого можно отнести к сторонникам релятивистской концепции риторики [Consigny, 1974]. Согласно концепции С. Консиньи, задача оратора состоит не в том, чтобы обслуживать сложившуюся ситуацию, адаптируя свой язык и аргументы для целевой аудитории, а в том, чтобы работать в любой аудитории вне сложившихся протоколов и дискурсов, и в таком случае ритор создает риторическими средствами для любой аудитории такую реальность, которая удовлетворяла бы интересам оратора, и тем самым в соответствии с ними изменяла реальность. Видно, что С. Консиньи смещает фокус, у Л. Битцера направленный на автономию аудитории, на более классический вариант значимости роли оратора и пассивный, ведомый характер аудитории.

⁵ Несмотря на «поражение» своей концепции, Р. Ватц формулирует на ее основе так называемую *agenda/spin* модель и адаптирует ее к практике политических дебатов: [Vatz, 2014]. Успешность этой работы для аудитории, имеющей специфический интерес к политике, на сегодняшний день несомненна.

По мнению С. Консиньи, ситуация у Л. Битцера детерминруется эмпирически объективными вызовами, и при этом детерминирует ответ ратора посредством своего контроля над ним: то есть она подразумевает не любой ответ, особенно тот, который отвечает интересам ратора, а только подходящий самой ситуации [Ibid, p. 176]. Это ведет к тому, что сам ритор в формулировке Л. Битцера ничем не отличается от «эксперта или ученого, который может решать конкретные проблемы, используя хорошо сформулированные методы», что, считает он, оказывается просто неверной трактовкой роли ратора. «Задача ратора состоит в том, чтобы решать конкретные проблемы... уметь задавать хорошие вопросы и формулировать или обнаруживать релевантные проблемы в неопределенной ситуации» [Ibid, p. 177].

Анализируя возражение Р. Ватца, С. Консиньи отмечает, что для него ситуация представляется иной: у Р. Ватца риторическая ситуация не детерминируема в принципе, то есть не определяется объективными обстоятельствами, поскольку невозможна вне восприятия интерпретатора. В отношении ратора С. Консиньи утверждает, что Р. Ватц в своем возражении дает в целом верную оценку деятельности ратора как творческой, однако не учитывает ограничивающие ее реальные обстоятельства. Это позволяет С. Консиньи еще раз уточнить задачу ратора. Он не только должен ответить на вопросы или решить хорошо сформулированные проблемы. Он должен сам задавать хорошие вопросы и обнаруживать или формулировать релевантные проблемы в не детерминируемой ситуации: «проблемы не сформулируют сами себя» [Ibid, p. 177]. Иными словами, никто кроме ратора адекватно не сформулирует проблему, которую ему же и предстоит решать релевантными для данной аудитории и ситуации средствами. Однако в целом, предлагая свою версию риторической ситуации и пытаясь примирить две предыдущие антиномичные концепции, сам С. Консиньи предлагает такую интерпретацию, которая, позволяет снять противоречия в первых двух вариантах через роль ратора, формулируя условия, которые позволяют ратору действовать эффективно, однако ее минус, по сравнению с предыдущими двумя, в том, что он при этом полностью нивелирует значения аудитории [Ibid, pp. 178-181].

Наконец, еще одна точка зрения на риторическую ситуацию предложена Б. Бисекер и интересна тем, что сводится не столько к взаимодействию между ратором и вызовами, как в предыдущем случае, сколько к созданию взаимной идентификации ратора и аудитории [Biesecker, 1989, pp. 110-130]. Однако ее концепция представляется нам существенным упрощением в отношении того, как выстраивается понимание риторической ситуации изнутри дискуссии Битцера, Ватца и Консиньи, поскольку в ее итоговой концепции утрачивается интегративная роль ратора, который управляет всем контекстом, как это было в классической схеме взаимодействия ратора и аудитории, что нивелирует все ключевые элементы теории риторической ситуации, существенные для ее понимания, представленные у Битцера.

Таким образом, переосмысление традиционных риторических подходов признает ограниченность ситуаций (у Л. Битцера), и дополняется способностью раторов манипулировать этими ситуациями, а не аудиториями (у Р. Ватца). При этом аудитория играет роль не материала или субстрата, на котором достигается желаемый ратором эффект, а она – полноправный участник процесса управления ситуацией, эффект причиняется не

аудитории, а совместными усилиями ее и ратора проявляет себя в виде изменения самой критической ситуации.

Р. Ватц изложил свою версию риторической ситуации в 1973 г., и в 2009 г. признал ее несостоятельной на основании низкой цитируемости своей работы у читающей аудитории. Тем не менее, именно позиция Р. Ватца, а не Л. Битцера в отношении риторической ситуации оказалась стартовой для Стива Краузе [Krause, 1996], который первым заговорил об особенностях коммуникативного процесса и формировании новой коммуникативной реальности в информационном пространстве или в пространстве Интернета. Сегодня эта и другие работы С. Краузе известны как заложившие основания цифровой риторики, но для нас интерес представляют те его идеи, которые вместе с новыми трактовками риторики предлагают и новые способы понимания и оценки риторической ситуации.

Понятием, специфицирующим особенности риторики в сети Интернет у С. Краузе становится «моментальность» (immediacy), которое подчеркивает стремительность развития ситуации, ее полное развертывание в режиме реального времени, что требует от ратора и аудитории безотлагательной реакции на ситуацию, а потому исключает возможность управления дискурсом как со стороны ратора, так и изнутри самой риторической ситуации. С. Краузе понимает Интернет как специфическую виртуальную среду социального взаимодействия, обладающую своими собственными уникальными реалиями, что влечет за собой и особые условия существования в этой среде. Под эти новые реалии подстраиваются и коммуникативные ситуации в целом, и риторические – в частности. Именно поправка на особенности коммуникации в виртуальной среде позволила С. Краузе выйти на новый виток в понимании развития и эволюции концепции риторической ситуации.

С. Краузе выделяет ряд особенностей коммуникативной ситуации в новой информационной среде, которые существенно изменяют оценку риторической ситуации и размыывают ее критерии [Krause, 1996]⁶:

– практика дискурса в виртуальной среде функционирует, не следуя классическим и современным правилам контекста и коммуникативной ситуации;

– в ситуации, где каждый может одновременно и говорить, и слушать, выступая поочередно как в роли ратора, так и в роли аудитории, проблематично оставаться «ритором» в классической трактовке этого термина;

– виртуальное коммуникативное пространство обладает специфической географией и свойствами: свободная навигация в коммуникативной среде позволяет аудитории и самому ратору в любой момент покинуть область критической ситуации, переходить в другие области с максимальным доступом к информации (актуальные новости, текущие котировки, справочники и пр.), и в любой момент возвращаться обратно (до, после, во время самой критической ситуации), особенно если она разворачивается как последовательность текстовых сообщений;

⁶ Krause S. The immediacy of rhetoric: Definitions, illustrations, and implications (Ph.D. Dissertation). Bowling Green State University, 1996. [Online]. Available at: <https://people.emich.edu/skrause/Diss/> (Chapter 4: The Internet as an immediate rhetorical situation) (accessed: 19 June's 2020).

– «эффект присутствия» в месте и времени дискурса, независимо от того, где и когда он формируется: дистанция, география, время взаимодействия определяются и задаются только технологиями и не зависят от реального местоположения агента дискурса;

– затруднено поддержание иерархии, субординации, нарушено чувство авторитета, поскольку все коммуникативное и информационное пространство связано и построено таким образом, что доступ к нему могут получить любые множественные риторы и аудитории;

– официальные, авторитетные источники вынужденно конкурируют с удаленными и потенциально недостоверными сообщениями каких угодно людей, имеющих доступ к Интернету.

Все эти проблемы размывают границы риторической ситуации, так как, мы помним, риторическая ситуация у Л. Битцера необходимо локализуется в конкретном месте и времени, но этот же нюанс позволяют С. Краузе говорить об Интернете как о моментальной риторической ситуации.

Формулируя свою концепцию, С. Краузе соглашается с Р. Ватцем, что обозначить границы между риторическими ситуациями проблематично – они растворяются в силу отсутствия апелляций к «истине», становится невозможным разграничить реальные риторику и риторические ситуации с их симуляциями [Krause, 1996]⁷. Решение надуманных проблем отнимает столько же усилий, как решение действительно важных, но найти критерий, позволивший бы отличить одну от другой, крайне сложно. По его мнению, акт выделения и обозначения критического положения (*exigency*) в моментальной риторической ситуации является произвольным, его невозможно точно смоделировать не только из-за быстрой смены самих ситуаций, но и из-за быстрой смены ролей между оратором и аудиторией. Очевидно, что и сами риторы в таких обстоятельствах уже не существуют как автономные, самодостаточные субъекты дискурса, способные самостоятельно создавать и решать риторические ситуации. Отсюда С. Краузе черпает основания для возражений всем сторонникам «классической» концепции риторической ситуации. Ритор уже не в состоянии увидеть и почувствовать критическое, правильное время для возникновения риторической ситуации, он не может также использовать это правильное время для создания такой ситуации, поскольку, как отмечает С. Краузе, непосредственные риторические ситуации – это прежде всего те, которые не могут проследить свое происхождение до какого-либо особого критического положения. В такой трактовке риторика перестает быть «управляющим» и «универсальным» искусством: ни управлять таким дискурсом, ни универсализировать его практически невозможно, поскольку синтез ролей основных участников дискурса происходит непосредственно в самой ситуации. Иными словами, в классических обстоятельствах такие категории как ритор и аудитория всегда рассматривались как стабильные, неизменные, С. Краузе же настаивает, что эти роли в информационном пространстве коммуникации динамичны и формируются в ответ на запрос самой

⁷ Krause S. The immediacy of rhetoric: Definitions, illustrations, and implications (Ph.D. Dissertation). Bowling Green State University, 1996. [Online]. Available at: <https://people.emich.edu/skrause/Diss/> (Chapter 1: The context of context: an abridged history of «kairos» and «the rhetorical situation», Context and the Rhetorical Situation in the 20th Century) (accessed: 19 June's 2020).

моментальной ситуации. Иначе говоря, в концепции Л. Битцера мы могли толковать возникшее критическое положение как некоторую точку социальной сингулярности, отметить явное нарушение привычного хода событий, ритма жизни, и понятно, что эта точка является внешней для системы «ритор – аудитория».

У С. Краузе точка сингулярности внесена в эту систему, участники дискурса как будто постоянно, *одномоментно* находятся в этой точке сингулярности, а потому любой произвольный момент дискурса может быть истолкован как критическое положение. Именно поэтому невозможно установить одну конкретную критическую ситуацию или исходную причину для того или иного вопроса, темы в процессе обсуждения. Дискуссии и темы в Интернет-пространстве часто кардинально меняют свое направление и могут порождать дополнительные ветви дискуссии, порой никак не связанные с материнской ветвью. То, что мы могли посчитать критическим положением для инициализирующей дискуссии, уже не будет являться таковым для данной ее точки. Но участники дискуссии, находящиеся «здесь и сейчас» в определенной точке дискурса, могут воспринять ее как точку сингулярности, среагировав на какое-то сообщение, даже не связанное с исходным ни тематически, ни содержательно. Обсуждение некоторых тем на Интернет-форумах иногда длится годами, и разве что модератор темы способен восстановить исходную критическую ситуацию и весь процесс изменения дискурса. Все это делает моментальную риторическую ситуацию нелинейной и неупорядоченной.

Другой аспект моментальной риторической ситуации – динамическая роль ратора. Оратору нет необходимости физически присутствовать перед аудиторией и поэтому, оставив первое сообщение, он примыкает к аудитории, а роль ратора уходит другому. В одном и том же дискурсе могут возникать разные полюса дискуссии с разными ораторами и членами аудитории, и зачастую, кто возьмет на себя роль ратора, а кто аудитории, зависит только от контекста, в котором будет развиваться дискуссия. Фактически, участники дискурса сами решают, будут ли они включаться в поток обсуждения, и если будут, то в каком качестве – ратора или аудитории. Момент, с которого зритель включается в дискуссию в качестве аудитории (мы помним, что аудитория в риторической ситуации всегда занимает активную позицию, она активна и не является незаинтересованным зрителем), всегда произволен. Он может зависеть не только от направления дискуссии, но и от внешних факторов, которые могут не позволить зрителю продолжать играть роль риторической аудитории, например, от качества связи и программного обеспечения. Еще один элемент произвольности вносится тем, что ни ратору, ни его аудитории нет необходимости принимать участие в дискурсе, проводимом в определенной географической точке, лично присутствуя там. Это в свою очередь накладывает определенные ограничения на разрешение риторической ситуации: ритор или аудитория, находясь в другом географическом, социальном, культурном и т. д. пространстве, легче теряет контекст, что может повлечь аргументы, которые не адекватны среде, проблемам, культурному и социальному фону изначально инициированной ситуации.

Непостоянство компонентов моментальной риторической ситуации делает ее крайне изменчивой и непредсказуемой. Если риторическая ситуация у Л. Битцера могла быть использована в том числе и для устранения реальных физических опасностей, моментальная риторическая ситуация, какой она видится С. Краузе, сама может представлять опасность.

Происходит это в силу отсутствия определенных границ, а также ролей у акторов, что не только не стимулирует социальное действие, но и затрудняет его, отдаляет акторов от реальности, погружая в симуляции естественных процессов и взаимодействий. Иными словами, моментальная риторическая ситуация в Интернет-среде может не устранять конфликты, а напротив, породить их.

Еще один ключевой момент моментальных риторических ситуаций мы отмечали в качестве одной из главных проблем виртуальной коммуникации: в виртуальной среде размывается авторитет ратора, и апелляция к авторитету или эксперту уже не играет роль сильного аргумента. Как подчеркивает С. Краузе, действительно влиятельный и авторитетный источник теряется за хаосом голосов на форумах, за множественными списками рассылок, за сомнительной достоверностью фактов, вбрасываемых в обсуждение. Однако такое разрушение устоявшихся авторитетов и иерархий может иметь положительные коннотации для моментальной риторической ситуации, поскольку право голоса получает тот, кто прежде не только не имел возможности высказаться, но даже тот, кто вообще не имел права говорить в силу социального, возрастного или любого другого ограничения.

Эта идея стала отправной точкой для работы Фатимы Пашаи [Pashaei, 2010]⁸. Новизна подхода Ф. Пашаи в том, что она предлагает рассматривать риторическую ситуацию через призму понятия «экология», подразумевая за действиями ратора и аудитории формирование целой экосистемы. Другой особенностью работы Ф. Пашаи является объект ее исследований. Она исследует блоги о мусульманском обществе и о самобытности мусульманской культуры, и приходит к выводу, что именно блогосфера с открытой, моментальной риторической ситуацией, во-первых, позволяет впустить в дискурс об исламе тех, кто до недавнего времени и в рамках самого исламского общества в принципе бы не имел возможности высказать собственную точку зрения об исламе, во-вторых, это позволяет затронуть темы, недопустимые с точки зрения классической линейной модели дискурса, где право говорить доступно только авторитетному лицу, и наконец, такого рода разговоры вокруг ислама формируют особое сообщество, особый открытый интерес и определенную экологию вокруг мусульманской темы, позволяя дискурсу охватывать максимально широкие массы людей, в тоже время устраняя стереотипы и мифы.

Что касается моделирования риторической ситуации, то Ф. Пашаи предлагает атомарную риторическую модель дискурса взамен привычной линейной, от которой вынужден был отказаться С. Краузе, и которая, судя по всему, не работает в цифровых условиях. С ее точки зрения контекст, формирующий вызовы, аудитория как дискурсивная публика и автор блога как ритор вращаются вокруг дискурса, как электроны вокруг ядра атома. Это дает Ф. Пашаи возможность подчеркнуть динамическую природу риторической практики и «отражает множество потребностей, управляющих взаимодействием между

⁸ Кто-то может возразить, что работа Ф. Пашаи – это магистерская диссертация, и брать ее в расчет для оценки трансформации концепции риторической ситуации было бы поспешным действием, но мы считаем важным и показательным этот факт, поскольку для нас он означает, что выкладки С. Краузе не только актуальны, но и созвучны настроениям молодого поколения.

автором (блогером) и аудиторией во время распространения риторики во времени, обществе и пространстве» [Pashaei, 2010, p. 33].

Важным следствием из рассуждений С. Краузе и Ф. Пашаи является новое понимание роли аудитории по сравнению с той, которая отводилась ей в классических риторических ситуациях. Аудитория перестала быть беспристрастным наблюдателем. Интернет-среда предоставила и риторике, и аудитории возможность общаться с людьми, с которыми они не встречаются и не взаимодействуют в обычной повседневной практике. Изменился и масштаб их взаимодействия, поскольку, к примеру, такой жанр Интернет-письма как блог, реагирует не на отдельное событие, а на определенный тип культурного контекста и социальных потребностей в обществе. Ф. Пашаи, изучая исламские блоги, приходит к выводу, что они появляются в силу потребности высказаться о различных версиях и смыслах ислама. Иначе говоря, ритор работает не на актуальную аудиторию, которая может не разделять его точку зрения, а на «потенциальную». Такое понимание аудитории проблематично для теории Л. Битцера, поскольку в ситуации реального, не опосредованного цифровым контекстом, взаимодействия трудно представить себе сложившийся дискурс там, где обращение ратора не может быть адаптировано к конкретной аудитории. Однако Ф. Пашаи разделяет позицию Р. Ватца, полагая, что как только тот или иной аргумент будет опубликован, он сам создаст свою собственную аудиторию.

Разумеется, это входит в конфронтацию с традиционной моделью коммуникации, согласно которой риторы оформляют свою речь, свое обращение к аудитории, имея некоторое представление о своей аудитории, что дает им возможность смоделировать и саму аудиторию, и ее реакцию на сообщение, исходя из самоидентификации аудитории и набора ее убеждений. Исходя из концепции Л. Битцера, такое положение дел обрекает ратора только на то, чтобы заставить аудиторию принять заявленный аргумент, но он не сможет создавать никаких изменений, радикальных трансформаций социальных процессов или отношений, что предполагала исходная концепция риторической ситуации. Однако, Ф. Пашаи полагает, что приняв аргумент, аудитория автоматически принимает и необходимость радикальных изменений [Pashaei, 2010, p. 233]. Кроме того, неопределенность виртуальной аудитории, представляющей собой множество индивидов, обладающих произвольным набором идентичностей и социальных отношений, облегчает ротору его задачи: потенциально в бесконечном разнообразии виртуальной (потенциальной) аудитории он с необходимостью встретит требуемые идентичности.

Тем самым, мы видим, что за последние 50 лет представление о риторической ситуации, задача которой – решать затруднения различного характера, например, нивелировать социальные конфликты, трансформировалось не существенно до тех пор, пока новая цифровая реальность не внесла в нее радикальных изменений. Наиболее сложным элементом риторической практики всегда были предварительная оценка и моделирование аудитории, что непосредственным образом сказывалось на успешности ратора и принятии его аргументов. Развитие цифровой риторики показало, что ритор в цифровом контексте может оказаться успешным даже без предварительной работы с аудиторией – она по умолчанию настолько обширна и гибка, что обращение ратора само способно сформировать необходимую и адекватную для предлагаемого дискурса аудиторию. Это существенным

образом упрощает разного рода обращения к аудитории в современном мире, в частности, например, в научно-популярном дискурсе, когда автор научно-популярного текста может не задумываться об уровне знаний своей аудитории, о степени доступности и убедительности своего материала, работая на потенциальную аудиторию.

Л. Битцер отмечал, что ни в одном из специфических дискурсов – научном или поэтическом – аудитория не играет живой активной роли. К примеру, ученые получают свои результаты вне зависимости от внешней аудитории, от ее мнения по поводу исхода и значимости того или иного исследования [Bitzer, 1968, p. 8]. Именно поэтому аудиторию, которой адресованы научно-популярные тексты, следует отличать от *риторической* – она не является медиатором в процессе научного исследования, а служит пассивным потребителем научных результатов, неспособным повлиять на исход дискурса. Однако такое отношение к аудитории оказало медвежью услугу научному и научно-популярному дискурсу, – она просто «ушла» к более понятным и ярким ораторам. Фактически этот процесс оказался аналогичным тому, как обстояло дело в классической римской публичной риторике: кто громче, ярче и зажигательней кричит, кто более доходчив, харизматичен, понятен и т. п., к тому и поворачивается толпа. Не бывает оратора, которого публика будет слушать с интересом по умолчанию, что бы и как он не говорил.

Тем самым, наиболее очевидное решение для научного и научно-популярного дискурса в связи с утратой широкой аудитории – выходить на те площадки, куда перешла аудитория и стараться вовлечь ее в собственную практику, как бы ни трудно это было в нынешних условиях дифференциации научного знания, максимально повысить свою активность в той среде, которая не требует специальной работы с аудиторией, работать не исключительно с заинтересованной аудиторией, а нацеливаться на потенциальную аудиторию, способную формироваться вокруг любого достаточно активного дискурса.

Однако, у нас есть сомнения, что потенциальная аудитория сохраняет возможности риторической ситуации по преодолению кризисов, конфликтов и т. п., поскольку как потенциальная, эта аудитория все же лишена *потенции* активно, рационально и сознательно действовать с учетом, с одной стороны, вызовов, с другой стороны – предлагаемых ритором решений.

Список литературы / References

Берестов, И. В., Вольф, М. Н., Доманов, О. А. (2019). *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Новосибирск.

Berestov, I. V., Wolf, M. N., Domanov, O. A. (2019). *Analytical history of philosophy: methods and research*. Novosibirsk. (In Russ.)

Косарев, А. В. (2019). О риторической теории аргументации Х. Перельмана. *Сибирский философский журнал*. Т. 17. № 2. С. 174-188.

Kosarev, A. V. (2019). On Ch. Perelmans Retic Theory of Argumentation. *Siberian philosophical journal*. Vol. 17. no. 2. pp. 174-188. (In Russ.)

Косарев, А. В. (2017). Прагматизм и риторика: эволюция понимания коммуникативной ситуации. *Сибирский философский журнал*. Т. 15. № 2. С. 226-242.

Kosarev, A. V. (2017). Pragmatism and rethoric: evolution of understanding the communicative situation. *Siberian philosophical journal*. Vol. 15. no. 2. pp. 226-242. (In Russ.)

Biesecker, B. (1989). Rethinking the Rhetorical Situation from Within the Thematic of Differance. *Philosophy and Rhetoric*. Vol. 22. no. 2. pp. 110-130.

Bitzer, L. F. (1968). The Rhetorical Situation. *Philosophy and Rhetoric*. no. 1. pp. 1-14.

Consigny, S. (1974). Rhetoric and Its Situations. *Philosophy and Rhetoric*. no. 3. pp. 175-186.

Garret, M., Xiao, X. (1993). The Rhetorical Situation Revisited. *Rhetoric Society Quarterly*, Vol. 23. no. 2. pp. 30-40.

Krause, S. (1996). *The immediacy of rhetoric: Definitions, illustrations, and implications* (Ph.D. Dissertation). Bowling Green State University. [Online]. Available at: <https://people.emich.edu/skrause/Diss/> (Accessed: 28.09.2020)

Mackin, J. A., Jr. (1990). Rhetoric, Pragmatism, and Practical Wisdom. In J. A. Mackin, *Rhetoric and Philosophy*. New York, London. Routledge. pp. 275-302.

Pashai, F. (2010). *Unstable situations: A rhetorical approach to studying blogs about Muslims*. (Master's Thesis). Fairfax, VA. George Mason University.

Perelman, Ch., Olbrechts-Tyteca, L. (1971). *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. Notre Dame. University of Notre Dame Press.

Vatz, R. (2014). *The Only Authentic Book of Persuasion: The Agenda. Spin Model. 2nd edition*. San Francisco. Kendall Hunt Publishing.

Vatz, R. (2009). The Mythical Status of Situational Rhetoric: Implications for Rhetorical Critics' Relevance in the Public Arena. *The Review of Communication*. Vol. 9. no. 1. pp. 1-5.

Vatz, R. (1973). The Myth of the Rhetorical Situation. *Philosophy & Rhetoric*. Vol. 6. no. 3. pp. 154-161.

Сведения об авторе / Information about the author

Косарев Андрей Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: andrkw@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию 12.09.2020

После доработки 18.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Kosarev Andrey – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: andrkw@rambler.ru.

The paper was submitted 12.09.2020

Received after reworking 18.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4.06 + 316.43

НАУКА + ОБРАЗОВАНИЕ = (≠) ОБРАЗОВАНИЕ + НАУКА

М. А. Абрамова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
marika24@yandex.ru

Аннотация. На основе сравнительного анализа прусской и англосаксонской моделей, а также реализации концепций дидактического энциклопедизма и утилитаризма в системе образования, автор демонстрирует изменения, происходящие в социальных институтах – образовании и науке. Показано, что в государствах, длительное время развивавшихся под влиянием системы государственного администрирования, реализовавшей модель обязательного образования для всех, наука как сфера стратегического развития страны определяла содержание и уровень подготовки выпускников. Попытка включения научных исследовательских учреждений в состав вузов в условиях формирования новой российской системы администрирования в сфере науки и образования, как этап перехода к реализации англосаксонской модели, не только нарушает логику выстроенной системы подготовки кадров, но и является путем подмены реальной исследовательской активности на соответствие формальным критериям международных рейтингов.

Ключевые слова: система государственного администрирования, социальные институты: образование и наука, прусская модель, англосаксонская модель, рейтинги, человеческий капитал.

Для цитаты: Абрамова, М. А. (2020). Наука + образование = (≠) образование + наука. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 83-93. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.83-93.

SCIENCE + EDUCATION = (≠) EDUCATION + SCIENCE

М. А. Abramova

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
marika24@yandex.ru

Abstract. Based on a comparative analysis of the Prussian and Anglo-Saxon models, as well as the implementation of the concepts of didactic encyclopedism and utilitarianism in the education system, the author demonstrates the changes taking place in social institutions – education and science. It is shown that in countries that have long developed under the influence of the public administration system that implemented the model of compulsory education for all, science as a sphere of strategic development of the country determined the content and level of training of graduates. The attempt to include research institutions in universities in the context of the formation of a new Russian system of administration in the field of science and education, as a stage of transition to the implementation of the Anglo-Saxon model, not only violates the logic of the established system of training, but also is a way to substitute real research activity for compliance with the formal criteria of international ratings.

Key words: public administration system, social institutions: education and science, Prussian model, Anglo-Saxon model, ratings, human capital.

For citation: Abramova, M. A. (2020). Science + education = (≠) education + science. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 1. pp. 83-93. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.83-93.

Мы не собираемся вспоминать программу математики за первый класс. И, конечно же, помним правило, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется... Возможно в математике... Но в жизни, особенно в системе управления, увы, меняется и еще как! Трансформации социальных институтов – науки и образования – идут в России последние 30 лет. Систему фундаментальной подготовки кадров, которая была сформирована на основе модели дидактического энциклопедизма (Я. А. Коменский, Дж. Мильтон, И. Б. Баседов), заменяют на модель дидактического утилитаризма (Дж. Дьюи, Г. Кершенштейнер).

Среди отличий двух, можно сказать, противоположных моделей выделим три: отношение к роли обучающегося, к объему овладеваемой им информации и к уровню сформированности его практических навыков.

Почему мы остановились на этих трех параметрах, хотя в названии статьи вроде бы обозначили образование и науку? Потому что специфика их взаимодействия, как лакмусовая бумажка, позволяет нам не утонуть в деталях дидактики, а сфокусировать внимание на главном – характере трансформации социальных институтов – образования и науки.

Итак, начнем с роли обучающегося. Он объект или субъект процесса обучения и воспитания?

Российская, а точнее германо-российская (прусская, австрийская), система обязательного образования для всех традиционно делает акцент на обучении как одном из факторов социализации индивида. Этот момент выстраивает отношения образования и государства по принципу: исполнитель – заказчик. Сделаем лишь оговорку, что заказчик (государство) в разные временные вехи имел иногда диаметрально противоположные представления о роли граждан в развитии страны, а также о необходимом для их становления объеме знаний и степени внутренней свободы (духовного развития). Поэтому фундаментальность образования, ставшая отличительной особенностью прусской системы, основывавшейся на концепции дидактического энциклопедизма, хотя и предполагала трансляцию знаний о различных культурных моделях, но могла иметь различные цели обучения.

Представители данного направления полагали, что освоение обучающимся предельно большого объема научных знаний позволит заложить фундамент для его последующего осознанного выбора жизненной позиции (о возможностях реализации этого выбора умолчим, поскольку это уже область не дидактики, а скорее истории и политологии). Именно эта последовательность – от количества к качеству – закреплялась и в содержании проведения занятий, которые постепенно от формата усвоения и воспроизведения

переходили к творческим заданиям по анализу и переработке информации. Предполагалось, что способность к осознанному выбору не только формируется по мере взросления индивида, но и зависит от объема знаний. Таким образом, степень достижения учащимся целей и задач образования определялась прежде всего объемом, системностью имеющихся знаний, а также способностью анализировать информацию, в том числе уровнем его гуманитарной подготовки. В результате объектное восприятие системой образования обучающегося, с одной стороны, не мешало его развитию, а, с другой, создавало предпосылки для формирования ответственности у государства за качество преподавания и финансирование данной сферы.

Конечно, возникшая в конце XX веке критика такого подхода, в связи с увеличивающимся объемом поступающей информации, в какой-то мере была оправдана. Попытки дискуссии о выборе необходимого и достаточного объема информации для обучения поставили общество в тупик. Несанкционированное издание учебников по истории России привело к многовариантности не просто трактовок исторических событий, а к множеству вариантов хода самой истории.

В то же время, нужно отметить, что в определенные исторические этапы именно ниспровергаемая ныне модель обучения дала отличный результат, повлиявший на международное положение страны. Достаточно вспомнить, что в начале своего существования СССР столкнулся с проблемой колоссального числа неграмотных людей. К 1917 году в среднем 30–35 % всего населения страны владели навыками грамоты. В некоторых регионах доля неграмотных составляла около 23 %, в центре – 50 % [Ефимова и др., 2016, с. 81]. При этом понятие «владение грамотой» в проводимых опросах обозначало не знание законов физики или обладание познаниями в математике, а лишь умение читать по слогам и писать свою фамилию.

Тем не менее жесткий курс молодого государства на просвещение населения привел не только к тому, что около 70 % населения к 50-м годам XX в. имели образование [Население России, 1998, с. 70], но и к прорыву в науке, в том числе к запуску в 1957 году первого спутника в Космос. Такого рывка в сфере образования и науки, который сделал СССР за непродолжительное время, не ожидал никто, в том числе и из числа государств-союзников. Не удивительно, что в 1956 г. будущий автор доклада для НАТО о состоянии системы высшего образования в СССР Доктор Ч. Мэндерс перевел на английский язык методичку «Учебные планы по специальностям высших технических и сельскохозяйственных учебных заведений» («Soviet technological curricula»). Позднее он еще раз издал брошюру под тем же названием, включив туда перевод учебных планов за 1957-60 года.

Мы полагаем, что одним из решающих факторов, способствовавших необычайному научному и просветительскому прогрессу в СССР, стал лежащий в основе дидактического энциклопедизма (прусской модели обязательного образования для всех) принцип иерархичности между наукой и образованием, определявший не столько преемственность в развитии двух институтов, сколько отношения между ними и государством. Государство финансировало их развитие, а наука, как сфера стратегического значения для развития

страны, обязана была определять уровень подготовки учащихся, чтобы они могли не только достойно развивать существующие направления, в том числе в производстве, но и лучшие из них могли бы продолжить научные изыскания своих наставников. Поэтому вертикаль власти, а также система администрирования была предопределена: Академия → Университет → Школа.

Англосаксонская модель, которую Россия так активно пытается заимствовать последние 30 лет, строится на принципе прагматичного отношения к научным исследованиям и обучению. С одной стороны, это сразу меняет отношение к ученику, поскольку он воспринимается как субъект, имеющий право определять стратегию своего развития и уровень своих притязаний. С другой – это не отменяет достаточно жесткого отношения к процессу обучения, уровню подготовки и критериям оценивания. Поэтому характерными свойствами англосаксонской системы образования являются: опора на эмпирический опыт, повышенное внимание к усвоению информации в области естественнонаучных и технических дисциплин, больше времени уделяется практике, письменным работам с последующей отработкой содержания с тьютором. Качество образования определяется, прежде всего, сформированными навыками и умениями обучающихся по решению прикладных задач. Основная стратегия построения образовательного процесса, направленная от деталей к общему (принцип индукции), определяет конструктивное начало содержания образовательного цикла, строящегося на соблюдении принципа оптимизации усилий и времени, не фиксирующего последовательность и преемственность в изучении предметов. Ценностью образовательного процесса является не столько структурность мышления и аналитические возможности, сколько свобода ученика в формировании своего опыта, а также наличие формальных подтверждений в виде документа об обучении по каждому из его этапов. Учащиеся не ограничены в выборе направлений, сроков обучения, а также не находятся под гнетом возрастных ограничений. Но в то же время вся ответственность за построение образовательной траектории ложится на плечи обучающегося или его родителей.

Описанные особенности англосаксонской модели отчасти обусловлены отсутствием явного заказчика в виде государства, поскольку на первый план ставится ценность самореализации человека и подразумевается, что именно он выступает тем самым заказчиком, а государство лишь выполняет делегированные ему гражданами обязанности по организации этого процесса. Многовариантность образовательных стратегий, а также неопределенность в сроках обучения, уровне подготовки, что, например, проявляется в отсутствии стандартов обучения, позволяют избежать иерархии учреждений, связанных с получением образования.

В этой модели жесткая преемственность между наукой и образованием как социальными институтами отсутствует. Не академические учреждения определяют требования к построению системы образования, а потребности экономики и производства. Более того, рынок определяет многовариантность развития самой науки: наука как сфера, обеспечивающая конкурентноспособность страны; наука университетская (как сфера приложения полученных компетенций); прикладная наука, обеспечивающая прибыль

через внедрение разработок в производство. Важно отметить, что еще в XIX в. в английской модели университетской наукой занималась в основном аристократическая элита, как отмечает Г. Шнедельбах, чуждая практике и не имевшая сколько-нибудь заметных побуждений к исследованиям. Исследуя историю формирования университетских моделей, описывая традиции Оксфорда и Кембриджа, он акцентирует внимание на том, что там продолжал «существовать средневековый университет, находившийся под управлением церкви, что сказывалось в монастырском образе жизни (college-system) и в отсутствии принципиального признания свободы науки. Исследования, в свою очередь, были делом гражданского общества, которое частным образом заботилось об их финансировании и обнаружении, а также сферой деятельности академии (Royal Society)» [Шнедельбах, 2002, с. 3].

Таким образом, в практике англосаксонской модели сформировалась традиция финансирования научных изысканий из различных (чаще негосударственных) источников. Можем ли мы в такой модели использовать формулу прусской системы: «Наука + Образование», подчеркивая тем самым существующую преемственность? Однозначно нет. В англосаксонской модели могут быть реализованы различные варианты сочетаний: «Рынок + Образование», «Рынок + Образование + Производство», «Рынок + Образование + Наука», «Рынок + Наука + Производство» ... и т.д. Неизменной остается только сфера финансирования, поскольку именно ее источники будут определять и формат заказа.

Конечно, «Рынок» – это достаточно грубое воплощение идеи влияния источников финансирования на различные стороны общественной жизни. Но когда мы ратуем за многовариантность образовательных стратегий, присущих англосаксонской модели, которая не требует раз в три года переписывать ФГОС или постоянно проходить аккредитации (хотя аналоги государственных проверок существуют и в странах, реализующих данную модель), мы забываем, что стандарты, определяющие успешность образовательных учреждений в рамках данной модели, заложены в рейтингах. Именно они сейчас являются своеобразной попыткой представления критериев для оценивания качества обучения. Для чего составляют рейтинги? Это не только попытка показать, кто лучше или хуже. Это приглашение потенциальных инвесторов к подписанию договора о вложении средств в обучение, научные изыскания, подготовку кадров. Этими инвесторами могут являться и родители, которые определяют, где будет обучаться их ребенок, за чье обучение они будут платить. Это также попытка демонстрации потенциальным мигрантам возможностей для их работы, обучения, самореализации. И рекламируемые с середины 90-х гг. XX века модели открытого образовательного пространства и науки, которая не знает государственных границ – тому подтверждение.

Последние 20 лет Россия также включилась в гонку соответствия международным стандартам. Важно отметить, что при этом в стране происходят кардинальные изменения не только в сфере науки и образования, но и в системе государственного администрирования. Переход от модели плановых социалистических отношений к рыночным сопровождается отказом от государство-ориентированных механизмов

в пользу непонятного симбиоза рынка и государственного контроля. И хотя ряд исследователей отмечает, что данные изменения связаны с усилением неолиберальных настроений, вследствие чего для науки всё более характерной чертой становится стремительная эволюция в сторону коммерциализации [Аблажей, 2019, с. 44], мы полагаем, что данная ситуация не только провоцирует трансформацию традиционного «этоса науки» и взаимоотношений внутри научного сообщества [Там же], но и создает благоприятные условия для снятия ответственности за стратегическое планирование с государства.

Развитие механизмов «квазирынка», синтезированных с государственным контролем и желанием занять ведущие места во всех международных рейтингах, обусловили ситуацию снижения конкретики планирования на этапе организации и жесткий контроль – на стадии оценки результатов на основе применения формальных критериев, разработанных для обществ с традиционной англо-американской моделью управления.

Напомним, что анализ эффективности управления университетами в Великобритании еще в 90-х гг. XX в. позволил сделать вывод, что усиление давления со стороны правительства и предъявление требований к коммерциализации научных исследований привели к растущей организационной напряженности и стратегической неопределенности между университетами [Jarzabkowski et al., 2010; Sorlin, 2007]. Университеты получили возможность включиться в рамочные программы ЕС по развитию научных исследований и технологий (1984), в Болонский процесс (1999) и в результате стали важными участниками формирования региональных экономик, что с одной стороны, дало больше свободы, а с другой – увеличило требования [Карпов, 2014]. В частности, возникли новые концепции управления: «новый государственный менеджмент» (New Public Management, NPM) и «сетевое управление» (Network Governance, NG) [Ferlie et al., 2009]

Использование NPM-модели привело к тому, что сектор образования стал интерпретироваться как объект рыночных реформ: образование приобрело статус услуги, а студент – статус потребителя. Возникла идея подготовки конкурентоспособного студента, который выбрал вуз, ориентируясь на экономические показатели дохода и положения выпускников вуза. Данный аргумент актуализировал разработку различных рейтингов, где научные исследования позиционировались как признак конкурентоспособности университетов и залог их участия в рыночных отношениях [Карпов, 2014].

Анализ влияния новой модели «Университет 3.0»¹, проведенный британскими исследователями, показал, что, несмотря на необходимость перехода к ней в рамках подписанного странами Болонского соглашения, сам факт перехода не всегда создает благоприятные условия для развития регионов. Региональные университеты призваны решать проблему подготовки кадров для местных компаний, что чаще всего не требует инновационных разработок. Особенно актуальным это становится для маленьких городов и периферийных регионов, где преобладают малые предприятия (как правило, с более

¹ 2.0 – исследовательский университет, 3.0 – коммерциализация знания и 4.0 – университет спаянный с производством (промышленностью).

низкими кадровыми потребностями). Эти предприятия менее мобильны в поиске партнеров по передаче знаний, и тип университетских знаний, к которым они стремятся, как правило, заключается в консультациях, обучении и дистанционных курсах.

Однако при доминировании требований правительства по переходу к модели «Университет 3.0» может возникнуть несоответствие между повесткой дня университетов (HRI) в области передачи технологии и потребностями предприятий в развитии человеческого капитала на местах. Хотя региональное правительство может попытаться привести интересы обеих сторон в соответствие, но это затруднительно, поскольку большая часть финансирования университетов предпринимательского типа поступает из национальных и международных источников, а стратегические приоритеты передачи знаний этих университетов лежат за пределами региона [Hewitt-Dundas, 2012]. Выводы исследователей по влиянию на региональное развитие двух разных моделей университетов показали, что излишняя коммерциализация знаний приводит к нивелированию значимости тех областей подготовки, которые не имеют коммерческого успеха, но могут оказаться значимыми для развития региона и сохранения в нем человеческого капитала [Siegel et al., 2003].

В результате Великобритания стала одной из первых стран, в которых в начале 1980-х годов была введена система финансирования, нацеленная на «большую ответственность и селективность» [Hewitt-Dundas et al., с. 263].

Интересен факт того, что модель, подобная «Университету 3.0» была не просто разработана, а реализована в СССР в 60-е гг. XX в. при создании Новосибирского Академгородка. Иерархия управления Академия → Университет → Школа, характерная для прусской системы, при этом была сохранена. Но в рамках предложенной модели основные трансформации произошли на уровне организации взаимодействия научного и производственного сообщества, а не университетского: была обеспечена связь между фундаментальной и прикладной наукой; направлялись усилия на налаживание контакта научного сообщества с корпорацией технологов для передачи разработанного решения к производителям. Инновационные решения доводились учеными до стадии производства непосредственно на заводах. Ознакомиться с инновационным опытом советских ученых, которые создали некое подобие научного консорциума инжинирингового типа – контактных сетевых структур, объединяющих среду генерации знаний со средой их технологизации, приезжали делегации из других стран, в том числе из США [Абрамова и др., 2018, с. 59].

Конечно в этой модели, учитывая систему государственной экономики и планирования, не было места ни инновационному брокерству, ни управлению интеллектуальной собственностью. Дополнительные средства, зарабатываемые участниками созданного консорциума, шли на решение социальных вопросов: строительство детских садов, клуба фехтования «Виктория» и пр. Остальные элементы: управление внедрением инноваций, подбор и инновационная подготовка перспективных кадров для высокотехнологичных предприятий, сетевые исследования и разработки в промышленных целях – присутствовали. К сожалению, в условиях жесткого

государственного регулирования данная модель просуществовала недолго. Но плоды ее реализации позволили подтвердить успешность модели, созданной академиком М. А. Лаврентьевым.

Последние 20 лет мы пытаемся адаптироваться к условиям «квазирынка» и разговаривать на языке, не свойственном странам, развивавшимся в логике системы фундаментального образования, финансируемого государством и, более того, в рамках устаревшей риторики. Проблема, поднимаемая многими исследователями высшего образования о возможности существования некой «единой европейской модели», в условиях глобализационных преобразований [Петров, 2020], а также необходимости следования ей отечественным университетам остается открытой.

Освоение новых моделей университетского образования, которые пришли вслед за знакомой всем моделью «Университет как транслятор знания» (1.0), требует пересмотра взаимодействия между Наукой и Образованием. Предложения от системы государственного администрирования исследовательским учреждениям стать структурными подразделениями вузов, возможно и являются быстрым решением создания фейковых исследовательских университетов 2.0 и их вхождения в международные рейтинги. Но каковы будут последствия?

Перемена мест слагаемых в логической цепочке «Наука + Образование» в странах, развивавшихся последние четыре столетия в системе, где заказчиком всегда являлось государство, и оно же являлось основным источником финансирования, приведет не столько к перераспределению потоков финансирования, сколько к резкому снижению реальной исследовательской активности. Сможет ли развиваться исследовательский институт в рамках университета, где не он будет определять векторы развития? Где ему отводится роль поставщика количества публикаций и организатора научной практики для студентов?

Вместо этого, мы скорее получим фейковую науку, которая будет представлять формальные признаки, подтверждающие ее жизнеспособность. В этом месте так и хочется вспомнить слова И. В. Гете: «Средь малых действуя, мельчаешь, а средь больших и сам растешь» (Фалес из «Фауста»). Для роста ученых нужна среда общения, нужно взаимодействие, где есть возможность обсудить последние достижения в научном направлении и воссоздав их, попытаться подняться еще выше. Кроме этого, очень важно создание условий для мотивации к развитию, понимание цели наращивания научного потенциала как необходимого для страны, осуществление стратегического планирования, подкрепленного финансовыми вливаниями. И только работая на уровне, соответствующем мировым достижениям, ученые смогут что-то дать подрастающему поколению молодых исследователей. Но вместо этого система государственного администрирования создает шоковую ситуацию динамично сменяющихся циклов трансформации, пытаюсь следовать формальным признакам в рамках меняющихся международных рейтингов, используя кнут реструктуризации и наказания сокращением и так скудного финансового обеспечения.

Вернемся к вопросу, поставленному в начале статьи. Так изменится ли сумма от перемены мест слагаемых? Мы полагаем, что не просто изменится. В странах, где наука так

долго определяла уровень образования, нельзя поставить паровоз в конце состава, лишив его возможностей к движению, и ждать, пока состав сдвинется с места сам. Ошибочна и версия, что мы сможем присоединить к каждому вузу исследовательский центр, сократив при этом финансирование с двух потоков до одного. И этот интегрированный вуз неожиданно начнет массово производить молодых ученых, которые одновременно смогут создать гениальные творения. Путь организации выставочных университетов тоже не является эффективным, поскольку он сопровождается как правило созданием зоны особых экономических законов для развития лишь одного конкретного университета. А нормативы и практики, навязываемые им впоследствии остальным университетам, не просто отдалены от реальности, они вгоняют их в еще бóльшую ситуацию дестабилизации. Эта ситуация очень напоминает строительство дома в известном юмористическом рассказе Ю. Нестеренко «Если бы программисты строили дома...».

Полагаем, что ситуацию изменит не попытка манипулирования местами слагаемых, а все-таки стратегическое видение того, что мы хотели бы получить в этом уравнении после знака «равно». Но КОНТУР целеполагающего будущего пока неясен, как и то, ЧТО собирается для его создания делать система государственного администрирования.

Список литературы / References

Абрамова, М. А., Каменев, Р. В., Крашенинников, В. В. (2018). *Высокие технологии: влияние на социальные институты и применение в профессиональном образовании*. Новосибирск. Манускрипт.

Abramova, M. A., Kamenev, R. V., Krasheninnikov, V. V. (2018). *High technologies: impact on social institutions and application in professional education*. Novosibirsk. Manuscript. (In Russ.)

Аблажей, А. М. (2019). Трансформации института науки в современных условиях: анализ исследовательских подходов. *Идеи и идеалы*. Т. 11. № 2-1. С. 44-62.

Ablazhey, A. M. (2019). Transformations of the Institute of science in modern conditions: analysis of research approaches. *Ideas and ideals*. Vol. 11. no. 2-1. pp. 44-62. (In Russ.)

Аналитическая записка НАТО об образовании в СССР 1959 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://statehistory.ru/4316/Analiticheskaya-zapiska-NATO-ob-obrazovanii-v-SSSR-1959-g/> (Дата обращения 10. 09. 2020).

NATO analytical note on education in the USSR 1959. [Online]. Available at: <https://statehistory.ru/4316/Analiticheskaya-zapiska-NATO-ob-obrazovanii-v-SSSR-1959-g/> (Accessed: 10. 09. 2020). (In Russ.)

Ефимова, М. Р., Долгих, У. Ф. (2016). Статистическая оценка грамотности населения России: от умения читать до ученых степеней. *Вопросы статистики*. № 9. С. 77-84.

Efimova, M. R., Dolgikh, U. F. (2016). Statistical assessment of literacy in Russia: from reading skills to academic degrees. *Questions about statistics*. no. 9. pp. 77-84. (In Russ.)

Карпов, А. О. (2014). «Товаризация» образования против общества знаний. *Вестник Российской академии наук*. Т. 84. № 5. С. 434-440.

Карпов, А. О. (2014). "Comradeship" of education against the knowledge societ. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 84. no. 5. pp. 434-440. (In Russ.)

Население России за 100 лет (1897-1997): Стат.сб. (1998). М., Госкомстат России.

Population of Russia for 100 years (1897-1997): stat.sat. Moscow. Goskomstat of Russia. (In Russ.)

Петров, В. В. (2020). Развитие университетских систем в трансформирующихся обществах. *Профессиональное образование в современном мире*. Т. 10. № 2. С. 3666-3673.

Petrov, V. V. (2020). Development of University systems in transforming societies. *Professional education in the modern world*. Vol. 10. no. 2. pp. 3666-3673. (In Russ.)

Шнедельбах, Г. (2002) Университет Гумбольдта. *Логос*. № 3. С. 1-14.

Schnedelbach, G. (2002) Humboldt University. *Logos*. no. 3. pp. 1-14. (In Russ.)

Ferlie, E., Musselin, C., Andresani, G. (2009). The governance of higher education systems: A public management perspective. In: C. Paradeise, E. Reale, I. Bleiklie, E. Ferlie (eds.). *University governance: Western European comparative perspectives*. Dordrecht: Springer. pp. 1-20. DOI: 10.1007/978-1-4020-9515-3 [Online]. Available at: <https://www.springer.com/la/book/9781402086373> (Accessed: 19. 08. 2020).

Jarzabkowski, P., Sillince J. A. A., Shaw D. (2010) Strategic ambiguity as a rhetorical resource for enabling multiple interests. *Human Relations*. no 63 (2), pp. 219-248. DOI: 10.1177/0018726709337040

Hewitt-Dundas, N. (2012). Research intensity and knowledge transfer activity in UK universities. *Research Policy*. no 41. pp. 262-275. DOI:10.1016/j.respol.2011.10.010

Siegel, D. S., Waldman D., Link A. N. (2003). Assessing the impact of organizational practices on the relative productivity of university technology transfer offices: an exploratory research. *Research Policy*. no 32 (1). pp. 27-48. DOI: 10.1016/S0048-7333(01)00196-2

Sorlin, S. (2007). Funding diversity: performance-based funding regimes as drivers of differentiation in higher education systems. *Higher Education Policy*. no 20. pp. 413-440. DOI <https://doi.org/10.1057/palgrave.hep.8300165>

Сведения об авторах / Information about the authors:

Мария Алексеевна Абрамова – доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом социальных и правовых исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: marika24@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0001-6923-3564.

Статья поступила в редакцию 10.08.2020

После доработки 02.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Abramova Mariya – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Research at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: marika24@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0001-6923-3564.

The paper was submitted 10.08.2020

Received after reworking 02.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020

УДК: УДК 167/168=> 001.378.1: 061.6

ПОСТСОВЕТСКАЯ НАУКА: ПОПЫТКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

А. М. Аблажей

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
ablazhey63@gmail.com

Аннотация. На основе вторичного анализа результатов проведенных социологических исследований намечены основные направления анализа генезиса и дальнейшего развития феномена постсоветской науки. Основное внимание уделено проблеме влияния глобального социально-экономического и социокультурного контекстов на формирование системообразующих элементов и факторов, определяющих развитие отечественной системы производства научного знания. Существенную часть статьи занимает анализ последствий радикальной реформы академического сектора для судеб российской науки. Сделан вывод, что наука в России сумела достаточно успешно адаптироваться к новым условиям деятельности, научилась успешно совмещать научный поиск и коммерческие интересы. Вместе с тем чрезмерная зависимость сферы фундаментальных исследований от государства обуславливает слабость науки, ее слабое участие в инновационном развитии страны.

Ключевые слова: наука, постсоветское общество, глобальный контекст, рынок, адаптация, радикальная реформа, перспективы.

Для цитирования: Аблажей, А. М. (2020). Постсоветская наука: попытка концептуализации. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 94-102. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.94-102.

POST-SOVIET SCIENCE: THE ATTEMPT OF CONCEPTUALIZATION

A. M. Ablazhey

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
ablazhey63@gmail.com

Abstract. On the basis of a secondary analysis of the results of sociological research, the main directions of the analysis of the genesis and further development of the phenomenon of post-Soviet science are outlined. The main attention is paid to the problem of the influence of the global socio-economic and socio-cultural contexts on the formation of system-forming elements and factors that determine the development of the domestic system for the production of scientific knowledge. An essential part of the article is devoted to the analysis of the consequences of the radical reform of the academic sector for the fate of Russian science. It is concluded that science in Russia has been able to successfully adapt to the new conditions of activity, has learned to successfully combine scientific research and commercial interests. At the same time, the excessive dependence of the sphere of fundamental research on the state determines the weakness of science, its weak participation in the innovative development of the country.

Keywords: science, post-Soviet society, global context, market, adaptation, radical reform, perspectives.

For citation: Ablazhey, A. M. (2020). Post-soviet Science: the attempt of conceptualization. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 1. pp. 94-102. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.94-102.

История постсоветской науки насчитывает порядка тридцати лет, что является хорошим поводом для анализа того, что представляет собой наука как специализированный социальный институт по производству рационального знания в современной России. Характеризуя современную науку как *постсоветскую*, необходимо понять, как происходил ее генезис, как формировалась и каковы основные черты государственной научной политики в современной России, каков «образ науки» в массовом сознании россиян и т.д. Основная задача статьи – выявление специфики современной российской науки, обусловленной, во-первых, ее несомненной связью с предшествующим этапом развития науки в нашей стране (советская наука), во-вторых, характером запросов и требований, которые предъявляют к науке государство, экономика и общество в современной России, в-третьих, ее включенностью в общемировые тренды трансформации системы производства научных знаний.

При написании настоящей статьи автор преследовал цель внести свой вклад в обсуждение проблемы, впервые четко сформулированной Р. Мертоном в конце 1930-х гг. [Мертон, 2006, с. 837-838], а именно: более-менее понятно, как наука влияет на общество (обеспечивая технический прогресс, являющийся залогом экономического роста, и т.д.). В то же время механизм обратного влияния гораздо менее понятен: проблемными являются представления о том, каким образом и в какой степени общество оказывает влияние на институт науки. В этой связи история российской науки представляет собой благодатное поле для анализа. На протяжении XX в. наука, как и все российское общество, пережила целый ряд драматических изменений, и понять их закономерности и направленность – сложная и вместе с тем крайне актуальная задача.

Приступая к анализу современной российской науки, следует с самого начала понимать, что это сложный социальный феномен, исследование которого требует принимать во внимание особенности как его генезиса – историю формирования научной сферы в пред- и послереволюционное время, уделив особое внимание углубленному анализу периодов как позднего («развитого») социализма, кризиса научной сферы 1990-х гг., так и функционирования в последние годы, включая реформу РАН, стартовавшую в середине 2013 г. Другое важнейшее обстоятельство – отношение общества к науке как источнику общественного богатства, равно как и к людям науки, которое не воспроизводится сегодня в прежнем виде. На смену восторженному отношению к науке как основе современной культуры, восприятию науки как «религии просвещенного человека» пришел неприкрытый скепсис относительно ее роли и вклада в духовную жизнь. Реагируя на запрос общества, наука как социальный институт, наряду с образованием, все полнее включается в *рыночные* правила игры. Мы сегодня вполне уверенно говорим о неолиберальной науке (варианты – пост-академическая, рыночная, коммодифицированная наука, технонаука, наука эпохи эпохального перелома, «когнитивный капитализм» и пр.), имея в виду прежде всего коммерчески ориентированную науку, ученых-бизнесменов, режимы финансирования и производства знания, ориентированные в первую очередь на интересы заказчика, а не на процесс приращения знания. И это вызывает известное напряжение в смысле трансформации традиционного этоса науки в мертоновском смысле.

Вся история развития науки показывает, что этот социальный институт требует достаточно специфических условий для своего нормального функционирования. Речь не только о внимании со стороны государства или спросе промышленности на научные разработки. В первую очередь здесь следует говорить о фундаментальной науке, которая, как «весьма хрупкий и ранимый социальный институт ... требует для своего полноценного развития целого ряда трудно выполнимых условий, прежде всего политической стабильности и высокого уровня образования» [Несветаилов, 1995, с. 34].

Начиная с рубежа 1980-1990-х гг. (по крайней мере, в явном виде) развитие российской науки происходит в контексте тех тенденций, которые характерны для мировой науки в целом. Следует предположить, что целый ряд векторов развития, актуальных для институционального устройства и практики проведения научных исследований, включая трансформацию традиционного этоса науки, которые можно обозначить обобщающим термином «неолиберальная наука», сегодня не менее актуальны и для отечественной системы организации исследовательской деятельности, которая, тем самым, стремительно теряет черты, роднящие ее с организацией науки, бытовавшей во временном интервале 1917–1991 гг. С другой стороны, необходимо принимать во внимание и то важнейшее обстоятельство, согласно которому организация фундаментальных исследований и высшего образования в современной России, равно как и управление ими, во многом продолжают сохранять (или сохраняли до самого последнего времени) те традиции и специфику, которые были характерны для советской науки. Перед исследователями стоит насущная задача проведения детальных исследований того, как именно неолиберализм трансформирует технологии и науку как на глобальном уровне, так и в рамках конкретной национальной модели науки. Такого рода исследования требуют не только нового набора исследовательских вопросов, методики и методологии в целом, но также более тщательного анализа того специфического политического, социально-экономического, историко-культурного контекста, в котором существуют как национальные научные сообщества, так и «Республика ученых» в целом [Аблажей, 2012, с. 160].

Согласившись с тезисом о том, что в целом социально-экономическое развитие страны в последние десятилетия протекает в русле неолиберальной экономической политики, резонно предположить, что и организация научных исследований в таком случае носит неолиберальный характер. Согласно мнению целого ряда исследователей, неолиберальная политика в сфере науки включает ряд критически важных элементов. Первым по значимости, бесспорно, является снижение бюджетного финансирования. Государство стремится максимально освободиться от бремени расходов на науку, стимулируя усилия по переводу на самоокупаемость и поиск альтернативных источников финансирования. Речь при этом не идет о снижении уровня финансирования: налицо ускоренная диверсификация источников финансирования за счет корпораций, филантропических организаций, прежде всего частных фондов, и т. д. Как итог, в развитых странах, даже с учетом резкого падения уровня государственного финансирования в последние два десятилетия, в целом наблюдается рост расходов на науку в процентах от валового внутреннего продукта (ВВП). Так, по данным Всемирного банка, на 2012 г. он составлял в США почти 2,8 % (в 1996 г. – 2,44 %). В Китае в том же 2012 г. на науку тратилось без малого 2 % от ВВП, тогда как

в России – чуть более одного процента. И это при том, что в одном из наиболее тяжелых для российской науки 1996 г. он равнялся 0,97 %¹, тогда как в Китае – 0,57 %. Таким образом, расходы на национальный институт науки в Китае выросли на 16 лет почти в 4 раза, в то время как в России лишь на несколько долей процента. Другими словами, экономический рост, продолжавшийся все 2000–е годы, почти никак не отразился на важнейшем для науки показателе, исходя из чего отечественная научная сфера не смогла совершить стратегический рывок в развитии. Как итог, в период с 2006 по 2010 гг. удельный вес публикаций отечественных ученых в общемировом массиве составил лишь 2,6 %, тогда как для китайских ученых он равен 8,4 % [Adams, King, 2010, p. 5].

Складывающиеся внешние условия вынуждают научное сообщество не просто воспроизводить прежнюю риторику и аргументацию для самозащиты и сохранения благоприятной общественной атмосферы, но искать новые способы общения с обществом, корпорациями, государством, доказывая необходимость продолжения научных исследований. Важная, но пока плохо осознаваемая научным сообществом и в силу этого сложная для решения проблема: налаживание продуктивного диалога с обществом, с потребителем производимых знаний. Сложность здесь заключается в том, что для российской науки ведущими дисциплинами традиционно являются физика, космология и т. д., тогда как сегодня наиболее востребованы дисциплины, польза которых гораздо более очевидна для массового сознания: медицина, биология, экология, технологически ориентированные отрасли исследований.

Ключевое значение имеет формирование и оценка основных принципов государственной научной политики и специфика организационного устройства науки в современной России. На наш взгляд, сегодня мы являемся свидетелями борьбы за лидерство в сфере производства и внедрения инноваций, борьбы за то, кто первый в связке – наука или технологии (технонаука!), и сказать, кто станет победителем – пока невозможно. Однако уже сегодня можно уверенно говорить о том, что академическая наука, в том числе в Сибири, смогла успешно адаптироваться к условиям рынка, а последние годы небезуспешно пытается адаптироваться к новым условиям функционирования, вызванным радикальной реформой науки 2013 г. История реформы показывает, что научная сфера, в отличие от многих других, крайне консервативна и инерционна и не поддается быстрым изменениям. Ситуацию усугубляет также и то обстоятельство, что основные мероприятия реформы были задуманы еще в середине 2000-х, тогда как практическая реализация началась спустя несколько лет, когда существенно изменились – в негативную сторону – внешние условия проведения. Это касается и ухудшения экономической ситуации, и внешнеполитической конъюнктуры. Все это резко сузило возможность маневра и спектр возможных адаптационных стратегий. С другой стороны, вновь подтвердился тезис о том, что революционные преобразования институционального устройства науки, равно как

¹ См.: «Когда заходишь в наши институты, очень часто хочется сказать “вау!”: Интервью Михаила Котюкова, руководителя Федерального агентства научных организаций, газете «Ведомости» // Ведомости. 15 сентября 2014. № 171 (3675). URL: <http://www.vedomosti.ru/library/library-persons/news/33439761/kogda-zahodish-v-nashi-instituty-ochen-chasto-hochetsya> (Дата обращения: 02.10.2020).

и революционные научные открытия, отнюдь не всегда успешны и с большим трудом принимаются научным сообществом. Спектр имеющихся мнений относительно реформы в основном находится в диапазоне от резко до умеренно критических; лишь небольшая часть ученых, главным образом молодежь, безусловно «за» реформу, воспринимая ее как шанс для себя. При всем при этом научное сообщество продолжает рассчитывать на то, что государственная научная политика будет меняться в сторону, благоприятную для науки. Институты нашли способы взаимовыгодного сотрудничества с промышленностью, корпорациями в сфере энергетики и лесного хозяйства, успешного участия в крупных международных проектах, таких как Большой Адронный коллайдер. Сильный толчок к развитию получили ведущие вузы академических центров Сибири – Новосибирска, Красноярска, Томска, Иркутска, – получившие статус федеральных и национальных исследовательских университетов. Академическая и вузовская наука де-факто является элементом инновационной системы страны.

Среди очевидных эффектов радикальной реформы академического сектора науки выделим следующие. Активизация поиска новых источников финансирования: «посадили на это дело специального человека, чтобы он рыскал»; «мы не пренебрегаем ничем, берем даже маленькие договора»; «положительного пока ничего не ждем». Обратим внимание на несколько важных моментов. Прежде всего, подобная ситуация уже разительно отличается от той, что была еще 3-4 года назад, когда финансовое положение учреждений науки стало очень достойным и каждое собрание Сибирского отделения РАН начиналось с победных реляций о постоянном растущем среднем размере доходов научных сотрудников Отделения. Теперь фактом является постоянный секвестр бюджета и институты вынуждены «резать по живому», сокращая те или иные статьи расходов. С другой – налицо и факт достаточно быстрой адаптации, большое разнообразие источников финансирования.

Смена директорского корпуса: «нет адекватной замены нынешнему директору, через две недели уходящему со своего поста»; самая распространенная схема изменений – прежний директор остается в качестве научного руководителя и, по сути, сохраняет за собой основные управляющие функции в отношении сугубо профессиональной составляющей деятельности института. Новому руководителю (а чаще всего речь идет о и.о. директора) достаются функции ведения всей формально-бюрократической стороны дела; «есть сложности и с заведующими лабораториями»; еще вариант – выдвижение кандидатуры от региональной власти, как случилось в Чите.

Самый очевидный эффект – бюрократический вал: «плодим никому не нужные бумаги», «ученый секретарь только этим и занимается». Это общее место всех взятых нами интервью, самое очевидное последствие реформы. И понятно, почему люди науки так тяготятся этим – они отдают себе отчет в том, что к науке подобные бюрократические игры не имеют почти никакого отношения.

Налицо структурные изменения, зачастую носящие вынужденный характер: «мы инициатором каких-либо институциональных изменений никогда не выступали», «мы самодостаточный институт, имеющий свое направление». При этом наиболее дальновидные руководители заранее готовят планы структурных изменений: «в нашем [Иркутском] научном центре была подготовлена, на всякий случай, своя программа реструктуризации ...

есть одно важнейшее условие – чтобы сохранялась юридическая самостоятельность институтов».

Психологическая усталость от постоянных изменений: «самое главное наше пожелание – чтобы нас оставили в покое, мы работали и будем работать»; «все устали, большинство сотрудников считает, что либо вы уж совсем закрывайте нас, либо скажите, что все это прекращается и мы живем в стабильной ситуации. Т. е. правила игры огласите, которые будут работать 5 или 10 лет ... нам говорят – вот, на год еще продлили мораторий – это что значит? Что через год нас всех уволят или как? Что будет после окончания моратория? Какова цель вот этой реформы?».

Ученые – участники наших опросов последних лет, крайне негативно оценили планы по выделению группы ведущих ученых, с соответствующими бонусами по зарплате, оборудованию и пр. Работа с кадрами идет постоянно, всегда есть люди, с которыми нужно расстаться. Но никогда этого не делалось сразу, вдруг и в больших масштабах. Возможный итог – «полная дезинтеграция сложившихся коллективов и т. д., и т. д.». Этого боятся все – и те, кто может оказаться на улице в силу понятных причин (возраст и пр.), и вообще все. «Не надо резких движений, мы и так эту работу проводим постоянно, идет обычная, нормальная работа. И ведь это не просто проект – нас заставили просчитать, что будет в случае его реализации. Мы просчитали последствия – если мы начнем реализовывать эти планы, останется четверть института, если добиваться тех параметров (средняя зарплата и пр.), которых от нас добиваются. Из 200 человек останется 50. В соседнем институте из 800-900 человек остается 100 или 200. Будем надеяться, что такие планы не пройдут, потому что народ просто выйдет на улицу. Если эти планы, под нажимом, но осуществляются – ну что, тогда просто закроем науку и все».

Не оправдалось несколько наиболее популярных сценариев развития ситуации в сфере академической науки вследствие ее реформирования, в частности, опасения, что начнется массовая научная эмиграция, в первую очередь молодежи. Это скорее популярный стереотип, сложившийся на этапе шоковой терапии науки в 90-е. Наши исследования со всей очевидностью показывают: адаптация возможна только как коллективная; индивидуальные стратегии адаптации, как правило, единичны. В условиях «большой науки», скроенной по лекалам Академии наук СССР, адаптация может идти только в рамках, как минимум, учреждения в целом. В этой связи очень симптоматичен тот факт, что ФАНО запустило с осени 2016 г. процедуру оценки *научных организаций*, а не индивидуальных достижений отдельного исследователя. Процедура и критерии оценки индивидуальных достижений разрабатываются руководством институтов, исходя из задач, стоящих перед ними (достижение навязанных «сверху» показателей по количеству публикаций на одного сотрудника и в целом по учреждению, цитируемости, средней заработной плате и пр.).

Отдельного детального анализа требует сформировавшаяся структура (возрастная, дисциплинарная, гендерная) российского научного сообщества. Налицо явные признаки того, что возрастной перекоп в сторону ученых старшего возраста, который на протяжении целого ряда лет был для него характерен, сегодня практически исчез. В то же время сохраняется феномен «двугорбого верблюда» – явный недостаток исследователей среднего возраста. По-прежнему актуально также исследование специфики адаптационных процессов,

процесса формирования новых профессиональных практик (публикационная активность, специфика межличностного взаимодействия, психологическое самочувствие ученых и т. д.).

Важный аспект – формирование «образа науки» в массовом сознании россиян. В провинции, на наш взгляд, до сих пор, несмотря на скепсис самих ученых, все еще сохранилось достаточно уважительное отношение к профессии ученого, к гуманитарной карьере, в частности. Это сказывается в большем уважении респондентов к своей профессии, значительная часть из них желали бы, чтобы их дети тоже пошли в науку (не хотят этого лишь около 1/5 опрошенных ученых, тогда в Новосибирске – почти половина). Наконец, учитывая более низкий уровень жизни в провинции в целом, гораздо более благоприятны и оценки своего уровня жизни. Несмотря на падение престижа профессии ученого, в обществе вовсе не упал престиж интеллекта, к которому прислушиваются, и если этот интеллект сконцентрирован в научном сообществе, то его мнение становится тем более значимым. Поразительно, но сами ученые мало что делают для того, чтобы как-то трансформировать эти мифы, тем более, что они так или иначе влияют и на принятие важных для науки и образования решений (финансы, автономия, ликвидация отсрочки от армии для аспирантов, наконец, реформы науки, как правило, принимавшиеся без предварительного обсуждения с научным сообществом). Здесь также стоит обратиться к истории: Д. Горин в своей статье ярко показал, что «целостная позиция научного сообщества в современной России звучит все менее внятно, даже по таким ключевым для этого сообщества вопросам, как реформа науки и образования. История показывает, что авторитет науки в России укрепляется вместе с ростом общественного признания научного сообщества. Знаменитые профессорские кружки XIX века были очагами развития зарождавшегося гражданского общества. Сегодня научное сообщество отстаиванию внятной гражданской позиции предпочитает, похоже, роль зрителя в спектакле, разыгрываемом известными сценаристами. Не стоит удивляться, что это сообщество из субъекта общественной жизни все больше превращается в объект. А интересы объекта учитывать необязательно»². Тот образ науки, который характерен для среднестатистического россиянина, прежде всего очень консервативен. Ситуация в науке сильно изменилась, что почти никак не сказалось на устойчивом представлении об ученых как голодающих чудаках с учеными степенями. Все так же популярны и имеют высокие рейтинги шоу экстрасенсов или астрологические прогнозы. С другой стороны, в последнее время все более заметны попытки объективного, взвешенного, популярного – в хорошем смысле – разговора о науке.

Выделим несколько острых проблем развития науки в России. Во-первых, падение престижа научной деятельности в стране привело к тому, что молодые люди предпочитают использовать статус аспиранта и молодого ученого прежде всего в качестве законной возможности избежать службы в армии, выехать за рубеж для построения самостоятельной карьеры. Российская академическая наука также стала значимым институтом по подготовке высококвалифицированных специалистов как для корпоративной российской, так и для западной науки, которые нуждаются в подготовленных научных кадрах, особенно

² Д. Горин. Господин профессор // НГ-Наука. 28.02.2007. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/nauka/2007-02-28/14_obraz.html (Дата обращения: 02.10.2020).

биологического профиля, в разработчиках новых технологий для наукоемкого производства. Проведенные в сентябре 2013 г. интервью в академических институтах Томского научного центра показали, что сегодня молодежь уезжает через несколько лет после окончания вуза, зачастую – даже не закончив аспирантуру.

Резкое сокращение финансирования фундаментальных исследований, по большому счету, не преодолено до сих пор. Это обстоятельство способствовало тому, что многие научные коллективы вынуждены искать новые, по преимуществу рыночные, способы финансирования исследовательской деятельности. Другими словами, современная российская наука, плохо или хорошо, но понемногу научилась зарабатывать деньги для материального обеспечения исследований, продавая результаты потребителям научной продукции как на зарубежном, так и на российском рынке. Очевидно, что при отсутствии реальной заинтересованности государства в научных результатах (а проводимая реформа это только подтверждает) наука в России будет вынуждена во все большей степени ориентироваться в основном на коммерческий или западный рынок научной продукции.

Важнейшей проблемой до недавних пор оставалось почти полное отсутствие возможностей для развития инновационного производства, что позволило бы эффективней использовать научный потенциал, окупая материально-технические затраты на подготовку кадров и разработку новых технологий. Возникновение вышеперечисленных проблем во многом обусловлено тем, что целый ряд институтов Академии наук на протяжении длительного времени пользовались повышенным вниманием государства, которое ориентировало их на поисковую работу в области фундаментальных проблем. Это привело к высокой степени зависимости от централизованных источников финансирования. И относительно короткий период поиска альтернативных источников финансирования сменился устойчивым вектором все большего преобладания финансируемых государством исследований.

Наши исследования научного сообщества сибирских центров академической науки, а это не только Новосибирск, но и Томск, Омск, Красноярск, Иркутск, показывают, что российская наука сумела достаточно успешно адаптироваться к новым условиям деятельности, научилась успешно совмещать научный поиск и коммерческие интересы. Наука, можно быть уверенным, сумеет пережить и задуманную реформу. Но в какой форме она будет в итоге проведена, какие потери и достижения принесет, каковы будут издержки, как долго наука будет адаптироваться к новой реальности – сегодня уверенно не может сказать никто.

Список литературы / References

Аблажей, А. М. (2012). Неолиберальный контекст постсоветской науки. *Вестник НГУ. Серия: Философия*. Т. 10. № 3. С. 155-160.

Ablazhey, A. M. (2012). Neo-liberal context of The Post-Soviet Science. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. Vol. 10. no. 3. pp. 155-160. (In Russ.)

Мертон, Р. (2006) *Социальная теория и социальная структура*. М.
Merton, R. (2006). *Social theory and social structure*. Moscow. (In Russ.)

Несветаилов, Г. А. (1995). Центр-периферийные отношения и трансформация постсоветской науки. *Социологические исследования*. № 12. С. 26-40.

Nesvetailov, G. A. (1995). The Center-Periphery relations and transformation of the Post-Soviet Science. *Sociological Studies*. no. 12. pp. 26-40. (In Russ.)

Adams, J., King, C. (2010). *Global Research Report. Russia: Research and collaboration in the new geography of science*. Thomson Reuters.

Сведения об авторе / Information about the author

Аблажей Анатолий Михайлович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: ablazhey63@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3693-8845.

Статья поступила в редакцию 02.09.2020

После доработки 12.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020.

Ablazhey Anatoly – Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: ablazhey63@gmail.com. ORCID: 0000-0003-3693-8845.

The paper was submitted 02.09.2020

Received after reworking 12.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020

УДК: 001.32; 001.89

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НОВОСИБИРСКОЙ НАУЧНОЙ
ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ:
ИДЕИ, ПОДХОДЫ, ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Ю. В. Попков

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
yuripopkov54@mail.ru

В. Г. Костюк

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
demosros2017@gmail.com

О. А. Персидская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
olga_alekseevna@mail.ru

Аннотация. Авторы рассматривают особенности генезиса, этапы формирования, теоретико-методологические основания, базисные идеи и подходы, развиваемые в рамках Новосибирской научной этносоциологической школы. Дано описание форм деятельности, научных связей и коммуникативных практик, определивших процесс ее институционализации. Сделан вывод, что данная научная школа соответствует критериям, предъявляемым к такого рода формам организации научного сообщества как по критериям организационной структуры, единства методологии и методики исследований, форм междисциплинарной коммуникации, воспроизводства научных кадров, так и исходя из оценки ее роли в регулировании межэтнических взаимодействий и этносоциальных процессов.

Ключевые слова: научная школа; Новосибирская научная этносоциологическая школа; институционализация; подходы; формы деятельности; основные результаты.

Для цитаты: Попков, Ю. В., Костюк, В. Г., Персидская, О. А. (2020). Институционализация Новосибирской научной этносоциологической школы: идеи, подходы, формы деятельности. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 1. С. 103-111. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.103-117.

**INSTITUTIONALIZATION OF THE NOVOSIBIRSK SCIENTIFIC SCHOOL
OF ETHNOSOCIOLOGY: IDEAS, APPROACHES, FORMS OF ACTIVITY**

Yu.V. Popkov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
yuripopkov54@mail.ru

V. G. Kostyuk

Institute of Philosophy and Law SB RAS
demosros2017@gmail.com

O. A. Persidskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS
olga_alekseevna@mail.ru

Abstract. The authors consider the features of genesis, stages of formation, theoretical and methodological foundations, basic ideas and approaches developed within the framework of the Novosibirsk Scientific Ethnological School. A description of the forms of activity, scientific ties and communicative practices that determined the process of its institutionalization is given. It is concluded that this scientific school meets the criteria for this kind of organization of the scientific community, both in terms of organizational structure, unity of research methodology and methods, forms of interdisciplinary communication, reproduction of scientific personnel, and based on an assessment of its role in regulating interethnic interactions and ethnosocial processes.

Key words: scientific school; Novosibirsk Scientific Ethnological School; institutionalization; approaches; forms of activity; main results.

For citation: Popkov, Yu. V., Kostyuk, V. G., Persidskaya, O. A. Institutionalization of the Novosibirsk Scientific School of Ethnology: ideas, approaches, forms of activity. *Respublica Literaria*. 2020. Vol. 1. no. 1. pp. 103-111. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.103-117.

В науковедении научная школа рассматривается как специфическая форма организации научного сообщества, обеспечивающая качественный и количественный прирост научного знания. Выделяют ряд характеристик, позволяющих дифференцировать современную научную школу от других типов кооперации ученых, складывающихся в ходе научной деятельности: наличие базисной парадигмальной идеи, основателя школы и последователей; существование, наряду с исследованием, деятельности по воспроизведению традиций школы у новых поколений ученых; формирование в рамках школы специфического этоса межличностной коммуникации, способствующего мотивации к познанию и научному творчеству [Криворученко, 2011; Павельева, 2012; Современный философский словарь, 1998].

Очевидно, что данный список характеристик, с одной стороны, не является исчерпывающим, а, с другой стороны, требует уточнения с точки зрения дисциплинарной специфики, так как считается, что естественнонаучные, математические, технические и гуманитарные научные школы различаются между собой. Так, говоря о социально-гуманитарных школах, Л. Харви (L. Harvey) выдвигает предположение, что в гуманитаристике исследовательская парадигма может быть представлена в неявном виде и не перерасти в исследовательскую программу, в связи с чем наличие последней может быть выявлено только при изучении трудов членов школы [Harvey, 1993]. По мнению Т. В. Захарчук, «исследования в социально-гуманитарной сфере с трудом поддаются социализации, т. е. коллективным способам деятельности. Для них характерна индивидуалистичность и субъективность в проведении исследований. Отсюда вытекает и нечеткость состава школ в этих науках» [Захарчук, 2012, с. 126]. Кроме того, по наблюдению Г. П. Мягкова, в научных школах социально-гуманитарного профиля чаще царит атмосфера доверия и поддержки, которую исследователь называет «семейной», в отличие от естественнонаучных школ, отличающихся достаточно жесткой дисциплиной и непререкаемым авторитетом лидера [Мягков, 2000, с. 114].

Далее рассмотрим один из примеров научной школы социально-гуманитарного профиля – Новосибирскую научную этносоциологическую школу. Ранее авторы уже публиковали материал об истории ее становления и концептуальных основаниях [Костюк, Персидская, 2007; Костюк, 2009; Попков, 2019]. В данной работе основной акцент сделан на

основных вехах развития школы, базисных идеях и результатах, а также организационных формах деятельности¹.

Генезис школы фактически начинается с 1963 года, когда при Объединенном ученом совете СО АН СССР по гуманитарным наукам была организована Сибирская секция по проблемам развития национальных отношений (председатель секции – известный лингвист, член-корреспондент АН СССР В.А. Аврорин). Проводимые секцией отчетные научные конференции были своеобразной формой междисциплинарного сотрудничества и комплексного обсуждения итогов работы историков, этнографов, социологов, лингвистов по национальной проблематике в Сибири и планирования дальнейших исследований.

В развитии исследовательских идей Сибирской секции и непосредственно этносоциологической школы огромную роль сыграл директор Института истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (далее – ИИФиФ СО АН СССР) академик А.П. Окладников. Он понимал археологию как науку о культуре и свое научное кредо определял следующим образом: «Я стремился выявить общие закономерности исторического процесса, последовательность этапов, а вместе с тем и локальные черты этого процесса, отраженные в своеобразии конкретных культурных комплексов и их взаимодействиях. За этими культурными комплексами ... стоят конкретные этнические общности, например, племена, родовые общины, народности» [Окладников, 1973, с. 7].

Основополагающая роль идей академика А.П. Окладникова в институционализации Новосибирской научной этносоциологической школы подробно рассматривалась нами ранее [Попков, 1998; Попков, 2008]. К числу наиболее значимых методологических установок академика, получивших отражение и творческое развитие в деятельности участников школы, следует отнести:

- 1) диалектический принцип всеобщей взаимосвязи явлений материальной и духовной жизни, процессов этногенеза и культурогенеза;
- 2) глобальный взгляд на процессы и результаты взаимодействия конкретных народов, учет всемирно-исторического контекста их развития;
- 3) акцент на локусе евразийского социокультурного пространства в развитии человечества;
- 4) генетический подход (академик, например, говорил о непрерывности этнического субстрата у народов Евразии от палеолита до современности).

Фундаментальные идеи А. П. Окладникова нашли концентрированное выражение в формировании парадигмы социального взаимодействия в его синхронном и диахронном измерении (системно-генетический подход) в качестве базовой методологической основы исследований представителей этносоциологической школы.

В первые годы работы Сибирской секции по проблемам развития национальных отношений ученые пришли к выводу, что одной из наиболее актуальных для того времени становится проблема функционального взаимодействия русского и национальных языков у народов Сибири и Дальнего Востока в условиях интенсификации миграционных процессов,

¹ Краткая информация о школе размещена на сайте ИФПР СО РАН. URL: <https://philosophy.nsc.ru/research/schools#school-ethno>.

индустриального, научного и культурного развития региона, трансформации образа жизни коренных народов. Потребовалось выяснить мнение представителей разных народов по языковым проблемам – как специалистов (педагогов, ученых, работников системы образования и т.д.), так и рядовых граждан.

В 1965-1968 гг. под руководством сотрудников ИИФиФ СО АН СССР В. А. Аврорина и Е. И. Убрятовой (совместно с учеными и педагогами национальных автономий Сибири) были проведены масштабные социолингвистические исследования среди 27 народов Сибири и Дальнего Востока.

С этносоциолингвистики и началась собственно этносоциология в Сибири. Было установлено, что значительная часть представителей коренных народов использует родной язык и считает целесообразным его преподавание как предмета в школе. На основе мнений населения и рекомендаций ученых в национальных округах Сибири с конца 1960-х годов начало возобновляться преподавание родного языка как предмета [Аврорин, 1967; Сбор и обработка..., 1969].

Однако актуальная проблематика национальных отношений не исчерпывалась этнолингвистикой, поэтому, следуя своему научному кредо понимания взаимосвязи этногенеза и культурогенеза, явлений материальной и духовной жизни, в 1968 г. А. П. Окладников принимает решение о создании в рамках ИИФиФ СО АН СССР сектора комплексных исследований проблем развития народов Сибири (заведующий сектором – тогда канд. филос. н., с 1987 г. – член.корр. РАН В. И. Бойко). С этого времени начинается развитие организационной составляющей институционализации Новосибирской этносоциологической школы.

Характерная особенность школы с самого начала ее формирования состоит в единстве теоретико-методологических разработок и эмпирических этносоциальных исследований. География социологических экспедиций сотрудников сектора началась с районов Нижнего Амура (Хабаровский край), а предметом анализа выступали вопросы социального развития малочисленных народов – нанайцев, ульчей, нивхов. Исследовались проблемы занятости населения, образования, ценностные ориентации, реальная и потенциальная миграция, удовлетворенность трудом и условиями жизни и т.д. Итоги исследований 1968-1973 гг. представлены в обобщающих монографиях В. И. Бойко.

В последующие годы в проблематике сектора на передний план выходит тематика адаптации аборигенов Сибири к нетрадиционным занятиям и современному образу жизни. Расширяется география конкретных исследований (Горный Алтай, Хакасия, Тува, Ханты-Мансийский автономный округ, зона БАМа), разрабатываются новые методы обработки материалов статистики и результатов социологических исследований (А. Ф. Фелингер, Е. Д. Гражданников, Г.С. Гончарова). Соответственно, усложняется и организационная структура школы: в 1970-х гг. к сектору комплексных исследований добавляется сектор социальных проблем труда и образования молодежи (рук. Д. Л. Константиновский), сектор математических методов в гуманитарных исследованиях (рук. А. Ф. Фелингер). На этой основе образуется отдел социологии института (рук. В. И. Бойко).

По итогам теоретических и конкретных этносоциологических исследований 1970-1980-х гг. издается целая серия работ, посвященных характеристике этносоциального развития как

народов Сибири в целом, так и отдельных их групп, прежде всего коренных малочисленных этносов.

С 1991 года главной институциональной единицей школы становится сектор этносоциальных исследований (рук. Ю.В. Попков) Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН), образованного в составе Объединенного Института истории, филологии и философии. Серьезные трудности финансирования науки в этот период компенсируются за счет объединения усилий и укрепления творческих связей сотрудников сектора с другими подразделениями института и учеными из разных сибирских регионов, а позднее и сопредельных стран (Казахстан, Монголия). Ряд исследовательских проектов осуществлен совместно с британскими, канадскими, германскими и индийскими коллегами. В них, в частности, представлен глобальный ракурс анализа этносоциальных процессов.

В результате объединенных усилий успешно реализуются серия проектов в рамках нескольких программ фундаментальных исследований РАН и СО РАН, прежде всего «Этносоциальные процессы в Сибири в системе цивилизационных взаимодействий (социологический аспект)» и «Народы Евразии в условиях реформ начала XXI века», около тридцати проектов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), а также проектов, выполненных по заказу органов власти разного уровня. Большинство из этих программ и проектов посвящены вопросам этносоциального и этнокультурного развития разных народов, межнациональных отношений, проблемам реализации государственной национальной политики.

Важное место в процессе развития Новосибирской этносоциологической школы следует определить роли проводимого с 1995 г. Международного семинара «Этносоциальные процессы в Сибири». Он объединяет специалистов разных профилей – социологов, философов, лингвистов, культурологов, экономистов, демографов, политологов, юристов, историков, представителей органов государственного и муниципального управления и национально-культурных организаций Сибири, а также других регионов России. В работе семинара участвуют ученые других стран (Казахстана, Монголии, Канады, США, Германии, Великобритании, Польши, Литвы).

Специфика семинара состоит в том, что он проводится в разных городах субъектов федерации Сибири (Новосибирске, Абакане, Кызыле, Красноярске, Улан-Удэ, Горно-Алтайске), организуется совместно с региональными органами власти с привлечением местных ученых и руководителей национально-культурных организаций. Несколько семинаров проведено в рамках Конгресса этнологов и антропологов России (г. Санкт-Петербург, г. Петрозаводск). Один из семинаров проходил в Казахстане (г. Усть-Каменогорск). Проведение семинара финансировалось РГНФ.

На семинаре обсуждается широкий круг проблем, начиная от теоретико-методологических вопросов исследования этносоциальных процессов, заканчивая особенностями их протекания в разных регионах, у разных народов и в разных сферах жизни. В частности, акцентируются вопросы этнодемографического, этноэкономического, этнокультурного, этнополитического, этноправового характера.

Материалы семинара публикуются в объемном тематическом сборнике «Этносоциальные процессы в Сибири», который содержит тексты докладов его участников, а также Резолюцию семинара, в которой обобщаются результаты исследований и формулируются предложения для исследовательских коллективов, представителей органов власти и общественных объединений по регулированию этносоциальных процессов в регионах России и сопредельных государствах Евразийского социокультурного пространства. К настоящему времени опубликовано 10 выпусков тематического сборника². Большая заслуга в оформлении материалов семинара, а также многих других документов по результатам этносоциальных исследований принадлежит В. Н. Гришаевой.

Семинар – важная форма не только научной коммуникации по вопросам этносоциальных исследований, но и развития школы как научного сообщества, в котором находит свое отражение сформировавшийся в школе особый этос – царит атмосфера творчества, строгой научной взыскательности, коллективизма, гражданской ответственности.

Деятельность представителей Новосибирской научной школы не исчерпывается лишь областью науки. Они активно участвуют в образовательном процессе и пропаганде научных знаний, их прикладной значимости для практики управления в сфере национальной и миграционной политики, этносоциального и этнокультурного развития, межэтнических отношений. Об этом свидетельствуют многочисленные учебные и публичные лекции и встречи, выступления на различных, в том числе общественных, форумах, в СМИ – в Глобальной сети, популярных журналах, на радио, телевидении. Эта область активности в последнее время находит постоянное отражение в новостном разделе сайте ИФПР СО РАН³.

В состав современного активно действующего коллектива этносоциологов ИФПР СО РАН входят исследователи, работающие с момента зарождения научной школы, поэтому их по праву можно отнести к ее основателям, а также последователи, почти все из которых прошли профессиональную подготовку при институте в виде аспирантуры по данному профилю.

Особой формой научно-образовательного процесса стала организованная ИФПР СО РАН Международная школа молодых этносоциологов. Всякий раз она имела тематический фокус. Первая школа прошла в 2006 году в Республике Алтай и была посвящена вопросам теории и методики этносоциальных исследований. Она вызвала большой интерес у самого широкого круга специалистов – как начинающих, так и уже активно работающих исследователей из России, Казахстана, Германии и Монголии. Вторую школу мы провели в 2008 году в Хакасии с тематикой «Традиции и социокультурные трансформации: теория и методика этносоциальных исследований», она была посвящена 100-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова. Третья школа «Методология и методика сравнительных этносоциальных исследований» фокусировалась на вопросах компаративистики и впервые проходила за пределами России, в столице Монголии – городе Улан-Баторе и его живописных окрестностях (2010 г.). Четвертая школа была посвящена теме «Межэтнические отношения: опыт исследования и гармонизации (этносоциальный аспект)», особенно

² Частично сборники выложены на сайте ИФПР СО РАН, коллекция постоянно пополняется. URL:<https://www.philosophy.nsc.ru/taxonomy/term/6>.

³ Главная страница сайта ИФПР СО РАН. URL: <https://philosophy.nsc.ru/>.

актуализировавшийся в последнее время не только в России, но и во всем мире. Она прошла в 2012 г. в одном из пансионатов на берегу Обского моря под Новосибирском. Школа привлекла внимание российских, французских, казахских и монгольских исследователей. Воспользовавшись тем, что впервые этносоциологическая школа проходила в столице Сибири, активное участие в ее работе приняли интересующиеся этносоциологией преподаватели, аспиранты и студенты вузов Новосибирска – НГУ, НГТУ, СибГУТИ.

В работе школы молодых этносоциологов традиционно реализуются активные методы обучения: помимо лекций, проводятся круглые столы и диспуты, выполняются творческие задания. В качестве обязательного пункта в программу школ входит представление и публичное обсуждение индивидуальных исследовательских проектов слушателей. Несмотря на то, что школа возникла не так давно, она уже обзавелась своей особой атмосферой, своими традициями. Есть у школы и постоянные преданные участники. В качестве ее отличительных черт слушатели отмечают добродушную обстановку, неформальный характер общения и в то же время интенсивность обучения и актуальность получаемых знаний. Материалы прошедших международных школ молодых этносоциологов опубликованы в двух тематических сборниках [Этносоциологию – молодым..., 2009; 2013].

В содержательном плане среди основных достижений Новосибирской научной этносоциологической школы последнего времени выделим следующие.

1. В противовес конструктивистским изысканиям в исследовании этнического феномена представители школы вносят вклад в развитие диалектико-материалистической теории этноса, в частности в рамках проблематики воспроизводства этничности, межэтнического сообщества и др. (В. В. Мархинин, И. В. Удалова, Д. В. Ушаков и др.).

2. Обосновано понимание евразийской цивилизации как особого социокультурного типа, эксплицированы основополагающие ценности и константы культуры евразийского мира, проведен сравнительный анализ современных ценностных ориентаций народов Южной Сибири, Восточного Казахстана, Западной Монголии с фиксацией доминирования здесь традиционных ценностей [Евразийский мир..., 2010].

3. Выявлены две базовые интерпретации социокультурного подхода – валюативная, опирающаяся на аксиологическую концепцию культуры, и рефлексивная, рассматривающая общество как продукт взаимодействия культур. Раскрыты эвристические возможности социокультурного подхода в исследовании и регулировании межэтнических взаимодействий и реализации национальной политики [Попков и др., 2013].

4. На примере Сибири раскрыта обусловленность региональной национальной политики особенностями этносоциальных процессов в конкретных субъектах федерации. В рамках проведенной экспертизы концептуальных оснований современной российской национальной политики обоснована необходимость выделения ее базовых региональных моделей. Проведен сравнительный анализ реальных региональных моделей национальной политики в нескольких регионах, различающихся по показателям социально-экономического развития, политико-административного статуса, характера и динамики этнической структуры и миграционных процессов (республики Алтай, Саха (Якутия), Бурятия, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Новосибирская область) [Попков и др., 2015; Абрамова и др., 2016].

5. Обоснованы концепции социокультурного и этнокультурного неотрадиционализма как внутренней и внешней рефлексии этнокультур, реализующейся в системе их диахронных и синхронных связей. На основе обобщения данных эмпирических исследований, проведенных в том числе в Монголии, сделан вывод о том, что этнокультурный неотрадиционализм является основой современного устойчивого этносоциального развития разных народов [Мадюкова, Попков, 2011; Монгольский мир..., 2014; Попков, Тюгашев, 2020].

6. Проведено теоретико-методологическое обоснование социокультурной типологизации на основе междисциплинарного (этносоциального, социально-психологического и психологического) анализа. Осуществлена эмпирическая верификация модели типологизации, базирующейся на количественных и качественных методах анализа. Выявлены большие эвристические возможности социокультурной типологизации в исследовании аккультурационных стратегий межэтнических установок молодежи [Абрамова и др., 2014].

7. На примере России обосновано понимание этнического многообразия, воспроизводимого в системе синхронных и диахронных связей, как фактора социокультурной динамики, понимаемой в качестве диалектического единства цивилизационного развития и социокультурной трансформации обществ. Показана роль этнического многообразия в цивилизационном развитии России [Ерохина, 2014].

8. Разработаны теоретико-методологические и методические основы социокультурного мониторинга динамики межэтнического сообщества. На примере Новосибирска осуществлена его эмпирическая апробация с диагностикой состояния и динамики реальной этносоциальной ситуации [Попков и др., 2018]. Полученные результаты используются органами власти муниципального управления города в практической работе в рамках реализации национальной политики.

9. Обоснованы коллективные права этнических сообществ как необходимое условие поддержки этнокультурного разнообразия, развития отдельных этнических культур и атрибут социальной и национальной политики [Коллективные права..., 2017; Тарбастаева, 2020].

Важной формой интеграции идей, методологических подходов и методик этносоциологических исследований в конкретных регионах, ориентированных на нужды практики и реализуемых этносоциологами ИИФиФ СО АН СССР (а с 1990 г. – ИФПР СО РАН) совместно с учеными автономий Сибири (Хакасии, Тувы, Бурятии, Якутии, Ханты-Мансийского АО и др.) стали программы координации исследований, концепции, практико-ориентированные программы. Среди наиболее крупных документов, в разработке которых участвовали представители этносоциологической школы, следует назвать: «Социально-экономическое развитие народностей Севера: программа координации исследований» (1988); «Концепция социального и экономического развития народностей Севера до 2010 г.» (1989); Государственная программа экономического и социального развития Севера (1993), «Концепция реализации национальной политики в городе Новосибирске» (2013); «Концепция устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года» (2020). Последняя недавно утверждена постановлением мэра в качестве нормативного документа, определяющего концептуальные ориентиры

реализации национальной политики на муниципальном уровне на предстоящее пятилетие с учетом особенностей существующей здесь этносоциальной ситуации.

Таким образом, концептуальные разработки и результаты проводимой диагностики проблем этносоциального развития и состояния межнациональных отношений находят применение в решениях и управленческой практике региональных и местных органов власти в сфере национальной политики. Некоторые сотрудники активно участвует в работе консультативных советов по данному профилю при полномочном представителе Президента РФ в Сибирском федеральном округе, Губернаторе Новосибирской области, мэрии города Новосибирска, являются экспертами Федерального агентства по делам национальностей РФ.

Помимо сотрудников ИФПР СО РАН большую роль в работе этносоциологической школы многие годы играют наши коллеги из других учреждений и регионов: Е. А. Тюгашев (Новосибирский государственный университет), А. В. Иванов (Алтайский государственный аграрный университет), М. А. Шишин (Алтайский государственный технический университет), В. Н. Тугужекова (Хакасский государственный университет), Н. М. Екеева (Научно-исследовательский институт алтаистики, Государственное Собрание – Эл Курултай Республики Алтай), З. Ю. Доржу и А. А. Стороженко (Тувинский государственный университет), И. А. Скалабан (Новосибирский государственный технический университет), М. Н. Терентьева (мэрия города Новосибирска), Е. С. Дерига (Новосибирский городской межнациональный центр) Х. Цоохуу (Монгольский государственный университет, Институт исследований монгольского Алтая), Н. Цэдев (Монгольский национальный университет) и многие другие.

В течение полувека развития школы менялись география и тематика исследований, совершенствовалась их методика, углублялись теоретические подходы, появлялись новые концепции, однако методологические принципы и мировоззренческие ориентиры сохраняли свою качественную определенность при всем разнообразии исследовательской практики. Все это дает основание утверждать, что на базе отдела социологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР, а затем сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН сложилось оригинальное научное сообщество – Новосибирская этносоциологическая школа. Результаты исследования ее представителей отражены в многочисленных монографиях, тематических сборниках и статьях ее участников. Они весьма многоплановы и содержательны⁴.

Осуществляемая в стране реформа науки в определенной мере усложнила проведение этносоциологических исследований: отменено бюджетное финансирование социологических экспедиций, усложнена система отчетности по плановым для Института и грантовым проектам. Кроме того, отсутствуют четкие ориентиры в государственной национальной политике и запросы органов власти к научному сообществу в сфере этносоциальных процессов как в Сибири, так и в России в целом.

Но жизнь продолжается! Как объективная реальность остаются этносы-народы и Россия как межэтническое сообщество, нация-согражданство и цивилизация – основа Евразийского

⁴ Многие книги в полнотекстовом варианте выложены на сайте ИФПР СО РАН. URL: <https://philosophy.nsc.ru/publications/books>.

социокультурного пространства, Евразийского экономического союза. О Новосибирской научной этносоциологической школе можно говорить, как о реальности по самым строгим критериям организационной структуры, методологии и методики исследований, форм междисциплинарной коммуникации, воспроизводства научных кадров, выполняемой роли в регулировании межэтнических взаимодействий и этносоциальных процессов.

Опыт ее работы может и должен быть продолжен в условиях современной интеграции социогуманитарных наук, процессов глобализации, взаимодействия цивилизаций.

Перспективными являются исследования процессов воспроизводства этничности, этнической и гражданской идентичности, правовых аспектов развития этносов и межэтнических сообществ, регулирования межэтнических взаимодействий, интеграции и дезинтеграции, солидарности и конфликтов, роли образования и культуры в этносоциальных процессах, на основе комплексных социологических и социально-психологических методов, сопряженности системно-генетического, социокультурного и цивилизационного подходов.

Список литературы / References

Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Костюк, В. Г. (2014). *Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты*. Новосибирск.

Abramova, M. A., Goncharova, G. S., Kostyuk, V. G. (2014). *Sociocultural types of youth: ethnic and regional aspects*. Novosibirsk. (In Russ.)

Абрамова, М. А., Костюк, В. Г., Мадюкова, С. А., Персидская, О. А., Попков, Ю. В. (2016). *Региональные модели государственной национальной политики современной России*. Новосибирск.

Abramova, M. A., Kostyuk, V. G., Madyukova, S. A., Persidskaya, O. A., Popkov, Yu.V. (2016). *Regional models of state ethnic policy in modern Russia*. Novosibirsk. (In Russ.)

Аврорин, В. А. (1967). Социолитингвистическое изучение функционального взаимодействия языков народов Сибири. *Проблемы изучения национальных отношений в Сибири на современном этапе*. Новосибирск. Сибирское отделение АН СССР, Институт истории, филологии и философии.

Avrorin, V. A. (1967). Sociolinguistic study of the functional interaction of the languages of the peoples of Siberia. *Problems of Studying National Relations in Siberia at the Present Stage*. Novosibirsk. Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of History, Philology and Philosophy. (In Russ.)

Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация. (2010). Под ред. Попкова Ю. В. Новосибирск.

Popkov, Yu.V. ed. *The Eurasian world: values, constants, self-organization*. (2010). Novosibirsk. (In Russ.)

Ерохина, Е. А. (2014). *Этническое многообразие в цивилизационном и геополитическом пространстве России*. Новосибирск. Издательство СО РАН.

Erokhina, E. A. (2014). *Ethnic diversity in the civilizational and geopolitical space of Russia*. Novosibirsk. Publishing house of the SB RAS. (In Russ.)

Захарчук, Т. В. (2012). Формирование научных школ в науках социально-гуманитарного цикла. *Приволжский научный вестник*. № 2 (6). С. 124-129.

Zakharchuk, T. V. (2012). Formation of scientific schools in the sciences of the social and humanitarian cycle. *Privolzhsky scientific bulletin*. no. 2 (6). pp. 124-129. (In Russ.)

Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики. Сборник научных трудов. (2017). Под ред. Попкова Ю. В., Тарбастаевой И. С. Новосибирск: ИФПР СО РАН.

Popkov Yu. V., Tarbastaeva I. S. ed. (2017). *Collective rights of ethnic communities: problems of theory and practice. Collection of scientific papers*. Novosibirsk. IPL SB RAS Publ. (In Russ.)

Костюк, В. Г. (2009). Новосибирская школа этносоциологии. *Социологические исследования*. № 3. С. 89-93.

Kostyuk, V. G. (2009). Novosibirsk School of Ethnosociology. *Sociological research*. no. 3. pp. 89-93. (In Russ.)

Костюк, В. Г., Персидская, О. А. (2007). Новосибирская школа этносоциологии: этапы становления, основные результаты. *Гуманитарные науки в Сибири*. № 1. С. 14-18.

Kostyuk, V. G., Persidskaya O. A. (2007). Novosibirsk school of ethnosociology: stages of formation, main results. *Humanities in Siberia*. no. 1. pp. 14-18. (In Russ.)

Криворученко, В. К. (2011). Научные школы. *Знание. Понимание. Умение*. № 2. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Krivoruchenko_Scholar_Schools/ (дата обращения: 25.08.2020).

Krivoruchenko, V. K. (2011). Scientific schools. *Knowledge. Understanding. Skill*. no. 2. [Online]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/2/Krivoruchenko_Scholar_Schools/ (Accessed: 25 August 2020). (In Russ.)

Мадюкова, С. А., Попков, Ю. В. (2011). *Феномен социокультурного неотрадиционализма*. СПб.

Madyukova, S. A., Popkov, Yu. V. (2011). *Phenomenon of sociocultural neo-traditionalism*. St. Petersburg. (In Russ.)

Монгольский мир: между Востоком и Западом. (2014). Под ред. Попкова Ю. В., Амарсаны Ж. Новосибирск.

Popkov Yu. V., Amarsani Zh. ed. *Mongolian Peace: Between East and West*. (2014). Novosibirsk. (In Russ.)

Мягков, Г. П. (2000). *Научное сообщество в исторической науке: Опыт «русской исторической школы»*. Казань: Издательство Казанского университета.

Myagkov, G. P. (2000). Scientific community in historical science: The experience of the «Russian historical school». Kazan. Kazan University Publishing House. (In Russ.)

Окладников, А. П. (1973). Этногенез и культурогенез. *Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: Сибирское отделение АН СССР, Институт истории, филологии и философии.

Okladnikov, A. P. (1973). Ethnogenesis and cultural genesis. *Ethnogenesis problems of the peoples of Siberia and the Far East*. Novosibirsk. Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of History, Philology and Philosophy. (In Russ.)

Павельева, Т. Ю. (2012). Научные школы в системе науки: философский анализ: *Диссертация... доктора философских наук*. Москва.

Pavelyeva, T. Yu. (2012). Scientific schools in the system of science: philosophical analysis: *Dissertation of Doctor of Philosophy*. Moscow. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (1998). Идеи академика А. П. Окладникова и этносоциальные исследования в Сибири. *Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы международного симпозиума*. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН.

Popkov, Yu. V. (1998). Ideas of Academician A. P. Okladnikov and Ethnosocial Research in Siberia. *Siberia in the panorama of millennia*. Materials of the international symposium. Novosibirsk: Publishing house of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2008). Роль академика А. П. Окладникова в формировании и развитии новосибирской школы этносоциологии. *Гуманитарные науки в Сибири*. № 4. С. 8–10.

Popkov, Yu. V. (2008). The role of academician A. P. Okladnikov in the formation and development of the Novosibirsk school of ethnosociology. *Humanities in Siberia*. no. 4. pp. 8-10. (In Russ.)

Попков, Ю. В. (2019). Концептуальная специфика Новосибирской научной этносоциологической школы. *Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции*. Новосибирск. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. С. 188-193.

Popkov, Yu. V. (2019). Conceptual specificity of the Novosibirsk scientific ethnosociological school. In *Siberian Dimension of Russian Philosophy: Schools, Trends, Traditions: Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific Conference*. Novosibirsk. Novosibirsk National Research State University. pp. 188-193. (In Russ.)

Попков, Ю. В., Костюк, В. Г., Абрамова, М. А., Гончарова, Г. С., Ерохина, Е. А., Мадюкова, С.А., Удалова, И. В., Ушаков, Д. В., Тюгашев, Е. А., Мархинин, В. В. (2013). *Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий*. Новосибирск.

Popkov, Yu. V., Kostyuk, V. G., Abramova, M. A., Goncharova, G. S., Erokhina, E. A., Madyukova, S. A., Udalova, I. V., Ushakov, D. V., Tyugashev, E. A., Markhinin, V. V. (2013). *Sociocultural approach to the regulation of interethnic interactions*. Novosibirsk. (In Russ.)

Попков, Ю. В., Скалабан, И. А., Тюгашев, Е. А., Костюк, В. Г., Мадюкова, С. А., Персидская, О. А., Тарбастаева, И. С., Вавилина, Н. Д., Терентьева, М. Н., Осьмук, Л. А., Дерига, Е. С. (2018). *Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика*. Новосибирск. Издательство НГТУ.

Popkov, Yu. V., Skalaban, I. A., Tyugashev, E. A., Kostyuk, V. G., Madyukova, S. A., Persidskaya, O. A., Tarbastaeva, I. S., Vavilina, N. D., Terentyeva, M. N., Osmuk, L. A., Deriga, E. S. (2018). *Socio-cultural monitoring of the urban interethnic community: methodology, methodology, practice*. Novosibirsk. Publishing house of NSTU. (In Russ.)

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2020). *Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях*. Новосибирск. Издательство НГТУ.

Popkov, Yu. V., Tyugashev, E. A. (2020). *Ethnocultural neo-traditionalism and identity in modern socio-cultural transformations*. Novosibirsk. Publishing house of NSTU. (In Russ.)

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А., Ерохина, Е. А., Мадюкова, С. А., Персидская, О. А., Гончарова, Г. С., Мархинин, В. В., Удалова, И. В., Костюк, В. Г. (2015). *Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири*. Новосибирск. Издательство Сибирского отделения РАН.

Popkov, Yu. V., Tyugashev, E. A., Erokhina, E. A., Madyukova, S. A., Persidskaya, O. A., Goncharova, G. S., Markhinin, V. V., Udalova, I. V., Kostyuk, V. G. (2015). *Ethnosocial processes and ethno-national politics in the regions of Siberia*. Novosibirsk. Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Сбор и обработка материалов социолого-лингвистических исследований в Сибири (материалы к региональной конференции). (1969). Новосибирск.

Collection and processing of materials from sociological and linguistic research in Siberia (materials for the regional conference). (1969). Novosibirsk. (In Russ.)

Современный философский словарь. (1998). Сост. В. Е. Кемеров. Москва. Панпринт. 1998.

Modern philosophical dictionary. (1998). V. E. Kemerov (comp.). Moscow. (In Russ.)

Тарбастаева, И. С. (2020). Коллективные права этнических сообществ: социально-философский анализ: *Диссертация... кандидата философских наук*. Новосибирск.

Tarbastaeva, I. S. (2020). Collective rights of ethnic communities: socio-philosophical analysis: *Dissertation of candidate of philosophy*. Novosibirsk. (In Russ.)

Этносоциологию – молодым: Материалы международных школ молодых этносоциологов. Вып.1. (2009). Ред.: Ю. В. Попков, Е. А. Ерохина. Новосибирск.

Popkov Yu. V., Erokhina E. A. ed. *Ethnosociology for the Young: Materials of International Schools for Young Ethnosociologists. Vol. 1.* (2009). Novosibirsk. (In Russ.)

Этносоциологию – молодым: Материалы международных школ молодых этносоциологов. Вып.2. (2013). Ред.: Ю.В. Попков, Е.А. Ерохина. Новосибирск.

Popkov Yu. V., Erokhina E. A. ed. *Ethnosociology for young people: Materials of international schools for young ethnosociologists. Vol. 2.* (2013). Novosibirsk. (In Russ.)

Harvey, L. (1992). The Myths of the Chicago School. *Quality and Quantity*. Vol. 20. no. 2/3. pp. 191-217.

Сведения об авторах / Information about the authors:

Попков Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8. e-mail: yuripopkov54@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1036-9253

Костюк Всеволод Григорьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8. e-mail: demosros2017@gmail.com, ORCID 0000-0002-5167-7316

Персидская Ольга Алексеевна – младший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8. e-mail: olga_alekseevna@mail.ru. ORCID: 0000-0002-6821-4692

Статья поступила в редакцию 20.08.2020

После доработки 12.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Popkov Yuri – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: yuripopkov54@mail.ru. ORCID: 0000-0002-1036-9253

Kostyuk Vsevolod – Candidate of Philosophy, Senior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: demosros2017@gmail.com, ORCID 0000-0002-5167-7316

Persidskaya Olga – Junior Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: olga_alekseevna@mail.ru, ORCID: 0000-0002-6821-4692

The paper was submitted 20.08.2020

Received after reworking 12.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020

УДК 061.1

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Сибирского отделения Российской академии наук:
30-летний юбилей

«Быть превзойденными в научном отношении — не только наша общая судьба, но и наша общая цель. Мы не можем работать, не питая надежды на то, что другие пойдут дальше нас. В принципе этот прогресс уходит в бесконечность»

(М. Вебер).

В 1957 году, когда только создавался научный центр в Новосибирске, основной задачей было развитие естественно-научных и технологических направлений. Гуманитарные науки ждали своего часа, и только в 1966 году на базе отдела гуманитарных исследований (до этого времени входящего в Институт экономики и организации промышленного производства) был образован Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, который возглавил выдающийся археолог академик А.П. Окладников.

Собственно философский отдел в Институте появился в 1970 г., тогда как социологические исследования проводились еще с 1966 г. в рамках отдела гуманитарных исследований. Оба направления составили основу будущего Института философии и права. В 1990 году Институт истории, филологии и философии СО АН СССР получил статус Объединенного института, в котором продолжили свое развитие четыре направления – археология, история, филология и философия – на правах отдельных институтов. В 2006 г. Институт философии и права стал полностью самостоятельным и самодостаточным научным учреждением в составе Сибирского отделения Российской Академии Наук. Основными направлениями Института остались исследования в области философии и социологии, впоследствии к этому добавились исследования в области права.

Философия была представлена исследованиями в трех направлениях: логика и теория познания, методология и философия науки, история философии. Каждое из этих направлений быстро обрело специфику и профиль, ориентированные на мировые тренды. Специфика состояла в том,

Фото 1. Известный финский логик Якко Хинтика с В.В. Целищевым (директор ИФПР СО РАН с 1997 г. по 2017 г.).

Фото 2. Сотрудники отдела философии. Середина 70-х гг

что в отличие от всех других гуманитарных наук в Сибирском отделении, тематика которых определялась региональными рамками, философская тематика определялась общими для мировой философии проблемами. Одной из важных особенностей развития философских исследований по логике и методологии науки явился тесный контакт с рядом школ в области математики и естественных наук в рамках Сибирского отделения, равно тесные контакты с зарубежными институтами и исследователями аналитической философии и философской логики. Также «фирменной» особенностью Института стали исследования в области античной философии, начало которым было положено в 1997 году.

Социологические исследования в Институте с самого начала были сконцентрированы на этносоциальных проблемах народов Сибири и Севера. Теоретические обобщения по мониторингу социальной ситуации, совмещавшиеся с продолжительной экспедиционной работой в отдаленных районах Сибири, становились основой для записок и рекомендаций, в дальнейшем используемых в программах развития и сохранения народов сибирского региона.

Фото 3. Группа этносоциологов:
Вторая половина 80-х годов.

Исследования в области юриспруденции вначале были представлены конституционным правом, в настоящий момент в центре внимания вопросы и проблемы гражданского права и процесса. Кроме того, институт одним из первых в Новосибирске открыл аспирантуру по юридическому направлению сразу по четырем специальностям, что оказалось весьма востребованным в условиях острого интереса к правовым специальностям в России.

Институт философии и права на протяжении всего периода своего существования выделялся в среде институтов Сибирского отделения вниманием к важным аспектам академической жизни. Прежде всего, это касается аспирантуры, в которой в некоторые периоды число аспирантов было соизмеримо с числом научных сотрудников Института. Работа двух диссертационных советов практически полностью покрывала весь спектр актуальных философских специальностей. Это позволило создать в Институте резерв из молодых кандидатов наук, часть из которых через довольно короткий интервал защитили докторские диссертации, что способствовало омоложению руководящих кадров, и ИФПР был одним из не очень большого числа институтов, не имевших с этим проблем в период реорганизации РАН. Сейчас в институте из 54 научных сотрудников – 20 кандидатов наук и 21 доктор, средний возраст докторов наук в институте – один из самых молодых среди докторов наук академических организаций в целом по стране.

Сотрудничество с образовательными организациями в Институте было и остается приоритетным направлением деятельности сотрудников. Именно их усилиями был создан, и впоследствии развивался Философский факультет Новосибирского государственного университета, в профессорско-преподавательском составе которого преобладают сотрудники Института. Выпускники магистратуры факультета многие годы пополняли аспирантуру Института, а затем и его кадровый состав.

Далеко не каждая научная организация может представить такое количество научных изданий как ИФПР СО РАН. На настоящий момент институт является учредителем и соучредителем 5 изданий: это научные журналы «Философия науки», «ЭНОАН: Философское антиковедение и классическая традиция», «Философия образования», альманах «ЧЕЛОВЕК.RU» и новый журнал «Respublica Literaria», создание которого приурочено к юбилею института. По названию изданий можно с уверенностью констатировать, что направления исследований, проводимые сотрудниками института, весьма разнообразны и охватывают широкий круг актуальных проблем современного гуманитарного знания.

В настоящее время коллектив Института на треть состоит из молодых сотрудников, при этом сохраняя преемственность в научных изысканиях

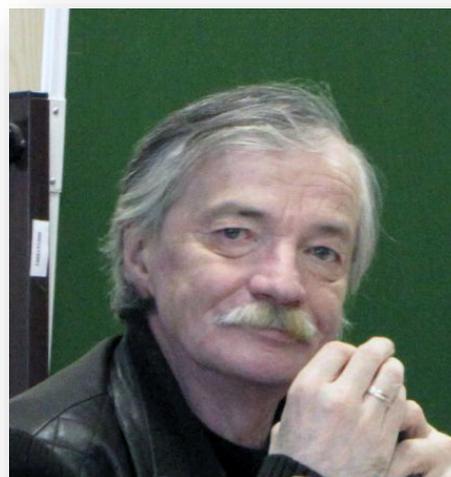

Фото 4. А. Л. Симанов,
в.н.с. ИФПР СО РАН,
главный редактор журнала
«Философия науки»

и следование традициям коллектива. Свидетельством этому являются три сложившиеся научные школы. Это школа философии математики, руководителем которой является доктор философских наук, профессор Виталий Валентинович Целищев, директор института с 1997г. по 2017 г. Следует отметить усилия доктора философских наук Александра Леонидовича Симанова в формировании коллектива исследователей в области философии науки. Оба этих направления сложились в тесной кооперации с учеными Сибирского отделения в области естественных наук.

Школа этносоциологических исследований, возглавляемая доктором философских наук, профессором Юрием Владимировичем Попковым.

Фото 6. В. П. Горан,
г.н.с. ИФПР СО РАН

На сегодняшний день в институте представлены два отдела: отдел философии, чьи исследования сконцентрированы в двух направлениях – философии науки, социальной эпистемологии и истории философии, и отдел социальных и правовых исследований, проводящий изыскания в области социокультурных и этносоциальных исследований Сибири, актуальных проблем социологии науки и философии образования, а также правовые исследования.

Фото 5. Ю. В. Попков,
г.н.с. ИФПР СО РАН

Школа истории философии, инициированная доктором философских наук, профессором Гораном Василием Павловичем, возглавляется ныне директором ИФПР СО РАН доктором философских наук Мариной Николаевной Вольф.

Фото 7. М.Н. Вольф,
директор ИФПР СО РАН

С момента образования института особая роль закрепилась за Советом научной молодежи. Организатором и вдохновителем активной позиции СНМ был Никита Владимирович Головкин при активной поддержке Анатолия Михайловича Аблажея, в последующие годы СНМ возглавил Александр Афанасьевич Санженков. Благодаря их усилиям в Институте действует постоянный семинар молодых ученых, а новосибирская молодежная конференция «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» перешагнула уже свое 18-летие, и сегодня объединяет на своих площадках молодежь не только со всей России, но и из-за рубежа, изменив статус с региональной сначала на всероссийскую, а затем и на международную.

Фото 8. Участники XVIII Международной научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований», г. Новосибирск, 6-7 октября 2020 г.

В преддверии 30-летнего юбилея Института философии и права СО РАН еще раз отметим, что сегодня, как и вначале пути, коллектив института состоит не только из ученых с именами и признанными заслугами, но и, в значительной степени, из молодых, талантливых, активных исследователей, которым предстоит и в дальнейшем доказывать, что в Сибири есть интеллектуалы, способные ставить и решать философские проблемы любой сложности и уровня. Коллектив Института продолжает плодотворную

исследовательскую деятельность, оставаясь уникальной, единственной за Уралом научной организацией, которая проводит изыскания в области философии, этносоциальных исследований и юриспруденции, и вносит значительный вклад в развитие интеллектуального потенциала Сибири и России.

Сведения об авторах / Information about the author:

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: leitval@gmail.com.

Покасова Елена Викторовна – кандидат философских наук, ученый секретарь Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: secretar@philosophy.nsc.ru

Статья поступила в редакцию 10.09.2020

После доработки 18.09.2020

Принята к публикации 28.09.2020

Tselishchev Vitaly – Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva 8. e-mail: leitval@gmail.com.

Pokasova Elena - Candidate of philosophy, Scientific Secretary of the Institute of philosophy and law of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva 8.

e-mail: secretar@philosophy.nsc.ru

The paper was submitted 10.09.2020

Received after reworking 18.09.2020

Accepted for publication 28.09.2020

ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Журнал «**Respublica literaria**» публикует материалы по исследованиям в области философии и ее истории, социологии, права. Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия Эл № ФС77-78827 от 07 августа 2020 г.

Публикациям в журнале присваивается DOI, материалы размещаются в системе eLibrary и они будут индексироваться в системе РИНЦ.

ПРИНЦИПЫ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Поступающие в журнал материалы проходят первичный отбор на соответствие:

- общим содержательным требованиям;
- требованиям к оформлению текста и библиографических ссылок;
- заявленным научным направлениям издания (философия, социология, право);
- проверяются системой Antiplagiat (к публикации принимаются тексты, новизна которых составляет не менее 75 %).

В случае прохождения первичного отбора статьи направляются на обязательное двойное слепое рецензирование.

Редакция берет на себя ответственность за подготовку статьи к публикации, её проверку системой Antiplagiat, обеспечение добросовестного рецензирования.

Решение о публикации или отклонении поступающих в журнал материалов принимается редакционной коллегией в соответствии с положением о рецензировании.

Рукописи, отклоненные редакцией по причине несоответствия требованиям к оформлению, не рецензируются.

Автор, направляя статью в редакцию:

- гарантирует, что в настоящее время она не рассматривается для публикации в другом издании, не размещалась в Интернете и не была опубликованы ранее.
- подтверждает, что рукопись является оригинальной работой, не содержащей элементов плагиата и недобросовестного заимствования.
- должен уведомить Редакцию о наличии любых конфликтов интересов.
- должен чётко указать все источники, используемые в тексте.
- несет ответственность за подбор и достоверность сведений, изложенных в статье, цитат, статистических и социологических данных и т.д.
- должен сообщать о любых ошибках, которые обнаружит в своей рукописи после публикации.

- выражает свое согласие на публикацию статьи в журнале «**Respublica literaria**» и передачу ее текста третьим лицам (двойное слепое рецензирование носит обязательный характер) в форме договора.

Договор с автором будет отправлен редакцией после принятия статьи к публикации.

Адреса для отправки статьи:

Статьи следует направлять в электронном виде по адресам: respubliteraria@gmail.com, respubliteraria@yandex.ru.

Сайт журнала: <https://respublicaliteraria.ru>

https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=75340

Требования к оформлению статей

Редакция принимает статьи в форматах doc, docx, rtf. Для любых языков (древнегреческий, европейские и др.) используются только шрифты, соответствующие стандарту Unicode. Статьи должны быть представлены в электронном формате. Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах (jpg, pdf), приложенных к письму.

1. Номер по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2. Информация об авторах на русском и английском языках: ФИО (полностью), место работы, город, электронный адрес.

3. Название статьи (прописными буквами) на русском и английском языках.

4. Аннотация (500 – 1000 знаков с пробелами на русском и английском языках) отделяется от текста статьи пропуском строки. Аннотация должна содержать следующие блоки: проблема, которую решает автор (цель статьи), подходы и методы, выводы, к которым автор пришел (или которые доказал). Все эти моменты должны быть последовательно и логично изложены. Кроме того, аннотация статьи не должна содержать излишнего теоретизирования, а, наоборот, отражать существенные моменты проведенного исследования.

5. Ключевые слова (5 – 10 на русском и английском языках).

Текст (от 20000 до 40000 знаков) набирается шрифтами Times New Roman, или Minion Pro. Размер шрифта в сведениях об авторе – 11 кегль, в аннотации и ключевых словах – 10 кегль, в названии статьи и содержании – 12 кегль. Межстрочный интервал – одинарный, поля (все) – 2,0 см, абзацный отступ – 1 см. Перенос слов не допускается!

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в электронном виде.

Нумерация страниц сплошная, с 1-ой страницы, внизу по центру.

6. В конце статьи приводится **Список литературы / References**. Список не нумеруется. Библиографическое описание русскоязычных источников приводится на русском и английском языках (12 кегль).

7. После списка литературы приводятся **Сведения об авторе**: ФИО полностью, звание, ученая степень, должность и место работы (на русском и английском языках), электронный адрес, номер ORCID (<https://orcid.org/>) при наличии (12 кегль).

Требования к оформлению библиографических ссылок к статьям

Уведомляем, что журнал «Respublica literaria» использует Гарвардский стиль (Harvard Style) – name-date system.

Ссылка для справки: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>.

Внутритекстовые ссылки

• В ссылках на конкретный фрагмент текста документа указывают номер страницы. Например: [Иванов, 2020, с. 60].

• Если ссылка содержит сведения о нескольких работах, они разделяются знаком «точка с запятой».

Например: [Целищев, Хлебалин, 2020; Вольф, 2020].

[Branden et al., 1995; Uhrig, 2008; Watson & Wooden, 2009].

Если ссылка содержит сведения о двух авторах одной работы, указываются оба. Например: [Петров и Иванов, 2020; Lepkowski & Couper, 2002].

• Если ссылка содержит сведения о нескольких авторах одной работы, указывается [Петров и др., 2020] или [Milton et al., 1990, p. 34].

Обратите внимание, что p. 34 означает на какой странице был взят текст. Если указывается диапазон страниц, то принято писать “pp. 34-37” (Milton et al., 1990, pp. 34-37).

• Если приводятся несколько книг одного автора, вышедшие в один год, то после фамилии нужно указать (a, b, c и т.д.). Например: [Петров, 2017a; Петров, 2017b].

• Если авторы не указаны, в ссылке пишется только название работы: [Социология в России, 2017]; [European Commission, 2017].

• Если текст цитируется не по первоисточнику, а по другому документу, то в начале ссылки приводят слова: «Цит. по:» (цитируется по), «Приводится по:», с указанием источника заимствования. Например: [Цит. по: Яшкичев, 2009].

Список литературы / References

Библиография составляется в алфавитном порядке, сначала идут названия на кириллице, затем на латинице. Порядковые номера не ставятся. Формат библиографического описания следующий:

Книга:

Фамилия автора, Инициалы. (Год издания). *Название книги курсивом*. Место издания. Издательство (по желанию и наличию информации).

Мадюкова, С. А., Попков, Ю. В. (2011). Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.

Dorandi, T. (1991). *Filodemo, Storia dei filosofi: Platone e l'Academia*. Naples. Bibliopolis.

Глава в книге или статья в сборнике:

Фамилия автора, Инициалы. (Год издания). Название статьи в сборнике или главы в коллективной монографии, “In” в англ. версии. Фамилия, инициалы редактора сборника либо монографии (ред.). *Название сборника либо монографии курсивом*. Место издания. Издательство (по желанию и наличию информации). Страницы.

Афонасин, Е. В. (2018). Философская биография: истоки жанра. *Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности*. Сб. науч. трудов Всероссийской научной конференции. Новосибирск. С. 57-59.

Troy, V. N. (2015). Harvard citation rules. In Williams, S.T. (ed.). *A guide to citation rules*. New York. NY Publishers. pp. 34-89.

Ссылка на сборник:

Фрагменты ранних стоиков. В 3-х томах. (1998–2010). Сост. А. А. Столяров. М.

Erbse, H., ed. (1995). *Theosoporum graecorum fragmenta*. Leipzig.

Особо следует отметить ссылки на источники.

Вся библиография должна идти одним алфавитным списком, без разделения на источники и остальную литературу!

Обязательно указывается автор издания, переводчик или составитель, за исключением редких случаев, когда он не известен. Обратите внимание, что при наличии у каждого тома отдельного редактора, нужно указывать в соответствии с библиографическими данными. Необходимо указать переводчика текста, на который вы ссылаетесь.

Фрагменты ранних греческих философов. (1989). Пер. А. В. Лебедев. М.:Наука.

Brisson, L., éd. (2011). *Platon. Oeuvres completes*. Paris.

Статья в журнале:

Фамилия автора, Инициалы. (Год издания). Название статьи. *Название периодического издания курсивом*. Том. Номер. Страницы. DOI (нужно указать, если у статьи имеется идентификационный номер)

Афонасин, Е. В. (2020). Теофраст о ветре. *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 14. №. 1. С. 215-225. DOI:10.25205/1995-4328-2020-14-1-215-225

Kingsley, P. (1995). Meetings with Magi. Iranian Themes among the Greeks, from Xanthus of Lydia to Plato's Academy. *Journal of the Royal Asiatic Society*. no. 5. pp. 173-209.

Ссылки на электронные ресурсы:

Фамилия, И. О. (год). Название. [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения)

Белоус, Н. А. (2007). Прагматическая реализация коммуникативных стратегий в конфликтном дискурсе. *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. № 4. [Электронный ресурс]. URL: www.tverlingua.by.ru/archive/005/5_3_1.htm (дата обращения: 15.12.2017).

Вольф, М. Н. (2018). Дискуссии об истории философии: XX век. *История и философия науки в эпоху перемен*. Сб. науч. статей. В 6 томах. Т. 5. [Электронный ресурс]. М. Изд-во «Русское общество истории и философии науки». С. 24-27. URL: <http://rshps.ru/books/congress2018t5.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).

Mitchell, J. A. (2017). *How and when to reference* [Online]. Available at: <https://www.howandwhentoreference.com/> (Accessed: 27 May 2017).

В списке литературы источники даются в алфавитном порядке, ссылки на публикации на иностранных языках приводят в списке после ссылок на русском языке.

Список литературы должен быть представлен на русском языке и на английском. При переводе на английский язык русскоязычных источников нужно указывать в конце **(In Russ.)**

Афонасин, Е. В. (2020). Теофраст о ветре. *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*. Т. 14. №. 1. С. 215-225. DOI:10.25205/1995-4328-2020-14-1-215-225

Afonasin, E. V. (2020). Theophrastus on the wind. *Schole. Philosophical antiquity and classical tradition*. Vol. 14. no. 1. pp. 215-225. DOI:10.25205/1995-4328-2020-14-1-215-225 (In Russ.)

Редакция также просит указывать в списке литературы **DOI** источников, если таковые имеются.

Библиографическое описание переводной литературы с английского языка обязательно должно содержать исходное название источника на родном языке. Пожалуйста, указывайте именно его.

Названия известных русскоязычных работ, неоднократно цитируемых, уже имеют устоявшийся перевод. Пожалуйста, указывайте именно его, иначе цитируемая Вами статья не будет учтена в международных базах цитирования.

Автоматическое форматирование сносок НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Пример оформления

УДК 1(091)

СВЕРХИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЛИ АПРОПРИАЦИЯ?

М. Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН
rina.volf@gmail.com

И. В. Берестов

Институт философии и права СО РАН
berestoviv@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждаются разные трактовки интерпретации, которые толкуют ее как универсальный метод гуманитарных наук. Особое внимание уделено трактовкам У. Эко и Э. Бэти, которые хотя и не согласны между собой, однако противопоставляются философскому или аналитическому пониманию интерпретации, которое мы называем в статье апроприационистским. Присущий апроприационизму способ интерпретировать прошлое нередко грозит сверхинтерпретацией, за что он критикуется сторонниками контекстуализма. Мы анализируем интерпретацию через призму трех предложенных нами скептических аргументов, «концептуальный релятивизм», «горгианские умы», «часть и целое». Скептические аргументы часто используются в философии как дополнительный фильтр для проверки состоятельности тех или иных концепций, и хорошо видно, что контекстуалистская концепция интерпретации этот фильтр не проходит. Тезисом, что апроприация действительно является сверхинтерпретацией, можно принять лишь с той оговоркой, что для строго философского способа рассуждения и внутри апроприационизма другой вариант интерпретации будет несостоятелен.

Ключевые слова: интерпретация, сверхинтерпретация, скептические аргументы, апроприационизм.

OVERINTERPRETATION OR APPROPRIATION?

M. N. Volf

Institute of Philosophy and Law (IPL), Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
rina.volf@gmail.com

I. V. Berestov

Institute of Philosophy and Law (IPL), Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
berestoviv@yandex.ru

Abstract. The article discusses various approaches to interpretation, which understand it as a universal method of the humanities. Particular attention we paid to the interpretations in U. Eco and E. Batti, who, although do not agree with each other, however, are opposed both to the philosophic or analytic understanding of interpretation, which we call the appropriationist approach. The way of interpreting the past inherent in appropriationism often threatens with overinterpretation, for which it is criticized by adepts of contextualism. We analyze the interpretation through the prism of three skeptical arguments we offered, “conceptual relativism”, “Gorgianian’ minds”, “the part and the whole”. Skeptical arguments are often used in philosophy as an additional filter for testing the consistency of the concepts, and it is clearly seen that the contextualist concept of interpretation does not pass this filter. The thesis that appropriation is indeed a overinterpretation can be accepted under reserve that for a strictly philosophical way of reasoning and from within appropriationism, another version of interpretation is inconsistent.

Keywords: interpretation, overinterpretation, skeptical arguments, appropriationism.

В предыдущих работах, обсуждая контекстуалистский и апроприационистский подходы к изучению прошлого философии, а также отношение внутри этих подходов к интерпретации текста и контекста, мы прежде всего говорили о них как о методах философской интерпретации прошлого, о том, какую роль они играют для формировании отношения философии к ее истории в рамках самого же философского сообщества [Берестов и др., 2019].....

Список литературы / References

Берестов, И. В., Вольф, М. Н., Доманов, О. А. (2019). *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Новосибирск.

Berestov, I. V., Volf, M. N., Domanov, O. A. (2019). *Analytic History of Philosophy: Methods and Inquiries*. Novosibirsk. (In Russ.)

Бетти, Э. (2011). *Герменевтика как общая методология наук о духе*. Пер. Е. В. Борисов. М.

Betti, E. (2011). *Hermeneutics as a General Methodology of the Spiritual Sciences*. E. V. Borisov (transl.). Moscow. (In Russ.)

Россиус, Ю. Г. (2015). Учение о ценностях в теории интерпретации Э. Бетти. *История философии*. Т. 20. С. 130-144.

Rossius, J. (2015). The doctrine of values in Emilio Betti’s theory of interpretation. *History of Philosophy*. Vol. 20. pp. 130-144. (In Russ.)

....

Сведения об авторах / Information about the authors

Вольф Марина Николаевна – доктор философских наук, доцент, директор Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: rina.volf@gmail.com, ORCID ID: 0000-0003-1458-0440

Берестов Игорь Владимирович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева 8. e-mail: berestoviv@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0003-0782-761X

Wolf Marina – Doctor of Philosophy, associate Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: rina.volf@gmail.com, ORCID ID: 0000-0003-1458-0440.

Berestov Igor – Candidate of Philosophy, Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 8, Nikolaeva Str. e-mail: berestoviv@yandex.ru, ORCID ID: 0000-0003-0782-761X.